

Нина Линдт

Последний рыцарь
короля

ИСТОРИЯ, ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ПОПАДАНЦЫ

Нина Линдт

Последний рыцарь короля

«Автор»

2021

Линдт Н.

Последний рыцарь короля / Н. Линдт — «Автор», 2021

Студентка Ольга с друзьями попадает в Средние века. Чтобы вернуться, ей предстоит выдать себя за донну Анну и вывести на чистую воду ее убийцу и по совместительству мужа, а потом еще и развестись с ним – задача невыполнимая в условиях Средневековья и… крестового похода, в который затянуло всю компанию. И пусть кругом рыцари – не все они благородны и честны, опасность ходит вокруг, многоликая и… даже безликая. Вскоре Ольга мечтает уже не о возвращении в свое время, а просто о том, чтобы остаться в живых…

Содержание

Пролог 1	5
Пролог 2	6
Часть 1. И настали темные времена...	17
Глава 1	17
Глава 2	22
Глава 3	26
Глава 4	30
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	51
Глава 8	55
Глава 9	60
Глава 10	67
Глава 11	73
Глава 12	82
Глава 13	92
Глава 14	99
Часть 2. Совершенный Крестоносец	105
Глава 1	105
Глава 2	111
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Нина Линдт

Последний Рыцарь Короля

Пролог 1

– Что ты наделал?! – впервые за период своего существования сорвался Светлый. – Как мы теперь будем дальше плести Линию?

Он заплакал, сжимая в руках голову мертвой женщины. Его белая рубашка была испачкана ее кровью, красивое лицо искажено болью.

– Я не знаю!!! – Темный тоже весь дрожал. – Почему ты спрашиваешь меня об этом? Мы вдвоем виноваты, не я один.

Пальцы Темного нежно поправили золотистые локоны умершей, словно он не хотел признавать, что ее больше нет.

– Надо найти выход, иначе все начнет рушиться, слышишь? – Светлый слегка тряхнул его за плечо. Темный поднял на него взгляд:

– У нас только один выход.

И Светлый в ужасе отшатнулся от него, догадавшись, что он предложит.

Пролог 2

Весна в Москве всегда начинается внезапно: всё лежит снег, дует ветер, бежит белой змейкой поземка, холодно. Потом вдруг в воздухе начинает появляться едва уловимый запах весны, сложенный из свежего аромата южного ветра, с явными нотами тающего снега. Начальная нота – влажная прохлада, переходящая в ноту сердца, – предчувствие скорых перемен, прекрасных и непременно счастливых, а шлейфом звучит припекающее солнце. Легкое движение парфюмера-природы – и весенняя эйфория охватывает город.

Весеннее настроение бурлило в аудиториях университета М. Стоило открыть окно, как уже мало кто был способен слушать скучные лекции, все мысли устремлялись прочь из храма наук, на солнечную улицу, где так весело чирикали птицы. Катя спрятала на окне за жалюзи букет красных тюльпанов, и, когда Мария Августовна вошла в аудиторию, мы все затянули «Веселого дня рождения» на французском, приятно удивив ее букетом и подарком.

Мария Августовна достала несколько коробок шоколадных конфет, и мы, сбившись в тесный круг, болтали на французском и русском обо всем на свете. Слово за слово, речь зашла о трудностях языка. Я рассказала, что поначалу меня особенно забавляло, что слова на французском пишутся зачастую длиннее, чем звучат. Вот, например, слово «много» во французском произносится как «боку» (4 звука), а пишется в 8 букв (!) – «beaucoup».

Мария Августовна нисколько не удивилась – французский язык у меня третий, до него я начала учить испанский, где все четко пишется так, как произносится, поэтому француженке был понятен мой праведный гнев по поводу непредсказуемости французской орфографии.

– Ольга, возможно, ты просто не хочешь присмотреться к французскому поближе? – спросила она. – Не забывай, что французский, как и твой любимый испанский, основан на латыни, а значит, у них есть много общего. Конечно, общность эта сейчас малозаметна, но в XI–XIII веке, в период, когда бытовал старофранцузский, основанный на разговорной латыни, она была более явной. Ты бы удивилась, если бы услышала французов того времени, настолько гремучей была смесь латыни и французского. Они сами порой сильно путались, и, чтобы избежать непонимания, дополняли свою речь красноречивыми жестами.

– А что непонятного могло быть? – Вадик набил конфетами рот и говорил невнятно.

– Ну, если ты помнишь, – с достоинством сказала Катя, – в те времена Франция была раздроблена, и короли подчас были слабее, чем знатные люди из Провинций. Каждый жил немного сам по себе, и поэтому вполне вероятно, что язык в разных провинциях мог иметь свои нюансы.

– Но ведь королевство было? Значит, централизованная власть должна была объединять людей? – Наташа произнесла это просто так, чтобы поддержать разговор. Было видно, что ей не особо интересна судьба французского языка в стародавние времена.

– Все вовсе не так просто, – возразила Мария Августовна, – в те времена существовало великое множество диалектов, а на севере Франции даже чувствовалось немецкое влияние, но никакой из этих диалектов не победил диалект сердца Франции – Иль-де-Франс.

– Где Париж? – пробубнил Вадик, дожевывая конфеты.

– Да.

– А когда же французский начал приобретать современную форму? – спросила Катя. Она на французском была самая умница, ей, похоже, он нравился, как мне нравился испанский.

– Можно сказать, что во второй половине XIII века французский становится более похожим на то, что сейчас называют нормой языка. Это случилось, потому что королевская власть становится централизованной, север Франции начинает подчинять себе юг, а затем и другие страны. Например, в английском языке очень заметно влияние французского, но вы это знаете и без меня, вы же учите историю английского языка.

— Да уж, — поежилась Саша, — учим. Ничего не понятно, а особенно, зачем все это знать, если все это давно закончилось.

— Ну, хотя бы для того, — улыбнулась Мария Августовна, — чтобы вы могли ответить, если однажды кто-нибудь из ваших студентов задаст вам вопрос по истории языка. И потом, вы будущие лингвисты, переводчики, преподаватели — какую бы специальность вы не выбрали, везде нет-нет да понадобится знание истории языка.

— А может, ты, Сашка, возьмешь да и попадешь в средневековую Англию! — загорелся Вадик. — Сможешь поговорить с ними, так чтобы они не заподозрили, что ты не из их времени. А если будешь плохо учиться, тебя возьмут и сожгут на всякий случай. Как ведьму.

— Тебя бы куда-нибудь послать! — рассердилась Саша. — А то больно разговорчивый стал!

— Не надо его никуда посыпать, — возразила Мария Августовна, — он мне должен сдать долги за первый семестр.

— Лучше сожгите! — откидываясь назад, пробормотал Вадик. Ему не слишком нравилось учиться, он не ловил от этого кайфа, как ловят многие девчонки и очень редко ребята. Мы с Катей были отличницами, кто-то сказал бы, ботанами, но это не так. Мы не зубрили, мы учились с удовольствием, а Вадика больше привлекала философия и психология, к языкам он относился прохладнее. Хотя, когда надо, он мог быть очень красноречивым, поэтому блистал, как правило, на экзаменах, все остальное время предпочитая особо не напрягаться.

После французского мы собирались под предводительством преподавателя истории Николая Палыча пойти в музей на открытие выставки, посвященной европейскому искусству Средних веков. Нас собралось человек двадцать. Я пошла, чтобы составить компанию Кате, Вадику — чтобы составить компанию нам. Уже при входе в музей он со всего размаха хлопнул себя по голове.

— Что случилось? — спросила Катя.

— Опять забыл сдать учебник по латыни, — ответил он. — Ношу его с собой уже несколько дней и все никак не сдам в библиотеку.

— По латыни? — удивилась Катя. — А что ты его на первом курсе не сдал?

— Да все найти его не мог. А как нашел, бросил его к себе в портфель. Так и таскаю, — и, расстегнув сумку, он показал нам до боли знакомый желтый с красным орнаментом учебник, который сопровождал нас весь первый курс.

— Я уже, наверно, ничего не вспомню из латыни, — сказала я. — Как только закончили курс — так сразу все и забыла.

— Девочки и мальчики, — говорил в это время историк за нашими спинами, — билеты нам дали, теперь хочу представить всем, кто не знает, Артура Ковальского, моего бывшего ученика. Он изъявил желание сходить с нами в музей.

Мы с Катькой обернулись, едва услышав имя Артура. Мы не видели его с самого прощания на вокзале города Николаева, когда возвращались из Украины в Москву после завершения раскопок в греческом городе Ольвия. Артур жил и работал в Германии, изредка наведываясь в Москву. С того времени прошло больше полугода, но мы были рады увидеть его снова. Артур обнял всех, кто был в той экспедиции, пожал руки Вите и Вадику. Когда я обнимала его, мне показалось, что он стал еще выше. Артур словно еще больше возмужал за это время. Было странно видеть его не в шортах и майке. Сначала я чувствовала себя неловко при воспоминании о нашей крепкой ольвийской дружбе. Но уже спустя несколько минут мы привыкли к нему снова и пошли за историком. Артур приехал в Москву недолго и, узнав, что Палыч собирает нас в музее, решил, что это шанс проводить нас всех. Мы увлеченно осмотрели пару залов под руководством историка, а затем стали дробиться на мелкие группы и самостоятельно изучать витражи, картины, гобелены и скульптуры эпохи Средневековья. Посетителей в тот день было очень мало, их шаги и негромкие разговоры эхом разлетались по пустым залам. Казалось, что старушек-смотрителей и то больше, чем желающих посмотреть выставку.

Мы с Катей остановились возле миниатюр, которые лежали под стеклом, и, рассматривая их, я шепнула Кате:

– Кать, посмотри, пожалуйста, вон на того человека в черном костюме, только незаметно...

– Ну? – спросила Катя, оторвавшись от миниатюр и посмотрев, куда я просила.

– Тебе не кажется, что он повсюду ходит за нами? – краем рта спросила я, делая вид, что меня очень интересуют изображения шутов и трубадуров.

– Нет. По-моему, он просто гуляет здесь, так же как и мы.

Я не разделяла ее мнения. Я заметила этого странного типа еще в первой зале, он увлеченно разглядывал фрагмент алтаря рядом с нами. Потом он медленно двигался за нами, рассматривая не столько экспонаты, сколько нас с Катей. Это был человек невысокого роста, коренастый, крепкий, лет сорока – сорока пяти. Черные длинные волосы, которые доходили ему почти до плеч, были стянуты в хвост, но несколько более коротких, непослушных прядей выбивались из прически и падали на белый лоб. Он был бледен, я бы сказала, изможден, под глазами у него лежали темные тени. Длинный, немного крючковатый нос придавал его лицу суровость, а тонкие губы с горькой складкой у края – выражение огорчения. Он двигался с большим достоинством, заложив руки за спину, иногда вскидывая надменным и прекрасным движением голову, чтобы убрать черные пряди с лица. Пока я украдкой разглядывала его, незнакомец развернулся и смело поймал мой любопытный взгляд. Я поспешила ретироваться к Кате, Вадику и Артуру, сделав вид, что мне крайне интересна беседа, в которую они погружены.

– Я был увлечен крестовыми походами, когда учился в школе, – рассказывал Вадик, поглядывая на картину, на которой была изображена сцена посвящения в рыцари. – Даже стенгазету однажды выпустил, моя историчка была счастлива. Я был так одержим этим временем, что иногда жалел о том, что сейчас не одиннадцатый век. А потом как-то все забылось. Родители думали, я стану историком, а я вот пошел на лингвиста.

– А я никогда не любил то время, – сказал Артур. – Мне оно казалось жестоким. Этому времени не хватает элегантности, просвещенности... ну, – смутился он, поймав огорченный взгляд Вадика, – может, я мало о том периоде знаю...

– Не переживай, Артур, – сказала Катя. – Вадик всегда такой. Если он чего-то не знает, то считает, что это совершенно не нужно, а вот если что-то знает, то бесится, когда этого не знают остальные.

– Вовсе не так! – воспротивился Вадик, но Катя его шутливо толкнула в плечо, и он замолчал.

– А ты, Ольга, что скажешь? – спросил у меня Артур, и я робко подняла на него глаза.

– Видишь ли, мне всегда была интересна история любой страны и любого народа, предпочтений у меня мало. Думаю, что если бы у меня была возможность безопасного путешествия во времени, я бы обязательно отправилась бы во Францию XVII века, потому что о ней написано столько романов. Но забираться в древность особого желания я не испытываю. Средние века называют Темным временем, не хотелось бы блуждать в потемках, хочется сразу попасть в эпоху рассвета.

– Простите, что вмешиваюсь, – раздался глухой, как далекие раскаты грома, голос, и между Катей и Вадиком протиснулся тот тип в черном, которого я заметила раньше, – но я услышал невольно ваш разговор, и мне стало любопытно.

Он говорил с мягким акцентом, коверкая кое-где слова, но мне казалось, что он делает это намеренно, чтобы усилить акцент. Подойдя к нам, он улыбнулся, и я вдруг поразилась, насколько непроницаемым, при всей выразительности, оказалось его лицо. Невозможно было понять, жесток он или добр, суров или милосерден, сердится или смеется. Даже его возраст вызывал сомнения – тот, кто казался пять минут назад сорокапятилетним мужчиной, угрюмым и умудренным жизнью, теперь выглядел лет на пятнадцать моложе, более легким и приятным,

не лишенным определенного очарования. В его голубых, почти прозрачных глазах невозможно было прочесть ровно ничего кроме величайшей любезности. Я бы охарактеризовала его просто: он был лукав. Лукавство искрилось в его глазах, мелькало в уголках его узких губ, он лукаво поклонился нам, даже темный перстень на его худых пальцах лукаво сверкал в свете ламп дневного освещения.

Мы с Катей переглянулись: теперь она не сомневалась, что он шел по залам за нами, выискивая возможность для того, чтобы подойти и завязать разговор.

– Хотя, если я вас отвлекаю… – он сделал паузу, предлагая нам самим закончить ее. Мы с Катей напряженно молчали, Вадик вообще не мог понять, зачем он к нам влез, и только Артур поспешил ответить:

– Вовсе нет. Хотя это была просто беседа, а не научный спор, а вы… – он сделал в свою очередь паузу, намекая на то, чтобы человек представился нам.

Мужчина легко поклонился и произнес:

– Простите, совсем забыл представиться: барон Фридрих фон Гаутштазе.

– Очень приятно, барон, – наклонил голову Артур. – Я много слышал о вас в Германии.

– О да! – засмеялся барон. – Обо мне всегда много говорят, но не всегда правду.

Его легкий немецкий акцент, с которым он произнес «говоряят», только подтвердил во мне ощущение наигранности, но от него вдруг словно повеяло чем-то исконно немецким, до такой степени, что сомневаться более было нельзя.

– Барон фон Гаутштазе – знаменитый меценат. Его очень уважают на Западе, – представил нам повторно барона Артур. Тот повернулся к нам и уставился на меня странным изучающим взглядом. В его глазах сквозило любопытство художника или скульптора, и я почувствовала себя пустым холстом или глыбой мрамора, сырьим материалом, с которым он собирался работать.

– А вы, молодой человек, видимо, не раз бывали в Германии, раз знаете меня, – обратился барон к Артуру, подняв на него свои водянистые глаза.

– Да я живу там. Время от времени, – Артур никогда не распространялся по поводу своей работы и жизни в Германии. Все, что мы знали – это то, что его отец работает в министерстве образования Германии, и лишь могли предполагать, чем занимается Артур. Все попытки выведать истину о его работе заканчивались провалом – Артур всякий раз ловко уклонялся от этой темы. Мы все подозревали, что Николай Палыч как близкий друг Артура наверняка знает о нем больше, но наш историк деликатно хранил тайну. Однажды в экспедиции девчонки, которые были неравнодушны к Артуру, шутливо окружили его и сказали, что не отпустят, пока он не расскажет, кем работает, на что Артур, улыбаясь, ответил, что тайну о своей профессии он откроет только той, с кем решится создать семью. Девчонки игриво потребовали, чтобы он выбрал кого-нибудь из них, мол, выбирать есть из чего, все разные, все красивые и умные. Спас Артура неожиданно вмешавшийся Вадик, который посоветовал ему не выбирать никого, потому что «эти все одинаковые – какую бы ты не выбрал, наутро после первой брачной ночи о твоей профессии будет знать весь земной шар». Девчонки тогда ужасно обиделись на Вадика, и ему серьезно досталось в тот же вечер: на его голову, когда он сидел на пригорке, наслаждаясь степным закатом, вылилось целое ведро воды. Когда Вадик обрел дар речи, он объявил трехдневную вендетту: в течение этого времени он ходил по лагерю с бутылкой и поливал из нее всех особей женского пола, которые встречались на его пути, вне зависимости от того, были они причастны к его вынужденному купанию или нет. Визг и смех девчонок раздавались то тут, то там, и можно было безошибочно определить, где находится Вадик. Артур и его жизнь в Германии так и остались для нас загадкой. В общем, несмотря на его общительность, мы о нем знали мало – «человек-загадка», так прозвала его Катя.

– Что же вас привело в Россию? – вновь слаживая фразу о своей жизни в Германии, поменял тему Артур.

Барон бросил на него свой лукавый взгляд и быстро заговорил на немецком. Мы с Катей молча наблюдали за их разговором, не понимая практически ничего, но видно было, что Артуру приятно общаться с бароном.

– Но я вижу, что ваши друзья заскучали, – обратился к нам по-русски барон. – Вы не будете против, если я присоединюсь на время к вашей компании? Мне никогда не предоставлялась возможность поговорить с русскими студентами, я совершенно не представляю себе, чем вы дышите, что вас волнует.

– Дышим мы воздухом, господин барон, – серьезно начал Вадик, Катя прыснула, я улыбнулась.

– А волнует нас, – ответила я, желая поскорее избавиться от его общества, – что мы отстали от группы. Так что, извините, барон, но не думаю, что вам будет с нами интересно.

Я подхватила Вадика и Катю под руки и всем своим видом дала понять, что тороплюсь.

– Вы очень нелюбезны, сударыня, – заметил барон. – А в Средние века, которые вы изволили назвать Темными, подобная нелюбезность посчиталась бы за грубый недостаток в воспитании.

Я вспыхнула, барон, заметив мой гнев, довольно искривил губы в улыбке.

– А вы, Катерина, тоже считаете, что мое вмешательство крайне неуместно? – обратился барон к Кате, подняв черную бровь, отчего выражение его лица стало еще более лукавым.

Катя вздрогнула, как будто ее ужалили.

– Откуда вы знаете, как меня зовут? – спросила она.

– Я горжусь своим прекрасным слухом, сударыня, – легко ответил барон фон Гаутштазе и тут же добавил, обращаясь уже к Вадику:

– Я думаю, что вам было бы интересно посмотреть на зал, посвященный Крестовым Походам. Наверное, вы, как и я, в детстве увлекались рыцарской тематикой. Думаю, что каждый мальчишка мечтал оказаться в тех временах, взять в руки меч… Помню, когда я был маленьким, я часто играл в рыцарей с мальчишками во дворе.

Барон отобрал у меня руки Кати и Вадика, и увлек их за собой. Мне показалось, что он сделал это специально, чтобы позлить меня. Рука Артура ласково легла на мое плечо и слегка его сжала. Я подняла голову.

– Не злись, – сказал Артур, улыбаясь, – он же просто хочет поговорить с кем-то. Давай составим ему компанию, уверяю тебя, фон Гаутштазе неплохой человек. Он немного странный и иногда колок в выражениях, но он много сделал для талантливых людей в России и за рубежом. Его стоит уважать хотя бы за щедрость к таланту.

Артур и я двинулись следом за бароном и нашими друзьями. Артур, до этого довольно сдержанный со мной, позволил себе приобнять меня за плечи и вел или даже тащил меня в зал крестовых походов, в то время как Николай Палыч и остальные исчезли из виду, направившись по коридорам дальше. Я умоляюще смотрела им вслед, но Артур был непреклонен – и мы все приближались к человеку в черном костюме с лукавым выражением лица.

Впрочем, вскоре барон обезоружил меня, сказав без лести и очень просто:

– Вы, Ольга, мне напоминаете портрет одной дамы, которая была весьма известна в Средние века. Слава о ее добродетели и красоте облетела многие страны, жаль, что на этой выставке нет репродукции ее портрета.

Как ни хотела я сохранить предубеждение и суровость в сердце, но они исчезли в тот же миг. Артур оказался прав, барон Фридрих фон Гаутштазе был человеком интересным во всех отношениях. Он рассказывал нам о походах с увлечением и страстью, так же захватывающе интересно, как и наш историк. Вадик слушал его, раскрыв рот, казалось, барон затронул в его душе живую струну, которая давно молчала, и глаза Вадика блестели от восторга.

Он покорил нас всех, легко и просто, победив недоверие и холод. И история музеиных экспонатов, выставленных в витринах, обрастила красочными деталями. Не мы одни были

заворожены рассказом барона – вокруг нас собралась толпа любопытных слушателей, которые старательно делали вид, что изучают предметы под стеклом и ничего не слышат.

Он все рассказывал и рассказывал, и вдруг, прервавшись на самом интересном месте, умолк и озабоченно посмотрел на часы. Вскрикнув от удивления что-то вроде «Майн гот!», он виновато сказал нам:

– Прошу прощения, друзья мои, но, кажется, мне пора. Я совсем забыл за такой приятной беседой, что дома меня ждут гости. Ай-яй-яй, очень нехорошо! Нехорошо!

И он, озабоченно качая головой, пошел от нас прочь.

– Барон! Подождите! – крикнул Вадик и догнал его. Мы последовали следом.

– Быть может, – говорил Вадик, торопясь, – вы расскажете нам, чем все закончилось? Хотя бы в общих чертах? Мы вас проводим до выхода…

– Друзья! – торжественно обратился к нам барон, внезапно останавливаясь, так что мы чуть не налетели на него. – У меня есть предложение получше: что если вы поедете со мной? У меня сегодня в доме светский прием, что-то вроде бала, но, честно говоря, все эти приемы для меня так скучны… Я бы мог поприветствовать гостей, а после уединиться с вами в кабинете, и пока они будут развлекаться, я бы рассказал вам до конца историю не только пятого похода, но и оставшихся трех. Ну так что? Пусть вас не смущает, что мы мало знакомы, кажется, русские не столь доверчивы к иностранцам (тут его взгляд метнулся на миг в мою сторону), и это понятно в силу ваших исторических особенностей. На вашу страну часто нападали, это не могло не отразиться на характере нации… Поверьте, я с гораздо большим удовольствием буду общаться с вами, нежели с другими гостями, прошу вас, не лишайте меня возможности продемонстрировать вам немецкое гостеприимство.

Предложение барона меня смущило. Вадик, ясное дело, был готов следовать за ним повсюду до тех пор, пока барон не закончит свой рассказ, но я не жаждала провести вечер в незнакомом доме в компании странного мецената. Катя, недолго думая, поддержала готовность Вадика ехать – она девушка рисковая и с удовольствием участвует в интересных и неопасных приключениях. В общем-то, мне в тот вечер особо делать было нечего, но все же я в таких делах более осторожна. Артур тоже согласился ехать, барон пообещал, что нас потом развезут по домам. Уговоры друзей оказались сильнее моего недоверия и предосторожности, и я, наконец, согласилась. Хотя, размышляла я, уже следя за бароном к выходу, никто не мешал мне отказаться, а им поехать к нему втроем. Если бы я тогда знала, чем обернется для нас четверых эта поездка!

Я поняла, что барон не так прост, как кажется, когда увидела мощный черный джип с водителем, распахивающим перед ним дверцу. Ребята долго восхищались моделью и маркой машины, а мы с Катей тихо обсуждали тонкую белую кожу сидения и целую навигационную систему, поблескивающую голубоватыми и желтоватыми огонечками на панели водителя. Это было больше похоже на бортовой компьютер, чем на обычную начинку для машины.

Джип катил по улицам Москвы мягко, ровно, скорость совершенно не ощущалась. Фон Гаутштазе переговаривался с шофером на немецком, то и дело поворачиваясь к нам с переднего сидения и комментируя места, где мы проезжаем. Складывалось ощущение, что барон был поклонником Гиляровского: с таким вдохновением он рассказывал нам, москвичам, почему улица, которую мы сейчас проезжаем, называется именно так и кому принадлежал этот особняк с силачами, поддерживающими портик на своих плечах.

Вадик все время поездки крутился на месте, ему бы очень хотелось услышать рассказ барона про походы, но он вежливо молчал. А барон, изредка путаясь в словах и прибегая к помощи Артура, который очень даже неплохоправлялся с переводом, продолжал говорить о Москве. Он, видимо, твердо решил, что рассказ о походах отложен до приезда в его дом.

Дом?! Кто же мог предположить, что домом этого общительного мецената окажется старинный особняк в центре Москвы, в переулках Арбата?

Мы с Катей чувствовали себя неуютно, потому что были одеты просто, а в глубине залов, освещенных ярким электрическим светом, прогуливались дамы в роскошных нарядах. Артура все это нисколько не смущило, он продолжил так же спокойно разговаривать с бароном, рассекая по коридору в кожаной куртке. За Вадика беспокоиться и вовсе не приходилось – он застрял возле рыцарей, стоящих у входа, и не успел заметить гостей.

– Пусть вас не смущают наряды моих гостей, это типичный дресс-код для подобного рода вечеринок, – небрежно бросил барон. – Вы мне намного интереснее, мои милые дамы, – сказал он нам, заметив нашу скованность и нерешительность.

Он взял нас под руки, и мы прошли с ним через гостиную под удивленными взглядами присутствующих. Фон Гаутштазе кланялся направо и налево, лукаво улыбаясь и произнося слова приветствия. Артур и Вадик следовали за нами. Свои пальто и куртки мы отдали в прихожей швейцару и теперь поднимались по широкой лестнице из мрамора с необычными коваными перилами, которые были похожи на переплетенные ветви растений. Особняк был роскошно обставлен, все сверкало, и свет огромных электрических ламп отражался на лакированных поверхностях. На втором этаже былотише, музыка, которая оглушала в гостиной, сюда долетала приятным далеким воркованием, ноги утопали в мягких, темно-красных коврах. Лампы излучали приглушенный свет, идти по коридорам, стены которых были увешаны огромными картинами, было интересно. Голова моя вертелась, как на шарнире, я хотела посмотреть на все картины разом – вкус барона был созвучен моему. Только шедевры, только волнующие зрителя образы, только лучшее было представлено в этой маленькой галерее.

Барон отвел нас в свой кабинет, где усадил на мягкий диван. Мы поместились на нем троем, а Артур сел на такой же диван напротив.

– Подождите меня здесь, друзья мои, – попросил нас барон. – Я только поприветствую гостей и вернусь к вам. Располагайтесь, чувствуйте себя как дома. Вам принесут закуски, напитки, я буду очень скоро. Мне и самому не терпится продолжить наш разговор.

Он вышел, мы некоторое время посидели молча, приходя в себя после столь необычного поворота событий, каким стала наша поездка сюда.

Большие старинные часы пробили семь, и вошел лакей с целой тележкой угощений и напитков. При виде еды мы заметно оживились, потому как были голодны. Лакей поставил перед нами на столик тарелки и бокалы, разлил, по желанию, соки и воду и вышел. Мы принялись жевать, обмениваясь впечатлениями о необычном приключении, в которое попали благодаря Вадику.

За разговором я заметила, что Катя стала относиться к Артуру попроще, нежели в экспедиции, что меня обрадовало. Катя, как и многие девчонки, была увлечена Артуром, и из-за этого прострадала на протяжении всего времени, что мы провели на раскопках. Но теперь она, похоже, успокоилась, хотя было видно, что Артур вовсе не перестал ей нравиться. В общем-то, он вряд ли был кому-то несимпатичен, разве что по началу Вадику, который очень ревновал к нему Катю, но потом Артур удивительным образом подружился с парнем, и теперь Вадик относился к нему с симпатией.

Артур был высоким и, я бы сказала, слишком симпатичным: шатен спортивного телосложения, с большими серо-зелеными глазами, волевым подбородком с небольшой ложбинкой посередине, широкими скулами и мощной шеей. На его высоком лбу была заметна вертикальная морщинка – от того, что он хмурился, когда задумывался о чем-то. Конечно, на него было приятно просто смотреть, поскольку он излучал уверенность и силу, но мне в нем нравилось внутреннее спокойствие и благородство, невозмутимость и великолдушие. Николай Палыч не раз с иронией говорил, что таких нужно заносить в Красную книгу, как вид вымирающий и редкий. Артур рассказывал, что его мама назвала его в честь короля Артура, потому что посвятила изучению этого легендарного персонажа много лет, и мы все гадали: быть может, имя действительно имеет некоторое магическое значение?

– Оль, ты не молчи, а разговаривай, а то съешь больше всех, – посоветовал мне Вадик, забирая у меня канапе.

Я бросила испуганный взгляд на Артура, как будто он мог понять, что я сейчас думала о нем, но Артур любезно наливал Кате в стакан сок. Переведя взгляд на Вадика, я увидела, как он с весьма наглым выражением лица лопает украденное у меня канапе.

– Ну, знаешь ли… – угрожающе произнесла я.

– Вадик, – не понимая, что спасает друга, обратился к нему Артур, – тебе воды налить?

Катя встала и прошлась по просторному кабинету барона. Мебель была классической, наверно, безумно дорогой, все было обставлено со вкусом, который бросался в глаза больше, чем дорогоизна предметов, составляющих интерьер. Странно, но здесь не было ни компьютера, ни телевизора, а телефон был старинным и, кажется, служил украшением интерьера, а не исполнял функцию средства связи. Скорее всего, это был кабинет для приятных и долгих бесед, чтения (по одной стене шли высокие книжные шкафы, уставленные книгами, на обложках самых крупных из них я могла прочитать заглавия на разных языках), а компьютер, телефон и другие офисные устройства находились в другом месте.

Кабинет располагал к отдыху, и я с удовольствием уселась поудобнее, немного подвинув портфель Вадика, который тот поставил рядом со мной на диван.

– Честно говоря, никогда не предполагал, что когда-нибудь попаду в подобный дом, – говорил Вадик, доедая канапе. Его удивляло не столько богатство дома, сколько изысканность пищи, и я с сожалением подумала, что дома он будет рассказывать о креветках в сухарях, а не о резной мебели. Даже столик, на котором были расставлены блюда, был оригинален: вместо ножек под столешницей изгибался причудливый дракон. Здесь действительно было на что посмотреть.

Вернулся барон фон Гаутштазе. Мы все сразу оживились, и он, присев рядом с Артуром на диван, довольно потер руки.

– Избавившись от скучных обязанностей, я перехожу к обязанностям приятным. Принесите-ка нам вина, – распорядился он и довольно повернулся к нам.

– Ну, как вам мое скромное жилище?

Выслушав восторженные отклики, барон самодовольно улыбнулся.

– Я вам обязательно покажу весь дом, тут есть на что посмотреть. Я несколько лет потратил, чтобы обставить его так, как считал нужным. Кстати, многие репродукции известных картин, мимо которых мы проходили по коридору, были подарены мне российскими художниками. Творческое начало русской нации огромно, я восхищаюсь вами. Что особенно вызывает мою зависть, это то, что вы восприимчивы к другим культурам. Вы с такой легкостью адаптируетесь в любой стране, что иногда способны полностью раствориться в ней. Я слышал, как один известный русский балетмейстер сказал, что русские могут станцевать любой танец любого народа мира и станцевать так хорошо, как не станцует больше никто.

– А наша преподавательница по фонетике говорит, что у русских уникальный артикуляционный аппарат. Они способны научиться произносить любые звуки всех языков мира. Больше ни у одного народа такого нет. Правда, мне кажется, что все это не так. Ведь у всех людей строение тела одинаково. Любой человек, вне зависимости от того, к какому народу он принадлежит, может научиться и танцевать, и говорить, все дело в старании, – заметила Катя.

– И уж тем более не стоит восхищаться способностью русских растворяться в других народах. Немец будет гордиться тем, что он немец везде, будет говорить об этом, рассказывать, петь немецкие песни, даже порой специально говорить с акцентом, подчеркивая то, что он иностранец, – я заметила быстрый, как молния, взгляд барона, но он видимо понял, что я не хочу уколоть его, и успокоился. – А русские почему-то стыдятся себя, стараются затесаться в ряды других народов. Они с большим удовольствием изучают культуры других стран, чем

свою культуру. То же самое с танцами: кто угодно сможет изобразить вам, скажем, фламенко, но редко кто отважится сплясать «боярыню».

— «Боярыня» — это не модно, — заметил Вадик.

Я хотела сказать, что модно или не модно — тоже показатель равнодушия к культуре, но промолчала. Барон усмехался, глядя на меня, в его голубых глазах невозможно было прочитать его истинного отношения к разговору.

Принесли вина, бутылку открыли и темную красную жидкость разлили по бокалам.

— Это вино великолепно, — заметил барон, поднимая бокал, — мягкое, как виноградный сок, честно говоря, лучшее из моих запасов.

Вино действительно было великолепным. Пред нами поставили блюдо с огромным количеством сыра — самого разного, нарезанного аккуратными тонкими ломтиками и разложенного по сортам ступенями, так что получался бутон из сыров. Следом за сырами появилась тарелка с фруктами — мы с Катей сразу же схватили по клубнике и понимающие друг другу улыбнулись. Барон как раз начал возвращаться к теме нашего музейного разговора, как вдруг лакей, открыв дверь, произнес:

— Господина барона просят спуститься. Министр будет произносить тост в вашу честь.

На лице фон Гаутштазе появилось глубокое разочарование.

— Что же это такое! — недовольно хмуриясь, произнес он. — Только я подумал, что свободен, а они опять за свои тосты... Я прошу у вас прощения, — он виновато посмотрел на нас.

— Ничего страшного, барон, мы подождем, — поспешила успокоить его Катя, и барон вышел.

Мы вновь остались одни. От хрустальных бра шел мягкий свет, шторы лакей прикрыл, я лениво слушала разговор друзей, допивая вино из бокала и жуя ломтик манго. Снизу до нас доносились речь министра, аплодисменты, потом снова слова и снова рукоплескания. Похоже, речь министра затянулась. Катя прилегла мне на плечо и смеялась щуткам ребят, изредка вставляя реплики. Я прикрыла глаза, лениво поддерживала разговор и улыбалась, хотя открывать глаза и шутить было лень. Постепенно голоса ребят стали отдаляться и очень скоро доносились до меня таким же неясным рокотом, как и речь снизу, и я просто заснула.

Проснулась я так же внезапно, как и провалилась в сон. Мне казалось, что прошло минут десять — пятнадцать, но, открыв глаза, я поняла, что это не так. На плече спала Катя, нога моя затекла, я с трудом вытащила ее из-под Катиных ног. Выпрямившись, я поняла, что столик, который стоял прямо передо мной, отодвинут. Было темно, ребята, видимо, тоже спали, я начала расталкивать Катю.

Видимо, барон, увидев, что мы все спим, решил нас не тревожить и велел выключить свет. Но меня несколько обеспокоило то, что в доме стояла тишина, музыка не раздавалась, людских голосов тоже не было слышно. Дома, наверно, все уже с ума посходили, гадая, куда я пропала. Катя лениво потянулась и тоже села на диване, не понимая, что происходит.

Я достала из сумки сотовый, чтобы посмотреть, сколько сейчас времени. Было одиннадцать часов вечера!

— Катька! — в панике начала я. — Ты знаешь, сколько мы проспали? Ты вообще представляешь, что происходит?

— Не очень, — сонно протирая глаза, ответила Катя, — я, кажется, заснула.

— Вадик! — пнув через Катю Вадика, сказала я. — Просытайся сейчас же!

Вадик что-то сонно пробормотал, Катя врезала ему чуть посильнее, и парень стал просыпаться, зевая и потягиваясь.

Я поднялась и, несмотря на то, что затекшая нога только начала приходить в себя, неприятно покалывая, начала продвигаться по направлению к дивану, где, должно быть, сладко спал Артур.

Но сколько я ни щупала пространство, дивана я не обнаружила. Позвав Артура, ответа мы не получили. Впрочем, мы были до того растеряны, что старались не шуметь, ползая в темноте, как три слепых мышонка, и скорее шептали, нежели разговаривали, видно опасаясь, что нас могут услышать посторонние.

– Здесь ни фига не видно! Кто-нибудь знает, где включается свет?

– А где бра, что висело над нами? – раздалось в темноте, и я поняла, что Вадик пытался найти лампу.

– Включите сотовые! – осенило меня. – Сейчас все найдем!

В свете своего мобильного я стала искать Артура, но чем больше предметов вырисовывалось в темноте комнаты, тем меньше я понимала, где нахожусь.

– Здесь нет дивана и здесь нет Артура, – растерянно произнесла я.

– Я нашел светильник! – раздался голос Вадика, и синий свет его сотового погас. Через мгновение, щелкнув зажигалкой, он зажег свечу, и ее слабый свет озарил пространство.

Едва окинув взглядом помещение, я поняла, почему здесь не было столика и дивана – это вообще было другое помещение!

– Что за… – в свете свечи я увидела растерянное лицо однокурсника.

– Нас что, сюда отнесли прямо на диване? – удивленно спросила Катя, сидевшая рядом с нашими сумками на единственной знакомой мебели.

– Не нравится мне все это, – прошептала я и испугалась. В самом деле, как мы попали в эту комнату? Почему не проснулись, когда нас несли сюда, где Артур и барон? Где именно мы находимся?

Вытащив еще пару свечей из массивного бронзового канделябра, мы зажгли их от свечки Вадика. Это была необычная комната: здесь стояла очень старинная мебель, висели гобелены, немного пахло сыростью и, что более всего казалось странным, не было ни одного выключателя.

– Надо выйти и поискать Артура, – предложила Катя, протягивая нам сумки.

Мы вышли вслед за ней в темный коридор. На мгновение у меня возникла мысль позвонить маме, но потом я решила, что сначала мы выберемся из потемок, а потом я позвоню ей и все объясню.

Первое же неприятное открытие ждало сразу за дверью. Свеча озарила перила, идущие вдоль всей стены, где угадывались еще двери комнат – планировка дома была совершенно не похожа на ту, что мы видели, входя сюда. Длинный коридор заканчивался грандиозной деревянной лестницей, уходящей вниз, во мрак большой залы.

– Вы хоть что-нибудь понимаете? – спросила у нас Катя.

– Ровно столько, сколько и ты – ничего, – откликнулся Вадик.

– Так, – начиная паниковать, сказала я, – надо найти чертов выключатель и выяснить наконец, где мы находимся!

Втроем мы пошли по коридору, заглядывая в комнаты, словно надеясь, что среди них окажется та, в которой мы заснули. Потом мы пошли вниз по лестнице. Катя молчала, она была напугана, мне тоже было страшно, и мы висели на Вадике как на единственной нашей защите. Нашупав деревянные перила, я пробормотала, скорее для себя, нежели для других: «Совсем другие перила».

– Здесь все другое! – ядовито заметила Катя.

Мы спустились вниз. Зал был огромный, обставленный громоздкой старинной мебелью, такой же, как и та, что была в комнатах наверху, с гигантским камином, мощным столом, стульями, больше похожими на троны, – с высокими спинками и подлокотниками.

Под лестницами, огибавшими зал с двух сторон, угадывались еще галереи и входы в комнаты. Мы переглянулись, с отчаянием оглядывая залу. Вадик смело бродил по ней, рассматривая мебель и украшения, гобелены и щиты, висевшие на стенах. Мы же с Катей стояли, при-

жавшись друг к другу, абсолютно ничего не понимая. Вадик осветил камин и стоящий возле камина большой портрет, видимо, снятый со стены. Пока он методично изучал, есть ли дрова в камине, мы с Катей боком-боком придвигнулись к нему поближе, и двойной свет наших свечей озарил картину. Вглядевшись в изображенную на нем фигуру женщины в красном платье, я почувствовала, как у меня на голове волосы встают дыбом.

– Оля.... Оля... это же... это же... – Катя смотрела на портрет с таким ужасом, будто увидела на нем призрака.

Я не могла ей ответить, потому что сама застыла от изумления и страха, не понимая ничего и вновь и вновь ловя в свете дрожащей в руках свечи знакомые черты. Мне было не по себе, не подчиняющийся контролю страх мешал думать. Одно было совершенно ясно: на портрете, в странном платье и с необычной прической, на фоне незнакомого пейзажа стояла я.

Часть 1. И настали темные времена...

Глава 1

– Пошли отсюда! – в страхе попятилась я от портрета, хватая застывшую Катьку за рукав.

– Ва-вадик! Посмотри... – Катя в ужасе указывала на мой портрет, и глаза на картине,казалось, с сочувствием смотрели на нее.

– Ну чего вы там! – недовольный тем, что его отвлекли от изучения каминна, отозвался Вадик и, бросив взгляд на картину, умолк.

– Елки-палки! Да что за чертовщина здесь происходит... – наконец нашел в себе силы пробормотать он, на всякий случай сравнив мое испуганное лицо со спокойным лицом на портрете.

Сверху на нас пролился свет, и, подняв головы, мы увидели темный силуэт барона фон Гаутштазе.

– Вижу, что вы уже успели познакомиться с портретом моей племянницы, – произнес его спокойный голос, от которого у меня мороз пробежал по коже.

– Какой еще племянницы! Это же Ольга! – воскликнул Вадик.

– Барон! Объясните, в конце концов, где мы и что происходит! – чуть не плача, произнесла я.

– Где Артур? Как мы сюда попали? – задала более конкретные вопросы Катя.

Барон, оперевшись на перила и подавшись вперед, освещал нас канделябром, который он держал в руках, и с нескрываемым удовольствием разглядывал наши растерянные лица. Потом он начал медленно спускаться по лестнице, и его голос гулко раздавался по темной зале.

– Вряд ли вы мне поверите, если я скажу вам правду, – улыбаясь, начал он.

– А вы попробуйте! – предложил Вадик.

– Что ж, возможно, попробовать действительно стоит. Мы находимся в Неаполе, в доме моей племянницы, донны Анны Висконти, урожденной д'Эсте.

– Где?! – думая, что не расслышала его, спросила я.

– В Неаполе, – спустившись, наконец, к нам и подойдя вплотную, повторил барон.

Секунду я соображала, напрягая мозги, но так и не поняла, в чем суть его шутки.

– Это тот, что в Италии? – спросил Вадик хриплым шепотом.

– Вы смеетесь над нами, барон? – спросила я. – Давайте закончим этот фарс. Где мы находимся?

– Я же говорил, что если я скажу вам правду, вы мне не поверите, – барон достал из кармана бумагу, скомкал ее и, опустившись на колени перед камином, зажег от свечи. В камине полыхнул ласковый огонь, когда вспыхнула бумага. Затем барон подошел к портрету и развернул его к камину, так, чтобы он был лучше освещен.

Мы стояли в ожидании объяснений. Барон был сумасшедшим, это было ясно – но все же как ему удалось перенести нас в этот дом? Я украдкой достала из сумочки сотовый, намереваясь позвонить хоть куда-нибудь и позвать на помощь. Может, этот псих еще и маньяк? Иначе как объяснить у него наличие моего портрета? Телефон не ловил сеть.

Не поворачиваясь к нам, барон заговорил, и от неожиданности я чуть не уронила сотовый:

– Здесь сеть не ловит, Ольга, можете не пытаться.

– У меня роуминг, – увидев, что я пыталась позвонить, сказала Катя и достала свой телефон.

– И роуминг здесь не работает, – спокойно ответил барон.

– Если мы в Италии, в Неаполе, как вы говорите, – издевательски сказала Катя, переза-гружая телефон, – то он поймает сеть.

– Здесь нет сети!!! – потеряв терпение, вскочил барон, Катя вздрогнула, я выронила сумку. – Здесь нет роуминга!!! – продолжал орать барон. – Потому что нет спутников!!!

– В Неаполе нет спутников? – Катя самодовольно усмехалась, ожидая, когда включится телефон. – Вы шутите, барон!

Барон замолчал, отвернулся и продолжил растопку камина. Я поежилась от холода.

– Ну, что так долго? – спросил Вадик, беря телефон из рук Кати.

– Он ищет провайдера.

– Какого провайдера? Он же вообще ни хрена не ловит!

– Не понимаю… – Катя уставилась в экран телефона, пытаясь наладить связь. Я, устав стоять, прошлась по зале и, выдвинув тяжелый стул, села. Я мало что понимала. Все казалось бредом – вся эта ситуация в потемках, при свете нескольких свечей и начинающего разгораться камина. Мне казалось, что я проснусь, и до пробуждения остается несколько мгновений.

– Может, зажжем свет? – спросил Вадик, робко приблизившись к барону.

– Какой свет? – устало произнес барон. – Здесь нет ни электричества, ни водопровода. Мы же находимся в XIII веке!

– Он болен, Вадик, – объяснила я, увидев выражение изумления на лице друга. – Он сумасшедший!

– Выслушайте меня, – поднимаясь, проговорил барон. – Мы действительно находимся в Неаполе и сейчас действительно XIII век. Просто примите это пока на веру. Я отыскал вас в XXI веке только затем, чтобы вы помогли мне в одном деле. Мне жаль, что пришлось прибегнуть к обману, но вы бы никогда не поверили человеку, который предложил вам путешествие во времени. Поэтому оставалось заманить вас сюда и поставить перед фактом.

– Где Артур? Он что, участвует в этом розыгрыше? – спросил Вадик, и я подумала, что это, возможно, действительно розыгрыш, и приободрилась.

Барон вышел в боковую дверь под лестницей и вскоре вернулся с черными плащами.

– Оденьтесь и прикройтесь, чтобы случайный прохожий не увидел ваш несовременный наряд, – бросая нам плащи, сказал он. Я завернулась в теплый плащ с удовольствием, потому что порядком замерзла в этой темной каменной зале. Следуя за бароном, мы прошли по коридору в прихожую, оттуда, придерживая тяжелую дверь, вышли на улицу. Свежий теплый воздух приятно овеял лицо, и я окончательно пробудилась, сбросив с себя остатки сонливости. В свете зарождающегося утра наши пораженные взгляды остановились на горном ландшафте с силуэтом незнакомого города: с холма, на котором располагался дом, можно было разглядеть узкую синюю полоску моря на горизонте справа.

– Так мы что, реально не в Москве? – спросил Вадик, первым нарушив сдавленное молчание. Горы? Холмы? Эти странные дома? Мостовая? Море? – Мы ничего не понимали.

– Реально, – бросил барон. – Возвращайтесь в дом.

Мы послушно повернули обратно.

– Ну, хорошо, предположим, что мы не в Москве, а в Неаполе, но как вам удалось погрузить нас с этим диваном в самолет и вывести из Москвы? – спросил Вадик.

Барон поднял глаза и воздел руки к небу, словно произнося: «Боже, дай мне терпения с этими идиотами!»

– Я не перевозил вас на самолете, – терпеливо и тихо сказал он, но казалось, что нервы его на пределе.

– То есть вы продолжаете утверждать, барон, что мы находимся в Неаполе XIII века? – спросила я, не понимая, кто из нас четверых больше сходит с ума.

– Сколько можно тупить?! – зло крикнула Катя, расплакавшись. – Неужели вы такие идиоты, чтобы не понимать, что это все правда! Вы только посмотрите сюда! – и она указала в

окно. Прильнув к стеклу с необычной рамой, мы выглянули на улицу и увидели идущего по ней мальчика в смешных колготках, коротких штанишках и расписанной бархатной курточке, с беретом на голове. Казалось, он играл в театре и возвращался в костюме домой, поленившись переодеться. Он зашел в дом напротив и с трудом закрыл за собой деревянную дверь, потянув ее за железное кольцо. Мы тупо переглянулись – в глазах своих друзей я читала, что они завишают, как и я сама.

– Вам нужно успокоиться и выслушать меня. Мы должны успеть до утра разобраться в создавшейся ситуации, – послышалось позади нас, и, повернувшись, мы увидели бледное лицо барона, обрамленное темным капюшоном. Я почувствовала сильнейшее желание его придушить и сама не заметила, как набросилась на него. Очнулась от ярости я лишь тогда, когда барон, поймав мои руки, сильно сжал их в своих руках, и боль вернула мне возможность соображать.

– Если вы не научитесь держать себя в руках, у нас ничего не получится.

– Что, черт возьми, должно получиться?! Вы негодяй и мерзавец! Сколько можно издеваться над нами! Говорите сейчас же, где мы! Где Артур?!

– Верните нас обратно! – бросившись к барону и вцепившись в его плащ, пролепетала Катя. Мне показалось, что еще мгновение, и она упадет на колени, подобно героине сентиментального романа.

– Я не буду говорить с вами, пока вы не успокоитесь! – барон оставил нас и отошел вглубь залы, чтобы подбросить дров в камин.

Вадик подошел к нам и тихо сказал:

– Давайте успокоимся и выслушаем его. В конце концов, он уже битый час пытается нам все объяснить, и то, что мы до сих пор не поняли, по какой причине мы находимся в этом доме, – наша вина. Пусть расскажет, а мы потом во всем разберемся. Только успокойтесь…

– Да как успокоиться?! – я плакала навзрыд. – У меня там, в Москве, мама с ума сходит, ведь уже за полночь, а меня еще нет! Я никогда так надолго не уходила!

– Не переживает ваша мама. Это времененная петля, вернетесь в то же время, в какое вышли, – сказал барон, приглашая нас в зал. Он зажег везде свечи, камин разгорелся, зал приобрел более гостеприимный вид, да в плаще было тепло.

– Но на моем телефоне… – начала я, но он перебил меня:

– Ваш телефон находится сейчас с вами. И отсчитывает уже время этого века. Поверьте мне, ваша мама нисколько не волнуется, ваш друг Артур сейчас спит на диване в доме барона Фридриха фон Гаутштазе, и вы обязательно окажетесь рядом с ним после того, как поможете мне.

– Но кто вы такой? – спросила Катя, со страхом глядя на освещенное огнем бледное лицо барона. Улыбка искривила его лицо, он сел возле камина и, указав жестом на портрет, спросил меня:

– Помните, Ольга, в музее я сказал вам, что вы очень похожи на одну красивую и добродетельную даму? Вот эта дама. Донна Анна Висконти, моя племянница.

Она выросла в семье Оберто д'Эсте, своего кузена, поскольку ни я, ни кто-либо другой из нашей семьи не смогли взять на себя ее воспитание. Анна была красивой и впечатляющей девушки, росшей в любви и заботе. Ей дали прекрасное, по современным понятиям, образование, и этот цветок Средневековья расцвел на благодатной почве юга Франции. После Анна д'Эсте вступила в права владения наследством, оставленного ей и ее сестре нашим братом и ее отцом. На правах старшей сестры она распоряжалась и состоянием Клементины. Не было на всем белом свете двух более прекрасных девушек, чем Клементина и Анна. Их красота и благосостояние привлекали многих, но из всех Анна выбрала Николо Висконти из аристократической итальянской семьи, который увез ее в Неаполь. Это их дом, – прервался барон и продолжил: – Клементина последовала за любимой сестрой, и они стали жить здесь, надеясь, что

Клементина найдет себе подходящего жениха в Неаполе, и они больше не расстанутся. Если бы эти бедные девочки знали, что ожидает их в будущем! Спустя некоторое время после их приезда в Неаполь дон Висконти вместе с женой и ее сестрой отправляется в поездку в имение своего друга. Имение располагалось в горах, среди прекраснейших пейзажей – леса, горы, ручьи и долины. Они провели там целый месяц, отдыхая и развлекаясь, потом Николо отправился домой один, якобы по срочным делам, а донна Анна с сестрой уехала из поместья на три дня позже. Они планировали вернуться в Неаполь к первому августа, но ни донне Анне, ни ее сестре не суждено было завершить эту поездку.

– Почему? – спросил Вадик.

– Потому что они пропали без вести, как принято говорить в ваше время, – ответил барон. – Никто не знает, что случилось: напали ли на них разбойники или же они погибли по другой причине... только я в это не верю. Есть у меня все основания для того, чтобы предположить, что моих племянниц убил Николо Висконти. Я не стану говорить вам, как я попал в ваше время и как нашел вас, Ольга, только ради этого я отдал очень много сил... Я должен вывести убийцу на чистую воду!

– Почему вы думаете, что этот Висконти убил свою жену? – спросила Катя, пропустив мимо ушей момент путешествия барона во времени. В это мало верилось, это невозможно было представить, это совершенно не укладывалось в голове. Но что-то мне подсказывало, что я вляпалась в нехорошую историю.

– Николо становится наследником донны Анны и ее сестры. А это огромное состояние. Слишком велик соблазн. Возможно, его раздражало то, как донна Анна распоряжалась своим имуществом. Это была женщина редкой щедрости и милосердия. Она помогала бедным, вносила лепту в строительство соборов, а Николо наверняка имел виды на ее богатство.

– Но разве имущество жены не становится имуществом мужа по понятиям того времени?

Барон повернулся ко мне и поправил:

– Этого времени. Да, это так, но вы забываете, что донна Анна воспитывалась на юге Франции, а там свои понятия и законы. Женщина там равна мужчине, вместе с ним участвует в общественной жизни. Самая знаменитая женщина юга последних десятилетий – это Альенора Аквитанская. Она прославилась не только как покровительница поэзии, но и как женщина, внесшая большой вклад в развитие городов. Она вышла замуж за парижского короля Людовика VII. Северный двор был шокирован ее свободным поведением и независимым характером. Но Альенора не останавливалась на достигнутом. Спустя пятнадцать лет она – случай совершенно неслыханный для того времени! – сама добилась развода с королем, поскольку ее раздражал его деспотизм в браке, вышла за Генриха II Английского, с которым тоже не ужилась. Пылкая южанка возглавила восстание сыновей против отца, заручившись поддержкой бывшего супруга. Но Генрих подавил мятеж, заключил жену под домашний арест, и она обрела свободу лишь с восшествием на трон ее любимого сына Ричарда Львиное Сердце. Донна Анна восхищалась сильным характером Альеноры и решила, что где бы ни суждено ей было жить, как бы ни любила она своего супруга – у нее будет возможность самой распоряжаться своим состоянием. Висконти это устраивало, пока он был влюблена в жену, но, видно, со временем материальная сторона дела стала интересовать его куда больше.

– То есть вы думаете, что он убил донну Анну и ее сестру? – подвел итог Вадик.

– И что же? – спросила я.

– А то, что этот негодяй должен быть наказан. Именно поэтому я обращаюсь за помощью к вам, друзья.

««Помощь»? – с иронией подумала я. – И этот обманщик еще смеет маскировать под просьбу о помощи наглое похищение?»

– Если я правильно понимаю ход ваших мыслей, то сходство Ольги и донны Анны играет в этом деле не последнюю роль, – сказала Катя, подходя к портрету.

– Оно шокирует, не правда ли? – спросил барон. – Нигде не видел двух лиц, более похожих друг на друга.

– Оно не такое уж большое, – заметила я, чувствуя себя неуютно под изучающими взглядами Кати, барона и Вадика. – В Средние века люди рисовали не так хорошо, как позже, во времена Ренессанса, например. И потом, люди, знавшие донну Анну, легко отличат меня от нее.

– Но вы понимаете, зачем я вас привез сюда, Ольга. Вы правы, я собираюсь представить вас как донну Анну.

– Вы с ума сошли, барон! – я не верила своим ушам. – Вы думаете, что я соглашусь участвовать в подобном спектакле? Вы меня слишком плохо знаете!

– Боюсь, что у вас просто нет иного выхода, Ольга. Вы не сможете вернуться обратно без моей помощи, а я помогу вам только тогда, когда вы поможете мне.

– А мы? – спросила Катя, – Мы-то вам зачем нужны? Зачем вы впутали нас в это дело?

– Вы неотделимы от Ольги. Вы будете помогать ей, если она даст свое согласие.

– Но каким образом вы себе это представляете? – спросила я. – Как я смогу появиться перед людьми, которых не знаю, и утверждать, что я донна Анна? Я, между прочим, не говорю на итальянском, совсем не знаю обычая этого времени, не знаю родственников донны Анны. Куда, по-вашему, делась сестра? Где пропадала до сих пор донна Анна? Это ваше желание обвинить Николо Висконти похвально, но что если он здесь ни при чем? Что если он поймет, что я не его жена? Да это же чушь! – я вдруг возмутилась на себя за то, что вообще допустила возможность подобного спектакля. – Я отказываюсь в этом участвовать!

– Я бы мог научить вас всему, что знала донна Анна. С моей помощью вы бы легко обвели вокруг пальца всех и вывели бы убийцу на чистую воду.

– А что будет со мной, если все узнают, что я не донна Анна? Да это же дикий век! Люди здесь жестоки и никогда не поверят в вашу сказку о путешествии во времени! Они нас убьют и глазом не моргнут! Я не Анна Висконти и никогда ею не стану. Верните нас домой! Сейчас же!

– Мне очень жаль, но я не могу этого сделать, – барон стал подниматься вверх по лестнице.

– Что значит, не можете? Барон! – но он уже скрылся в одной из комнат на втором этаже. Я в бессилии опустилась на стул.

– Похоже, что у нас нет выбора, Ольга, – сказал Вадик. – Он ясно дал понять: или ты становишься Анной, или мы никогда не вернемся обратно.

– Это какой-то кошмар! – сказала я, схватив руками голову. – Мне кажется, я вот-вот проснусь...

В свете догоравшего камина лицо донны Анны показалось зловещим, она словно смеялась надо мной.

– Мы же будем вместе, Ольга, – осторожно начала Катя. – Барон будет с нами, он выручит нас из любой ситуации, если поможем ему, он вернет нас домой, в Москву...

– Почему вы думаете, что все именно так, как он вам описал? Что если у этого человека есть иные причины для воскрешения донны Анны?

– Есть у него эти причины, нет у него этих причин – какая разница?! Если вы не поняли, то мы застряли в XIII веке! Надо выбираться отсюда, а не рассуждать о причинах! – Вадик поднял меня за руку. – Пойдем, у нас нет выбора, и чем раньше мы начнем помогать ему, тем скорее он вернет нас обратно.

Глава 2

Шел сентябрь 1247 года. Король Франции Людовик IX, получивший впоследствии прозвище Святой, готовился к седьмому крестовому походу.

Крестоносное движение, начавшееся в конце XI века, трудно было назвать успешным. Самый первый крестовый поход, который начался с пламенной речи Папы Урбана II, можно считать самым грандиозным из всех, что были предприняты. Разрозненные силы мусульман не могли сопротивляться напору крестоносцев. Захватывая крепости одну за другой, рыцари прошли Сирию и двинулись в Палестину, где летом 1099 года штурмом взяли Иерусалим. В захваченном городе крестоносцы устроили жесточайшую резню, улицы Святого города были завалены трупами жителей и залиты кровью, а защитники Гроба Господня рыскали по городу, растиаскивая все, что можно было унести. Вскоре после взятия Иерусалима они создали на территории восточного побережья Средиземного моря четыре государства, но в XII веке под натиском начинавших сплачиваться мусульман крестоносцы стали терять свои владения одно за другим. Стремясь противостоять неверным, в 1147 году рыцари предприняли второй крестовый поход, который закончился неудачей. Последовавший за ним в 1189 году третий поход тоже закончился бесславно, несмотря на то, что его возглавили три великих короля-воина: германский император Фридрих Барбаросса, французский король Филипп Август и английский король Ричард Львиное Сердце. Барбаросса утонул в самом начале похода при переправе через горную речку, французские и английские рыцари постоянно враждовали между собой, и в итоге освободить Иерусалим так и не удалось.

Четвертый крестовый поход и вовсе оказался позором для рыцарей Европы: они отправлялись в него, движимые чистым желанием освободить Святой город, а закончили тем, что разгромили и разрушили Константинополь, подчиняясь самым низменным из страстей человеческих: зависти, жадности, стремлению к наживе.

В 1212 году, после падения Константинополя, дети Германии и Франции двинулись в поход за освобождение Иерусалима под предводительством десятилетнего мальчика по имени Никлас. Он уверял всех, что видел во сне ангела, возвестившего: вместе со своими маленькими последователями Никлас освободит Святую землю от язычников-сарацин, море расступится перед ними, как это было с еврейским народом, который вел Моисей, и они перейдут по нему сухими ногами. Конец этого похода был печален: многие дети погибли от голода в пути, море перед ними не расступилось, а коварные дельцы продали выживших в рабство. Этот поход потряс всю Европу – он напомнил об истинном предназначении крестового похода, о высокой цели борьбы христиан с неверными. Но, увы, новая попытка вновь оказалась неудачной: во время шестого похода императору Фридриху II удалось освободить Иерусалим, однако неверные через 15 лет вернули себе утраченное.

После стольких неудач и провалов всем было ясно, что вряд ли какой-нибудь государь отважится рискнуть властью, казнью, жизнью своих рыцарей ради призрачной надежды освободить Иерусалим. К тому же теперь у европейцев нашлись враги поближе, чем далекие сирийцы и турки: в начале XIII века монгольские татары под предводительством Чингисхана нахлынули почти на всю Азию. Впоследствии бесчисленные орды этих варваров перешли Волгу и заняли восточную часть Европы. Фридрих, император Священной Римской Империи, написал тогда одновременно всем христианским монархам, убеждая их объединить силы против этого народа, но каждый из них был так занят своими собственными делами, что близость столь большой опасности не внушала никому желания вооружиться. "Если варвары придут к нам, – говорил Людовик Святой своей матери королеве Бланке, – то или они нас пошлют в рай, или мы их отправим в ад". Все, что могли сделать христиане, это умножить молитвы и повторять во всех церквях слова: "Господи! Избави нас от ярости татар!"

Весь Восток был потрясен их нашествием; ни одна страна, ни один народ не могли сохранить мир и покой. Хорезмийцы, изгнанные преемниками Чингисхана из Персии, овладели Иерусалимом, в который только что возвратились христиане; все христианское население было предано мечу. Европейцы обратились к Папе за помощью против хорезмийцев, против греков-схизматиков, против мусульман; сам он вел ожесточенную войну с Фридрихом, а Европе угрожало нашествие татар. Папа не отступал ни перед какою опасностью и решился вооружить весь христианский мир против всех врагов сразу. Для этой цели он созвал в Лионе вселенский собор.

Собор этот был открыт 28 июня 1245 года. Папа, пропев "Veni, Creator Spiritus" ("Приди, Дух Создателя!"), произнес речь, содержанием которой были пять скорбей, которыми он был терзаем, уподобленные пяти ранам Спасителя мира, распятого на кресте. Первой скорбью было вторжение татар, второй – раскол в Греции, третьей – нашествие хорезмийцев на Святую землю, четвертой – успех еретических учений, пятой, наконец, – противостояние с Фридрихом. Хотя папа и упомянул о монголах в начале своей речи, собрание обратило на них мало внимания: татары отступили перед опустошениями, произведенными ими самими, и удалились из Венгрии, которую они превратили в пустыню. Главнейшие же заботы отцов собора были о Константинополе и Иерусалиме. Проповедан был крестовый поход с целью освобождения того и другого; собор постановил, что духовенство будет уплачивать двадцатую часть, а папа и епископы – десятую часть в пользу крестового похода.

Также на Лионском соборе издано было несколько постановлений для воспрепятствования успехам ересей; но все это было не главной заботой Иннокентия IV. Из пяти великих скорбей, о которых он упоминал в своей речи, противостояние с Фридрихом принимал он ближе всего к сердцу. Напрасно император обещал через своих посланников остановить вторжение монголов, восстановить в Греции владычество латинян и пойти самому в Святую землю; напрасно клялся возвратить Святому престолу все, что отнял, и загладить свою вину перед Церковью. Папа, имевший основания не доверять искренности его обещаний, был неумолим и не захотел отвратить "секиу, готовую поразить". Он приговорил Фридриха к отлучению от Церкви, лишил его императорской власти и запретил навсегда повиноваться ему. Отлучение могущественного императора произвело эффект разорвавшейся бомбы: все были глубоко потрясены решением Папы, даже противники Фридриха пожалели его.

В свете всех происходящих тогда событий Европа забыла бы о бедах христиан Святой земли, если бы один благочестивый монарх не встал во главе нового крестового похода, прорвоглашенного Папой и епископами.

За год до Лионского собора Людовик IX, только что пережив тяжкую болезнь, возложил на себя знаки пилигримов. А после собора он сообщил баронам об ужасном положении Святых мест. Он убеждал всех слушающих его воинов вооружиться на защиту славы Божией и славы имени Франции на Востоке. Когда Людовик кончил свою речь, три его брата, Роберт, граф Артуасский, Карл, граф Анжуйский, и Альфонс, граф Пуатьерский, поспешили принять крест; королева Маргарита, графиня Артуасская и графиня Пуатьерская поклялись сопровождать своих супругов. Примеру короля и принцев последовала большая часть прелатов, присутствовавших в собрании. Между знатными владетелями, поклявшимися тогда идти биться с сарацинами, были Петр Дреский, герцог Бретонский, граф де ла Марш, герцог Бургундский, Гugo Шатильонский, графы Суассонский, Блуаский, Ретельский, Монфорский, Вандомский. Все знатные и влиятельные современники Людовика приняли решение следовать за ним.

Между тем решение короля вызвало глубокую печаль среди его народа. Королева Бланка, когда увидела сына в одежде крестоносца, была поражена, как будто увидела его мертвым. Без сомнения, и для Людовика IX горестно было расставаться со своею матерью, которой он никогда не покидал и которую он любил, по его собственному выражению, "превыше всех созданий". Скорбя, расставался он и со своим народом, который во время болезни короля молился

о его выздоровлении и который переживал теперь о его отъезде, как сокрушался прежде о его недуге. Он сам видел все опасности и осознавал все трудности, сопряженные с войной на Востоке; но он верил, что повинуется внушению свыше, и ничто не могло поколебать его благочестивое намерение.

Франция была единственным государством в Европе, где серьезно отнеслись к участию в крестовом походе. Людовик IX объявил о своем отъезде палестинским христианам и готовился к святому пилигримству. Королевство не имело ни флота, ни порта в Средиземном море. Людовик приобрел в свое владение территорию и порт Эг-Морт. Генуя и Барселона должны были доставить ему корабли. В то же время Людовик заботился о продовольствии армии Креста, об устройстве запасных складов на острове Кипр, где предстояло совершить первую высадку на берег. Способы, к которым пришлось прибегнуть, чтобы добыть необходимые денежные суммы, не возбудили никаких жалоб и ропота, как это было во время крестового похода Людовика VII. Богатые добровольно отдавали своих сбережения в королевскую казну; бедные несли свою лепту в церковные кружки; арендаторы королевских доменов выдали доходы за целый год вперед; духовенство уплатило больше, чем было обязано, и доставило десятую часть своих доходов.

В это время с Востока приходили известия во новых бедствиях. Хорезмийцы, опустошив Святую землю, исчезли, погибнув от голода, от раздоров, от меча египтян. Султан Каирский, который перенес войну в Сирию и покорил ее, овладел также Иерусалимом и угрожал покорением всех христианских городов. Фридрих, озлобленный на Папу и весь мир после своего отлучения от Церкви, явил свое истинное лицо, вероломно предупредив мусульман о готовящемся походе. Война против неверных, провозглашенная на Лионском соборе, усилила раздражение мусульманских народов. Они не только укрепили свои города и границы, но и, если верить тогдашним народным слухам, выслали на Запад агентов Старца Горы – могущественной организации искусных убийц, и Франция трепетала от страха за жизнь своего монарха. С ужасом повторяли во всех городах, что пряности, вывезенные из восточных стран, были отравлены врагами Иисуса Христа. Все эти слухи, выдуманные или преувеличенные легковерными людьми, наполняли сердца верующих святым негодованием. Народ повсюду выражал нетерпение отомстить сарацинам и двинуться в поход под знаменем Креста.

Три года спустя после принятия креста Людовик созвал в Париже новый парламент, на котором назначил королеву Бланку регентшей королевства; все знатные владетели и бароны поклялись в присутствии монарха оставаться верными его семейству в случае какого-нибудь несчастья во время его поездки за море.

Людовик IX принял самые мудрые меры, чтобы обеспечить правосудие и соблюдение законов во время своего отсутствия. Частные войны были прекращены на пять лет, что должно было способствовать внутреннему спокойствию государства. Бог благословил отеческие попечения монарха; в то время как смуты волновали всю Европу, Франция в мире готовилась к крестовому походу.

Наконец вся Франция пришла в движение; крупные вассалы собирали своих рыцарей и воинов; знатные владетели и бароны посещали друг друга или переговаривались между собою через послов. К военным приготовлениям присоединялось исполнение благочестивых обрядов. Все пилигримы с босыми ногами принимали у подножия алтаря знаки крестового похода; многие рыцари, сложив с себя щит и меч, отправлялись на поклонение святым мощам, находившимся в ближайшем соседстве; во всех приходских церквях совершались молебны об успехе священной войны. Воины Креста со слезами на глазах трогательно прощались со своими родными, со своими друзьями, со всем тем, что им предстояло покинуть; семьи поселян поручали детей своих покровительству баронов и рыцарей, которые клялись или умереть, или возвратиться в отчество со всеми крестоносцами, отправившимися под их знаменами.

Перед празднованием Рождества святого Иоанна Крестителя Людовик IX в сопровождении своих братьев отправился в аббатство Сен-Дени. Обратившись с молитвой к апостолам Франции, он принял из рук легата посох и котомку пилигрима и ту хоругвь, которая уже дважды сопровождала на Восток его предшественников. После этого Людовик возвратился в Париж, где отстоял литургию в церкви Нотр-Дам; на другой день он выступил из столицы; духовенство и народ провожали его до городских ворот с пением священных гимнов. Королева Бланка проводила его до аббатства Клюни и возвратилась в слезах, не надеясь свидеться со своим сыном иначе, как уже в ином мире.

Глава 3

В девять часов утра хозяйка дома напротив особняка Висконти заметила дым, идущий из каминной трубы. Она знала, что дон Висконти, потеряв жену, по просьбе короля Неаполитанского присоединился к крестовому походу французского короля, и вместе с ним в поход отправились все слуги. Женщине показалось странным, что в доме кто-то есть.

Она прошлась перед особняком, заглядывая в окна, и наконец решилась постучаться в дверь. Ей открыли. На пороге стояла служанка, вытиравшая руки о передник.

– Добрый день, – с улыбкой обратилась соседка к девушке.

– Добрый день, сеньора! – девушка выглядела сонной. Соседка попыталась вспомнить, видела ли она ее в доме раньше, но девушка опередила ее вопрос. Посчитав, что сеньора, видимо, знакома с ее хозяйкой, девушка пригласила ее войти.

В доме сновали слуги, девушки мыли пол, двое парней вешали на место портрет хозяйки дома.

– Вы извините, госпожа, у нас немного не прибрано. Просто мы только сегодня взялись за уборку дома: сеньора Висконти приехала вчера вечером и не хотела, чтобы ее тревожили.

Соседка почувствовала холодок в желудке. Разве она не слышала своими ушами, что донна Анна погибла от рук разбойников? Разве не видела, как убитый горем дон Висконти после символического отпевания донны Анны в соборе в траурных одеждах и с крестом, нашитым на плащ, покидал свой дом, отправляясь в поход?

– Но разве сеньор Висконти не потерял свою жену? – спросила она.

– Да, я слышала об этом печальном событии, – кивнула девушка, – но, к счастью, донна Анна не погибла, она чудом спаслась от рук бандитов.

– Не может быть! Но где же она сейчас? – соседке не терпелось увидеть сеньору Висконти. Она уже предвкушала, как будут удивлены сегодня кумушки на рынке, когда она расскажет им эту историю.

– Вот донна Анна, – девушка показала наверх. Соседка повернулась и в самом деле увидала хозяйку дома, стоящую на лестнице. Женщина от удивления открыла рот: сеньора Висконти действительно была жива! Но все же что-то в ней изменилось за эти дни... Соседка прищурилась, чтобы получше разглядеть ее.

– Сеньора Сфорца! – донна Анна медленно спускалась по лестнице, и длинный подол волнами спадал со ступеней позади. Она была одета в красное платье, похожее на то, что было на портрете, который слуги повесили над камином. Соседка невольно сравнила оригинал и копию – портрет действительно был нарисован рукой талантливого художника. Донна Анна была довольно худощавой, стройной, хрупкой женщиной лет двадцати. Она не была похожа на смуглых итальянок, скорее, напоминала северный тип – светлые волосы, бледная кожа, холодноватаядержанность в движениях.

Сеньора Сфорца не успела открыть рот, чтобы поприветствовать донну Анну, как наверху в галерее появился человек в черном, которого женщина раньше никогда не видела. Он радостно вскинул руки и воскликнул:

– Сеньора Сфорца! Какой приятный и неожиданный сюрприз! Анна так переживала, что дон Висконти уехал, забрал всех слуг, ни одного знакомого лица, моя девочка совсем одна... Вы явились очень вовремя!

Он сбежал по лестнице вперед Анны и очень галантно поприветствовал сеньору.

Соседка впала в замешательство. Она впервые в жизни видела этого человека, а он приветствовал ее, как знакомую. Она перевела вопросительный взгляд на донну Анну, но та молчала и лишь, подойдя ближе, мило улыбнулась. Человек в черном заботливо помог Анне сесть,

отодвинув для нее кресло. Потом, взяв под руку сеньору, отвел чуть в сторону и заговорил вполголоса:

– Пусть вас не удивляет молчаливость моей племянницы, она столько пережила в последнее время!

– Так вы дядя донны Анны! – наконец догадалась сеньора.

– Ну, конечно! Сеньора, должно быть, уже забыла, что мы нередко виделись с вами в доме донны Анны.

– Виделись? – она напрягла память, глядя в честные, голубые глаза странного человека. И чем больше она вспоминала, тем яснее рисовались перед глазами картины их встреч, хотя до этого момента она была уверена, что не знает его. Внезапно вспомнилось и имя.

– Герцог д'Эсте! – произнесла она неуверенно, глядя ему в лицо.

– Совершенно так! Всегда к вашим услугам, моя любезная сеньора!

Тут заговорила донна Анна, и соседка отвлеклась, чтобы еще раз посмотреть на нее. К ее искреннему удивлению, служанка и донна Анна говорили на чужом языке, обсуждая, видимо, что приготовить на обед. Поймав вопросительный взгляд сеньоры, герцог д'Эсте пояснил:

– Моя племянница всегда плохо говорила по-итальянски, ведь вы же знаете, сеньора, что она выросла в Провансе. А после того происшествия в горах она была так напугана, что забыла его напрочь. Когда я нашел ее, бедняжка даже меня не сразу признала. Но ничего, она уже поправляется, ведь она вспомнила вас сама.

– Но что же случилось? – сгорала от любопытства сеньора. Донна Анна действительно казалась измученной, испуганной, бледной, но вместе с тем выглядела моложе и беззащитнее, чем раньше. Сеньора заметила, как похудела донна Анна, как дрожали тонкие белые пальцы, когда она говорила со служанкой. Она путалась в словах, запиналась – видимо, и на французский тоже подействовало потрясение, пережитое в горах.

– Это страшная история, сеньора Сфорца! – герцог покосился на донну Анну, потом, наклонившись неприлично близко к сеньоре, быстро заговорил:

– Дон Висконти сообщил мне о смерти племянниц, и я сразу же отправился в Неаполь, чтобы присутствовать на отпевании. После я захотел побывать в тех местах, где, по предположению, погибли мои девочки. Не знаю, что толкало меня в эту поездку – высшие силы, предчувствие, что я найду что-то, что поможет выяснить причину их гибели… Силы небесные вели меня по этому пути, иначе я бы никогда не нашел Анну, – герцог перекрестился и молитвенно посмотрел на потолок, сеньора Сфорца поспешила последовать его примеру.

– В горах мой конь вдруг забеспокоился, свернул с главной дороги и понес меня вглубь леса. Я не мог остановить его, как ни пытался, и почувствовав, что он идет к определенной цели, дал ему волю. Я довольно долго ехал через овраги, лес и речки, поднимаясь и спускаясь по холмам и горам. Наконец, ближе к вечеру, конь вывел меня к бурной горной реке, на другом берегу которой я увидел старую хижину. Найдя место для переправы, я пересек реку и постучался в дом. Дверь открыл старик-отшельник. Едва взглянув на меня, он схватил меня за руку и провел внутрь хижины. Там на жалком подобии постели лежала донна Анна. Первым моим желанием было разбудить ее, но отшельник знаком показал, что нужно дать ей отдохнуть. Мы вышли.

Сеньора Сфорца сама наклонилась ближе к герцогу, ловя каждое слово, жадно запоминая каждую деталь. Вот будет сегодня разговоров на рынке! И она уже представляла себе, какая толпа соберется послушать ее рассказ о чудесном спасении сеньоры Висконти.

– Старик рассказал мне, что тело донны Анны принесла к его хижине та самая бурная речка, через которую я переправился. Воды реки прибили тело к берегу и отхлынули прочь. Только чудом донна Анна не захлебнулась в реке – ведь она была без сознания, все эти дни она бредила и металась в жару, но в тот день ей вдруг стало легче, и она забылась спокойным сном. Мы дождались, когда она проснется. Бедняжка была так рада меня видеть, что плакала

навзрыд, обнимая меня крепко за шею, как делала не раз в детстве, – растроганный собственным рассказом герцог смахнул с щеки слезу. – Но когда она поняла, что спаслась одна, а ее сестра погибла, то начала плакать, и мы испугались, как бы у нее снова не начался жар. Тогда я и заметил, что она с трудом говорит, путая слова и забывая некоторые подробности своей жизни. Но зато она в точности помнила все, что произошло с ней и сестрой, когда они возвращались домой: они решили ехать верхом, поскольку это казалось удобнее, нежели трястись по горной местности в экипаже. Девушки постоянно крутили вокруг медленно двигающихся повозок, нетерпеливо подгоняя караван. Вдруг они решили поспорить, чья лошадь быстрее, и Клементина, которая всегда была зачинщицей всех их проделок, пришпорив коня, понеслась через лес прочь. Донна Анна, не слушая уговоры слуг, бросилась догонять сестру. День был солнечный и ясный, лес казался безопасным, девушки время от времени показывались среди деревьев, смеясь и обгоняя друг друга, и слуги успокоились. Однако вскоре отсутствие хозяек обеспокоило прислугу, и охрана стала звать их, но тщетно. Поиски не принесли успеха, посланные назад к поместью слуги вернулись, сообщив, что сеньоры не возвращались назад.

Девушки действительно уехали очень далеко и испугались, поняв, что заблудились. Донна Анна металась то вправо, то влево, призывая слуг, но лес отвечал лишь шелестом деревьев да ветер гудел в верхушках сосен, раскачивая их так, что они скрипели. Внезапный крик Клементины заставил донну Анну вернуться к сестре. Девушки окружили разбойники, в какой-то момент Клементине удалось вырваться из лап разбойника, и, крикнув сестре «Беги!», она бросилась прочь. Донна Анна, оттолкнув разбойника, который снял ее с лошади, кинулась вслед за сестрой. Разбойники преследовали их. Донна совсем выбилась из сил, забираясь от них на гору, но они догнали ее. Понимая, что у нее нет выхода, донна Анна бросилась вниз со скалы и пропала в бурлящем потоке холодной горной реки. А разбойники, видимо, догнали Клементину и убили ее, ограбив. Так Клементина спасла жизнь сестре, заплатив за это страшную цену.

– Удивительно, что Клементина оказалась такой самоотверженной, – заметила сеньора Сфорца. – Вы меня простите, герцог, но мне она всегда казалась отличной от своей сестры. Донна Анна была… то есть, донна Анна – человек мягкий и добрый, а Клементина всегда была молчаливой и скрытной.

– Но любящей, – заметил герцог.

– Надеюсь, что донна Анна поправится, – сказала сеньора Сфорца. – А ее муж уже знает о том, что его жена жива?

– Пока нет. Донна Анна пожелала отправиться в поход вслед за мужем, потому что считает, что его присутствие поможет ей скорее прийти в себя. Это будет сюрприз для дона Висконти, – и при этих словах сеньоре Сфорца показалось, что в голубых прозрачных глазах герцога сверкнул таинственный огонек.

– Приятный сюрприз, – заметила сеньора.

– Несомненно, – ответил герцог, поднимаясь, чтобы проводить ее. Женщина подошла к донне Анне, и та устало улыбнулась, подавая ей руку на прощание.

– Прошу прощения, сеньора Сфорца, за то, что не смогла принять вас, как должно. Я буду рада видеть вас снова в нашем доме. Прощайте, – коротко выговорила она. Служанка проводила сеньору до двери. Когда двери особняка закрылись за ней, сеньора Сфорца на миг задержалась на пороге. Все же эта донна – самоотверженная женщина. Не успев оправиться от столь ужасного происшествия, она собирается следовать вслед за мужем в опасный поход, рискуя своей жизнью. Ничто не смогло поколебать железной воли этой донны!

Проводив сеньору Сфорца, барон вернулся ко мне и, поддерживая тяжелый подол моего платья, помог подняться наверх в комнату, где нас с нетерпением ждали Вадик и Катя.

– Ну, как все прошло? – бросилась ко мне с вопросом Катя, едва мы вошли в комнату.

— А ты как думаешь? — в ярости прошипела я. — Вы не представляете себе, до какой степени это тяжело, а служанка, наверно, подумает, что я совсем тупая, никак не могла ей объяснить, что на обед нужно приготовить картошку.

— Она не смогла бы вас понять, даже если бы вы прекрасно говорили на французском. В XIII веке в Европе не знают, что такое картошка, потому что Новый Свет еще не открыт, — заметил барон.

— И в самом деле! — засмеялась Катя. — Еще нет ни картошки, ни кукурузы, ни табака! И шоколада тоже нет, — добавила она помрачнев.

— Я действительно идиотка, раз не догадалась об этом, — пристыженно заметила я. — И все же, барон, согласитесь, что долго продолжаться этот фарс не сможет, ведь рано или поздно донне Анне придется прийти в себя от шока, и тогда все очень удивятся, когда поймут, что она не говорит на итальянском.

— Сказать по правде, донна Анна не была сильна в итальянском. Она мало общалась с соседями, предпочитая общество своей сестры, так что в этом проблема я не вижу. Нам нужно всем уловиться, что больше мы на русском не говорим, это может вызвать ненужные вопросы и проблемы. Никто из вас, как я понимаю, на итальянском не говорит?

— Я немного говорю по-итальянски, — нехотя признался Вадик. — Но совсем мало. И по-французски неважно.

— Я хорошо говорю по-французски, по-английски и немного по-испански, — сказала Катя.

— Я говорю на тех же языках, — ответила я, когда вопросительный взгляд барона переместился на меня, — только по-испански лучше, чем по-французски.

— Делать нечего, — вздохая, произнес барон, — вам придется выучить провансальский, старофранцузский и латынь. Иначе мы не сможем дальше разыгрывать эту комедию. Да и вам, молодые люди, — заметил он, обращаясь к Кате с Вадиком, — придется придумать имена и легенду...

Он на время задумался. Я неловко повела плечами. Рубашка, расшитая золотыми нитями, раздражала спину, и она ужасно чесалась. Катя еще ни разу не надевала эти тряпки, и ей казалось, что платья очень даже симпатичные, но я очень быстро поняла, что уйдет немало времени, прежде чем я научусь в них передвигаться. Подумать только, в детстве я бы отдала все что угодно, лишь бы примерить их!

В то утро мы все ужасно струхнули, увидев, как сеньора Сфорца приближается к дому. Барон заставил меня надеть платье и спуститься, после чего, выждав время, вышел на подмогу. Это мгновение, пока я стояла одна на лестнице, показалось вечностью.

Непонятно откуда за одну ночь в доме появилось столько прислуги, но настоящим подарком судьбы оказалась для нас Николетта, девушка, которая немного знала французский. Барон сказал, что она не знала настоящую донну Анну, и это еще больше облегчило мое общение со служанкой.

Нашу московскую одежду мы спрятали в сундук, а из вещей, что были в сумках, взяли только то, что могло пригодиться нам в этом веке — то был учебник латыни Вадика и блеск для губ. Все остальное, в том числе ключи от дома, сотовые и ручки, от которых пришлось отказаться по строгому приказу барона, мы оставили вместе с одеждой в сундуке.

Глава 4

Для нас начались тяжелые дни. Барон, который отныне просил называть себя герцогом Вельфом д'Эсте, был беспощаден. Мы зубрили наизусть молитвы на латыни, поговорки и крылатые фразы, модные в то время. Каждый день он заставлял нас писать чернилами на толстой бумаге, по которой перья странно и отвратительно скрипели. Чистописание выводило меня из себя — я вечно оказывалась вся перепачкана чернилами по уши, Николетта убивалась над безнадежно испачканными платьями, и отчаяние девушки так угнетало меня, что я взяла за правило писать за столом, положив свернутую в несколько раз ткань на колени и обмотав правую руку по плечо.

Вид у меня при этом был глупейший, и я порой сама смеялась над собою, когда была в хорошем настроении. Но это бывало редко. Герцог хотел, чтобы я как можно скорее запомнила все подробности жизни донны Анны до того происшествия. Меня порой удивляло, как дядя, с которым донна Анна так мало общалась, воспитанная вдали от него, может так много знать о ее жизни. Каждый день для меня начинался с пытки: я перечисляла всех родственников донны Анны и ее мужа, их возраст, привычки, состояние. Герцог заставлял меня запоминать все мелочи средневековой жизни: от того, как держать себя за столом, до того, как ложиться спать.

Поездки на лошадях поначалу приносили только боль и муку, но постепенно становились приятнее, хоть Герцог и не давал нам расслабиться, постоянно рассказывая что-нибудь из «современной» истории, чтобы мы были в курсе событий, происходящих в мире.

Неаполь поражал нас своей живописностью и удивительной легкостью: при взгляде на город казалось, что это прекрасный мираж. Несмотря на то, что он был основан очень давно, Неаполь больше походил на легкомысленного повесу, чем на старика. Такое впечатление создавал, по крайней мере, Везувий, мрачно напоминавший о трагедии Помпей. Казалось безрассуждством основать город у подножия этого вечно дымящегося вулкана. Однако, как объяснял нам Герцог, почва здесь была благодатной, виноградник рос отлично, да и о печальной судьбе Помпей здесь уже давно забыли. Нас так и подмывало посмотреть поближе на останки древнего города, но Герцог остудил наш пыл, сказав, что раскопки Помпей начнутся только пять веков спустя. Морской воздух создавал впечатление, что мы находимся на курорте, и мы часто спускались к морю, чтобы покататься верхом вдоль пустынных пляжей. Мы с Катей даже пару раз искупались, взяв с собой из дома простыни, но без купальников было довольно неудобно, поскольку мы все время боялись, что нас увидят. Зато Герцог потешил Катю, свозив ее на могилу Вергилия, который был похоронен на одном из холмов Неаполя. Катя постояла возле могилы поэта, о котором в свое время делала доклад, и заявила, что у нее очень странное ощущение — что она стоит у могилы друга. Да, легкость греческих и римских поэтов была куда приятнее тяжелого и немного мрачноватого Августина, чьи сочинения Герцог заставил нас прочитать.

Еще больше проблем возникало с провансальским. Мы с трудом привыкали к его чужому звучанию и странным формам, с трудом запоминали новые слова. Вадик как ни бился, так и не смог ничего запомнить. Герцог облегчил его участь, решив, что Вадик станет англичанином. Учебник, который оказался у Вадика в тот день в портфеле, оказал нам неоценимую услугу: с его помощью мы повторно прошли курс латыни, теперь уже с большим вниманием, чем в университете — еще бы, ведь нам придется, как всем знатным людям того времени, на ней молиться и украшать беседу крылатыми выражениями!

Веселье разразилось в тот день, когда Герцог, пригласив уличных музыкантов, решил научить нас придворным танцам. На деле это оказались вовсе не танцы, а медленное хождение по зале под заунывную музыку. Мы так тупили, пытаясь запомнить хоть одну фигуру, что

смеялись не умолкая. Особенно приятно было видеть кислую мину Герцога, мы славно отыгрались на нем за все мучения с языками и письмом.

Весть о том, что нам придется вскоре поехать на Кипр и там встретиться с Николо Висконти, чтобы в присутствии короля и двора опровергнуть весть о гибели донны Анны, мало обрадовала. Я слабо представляла, чего именно хочет добиться Герцог. Он хотел, чтобы я играла роль донны, но как тогда раскроется факт убийства, я не понимала.

Герцог не вдавался в подробности, а продолжал изматывать нас заданиями.

Когда Вадик узнал, что у него будет возможность встретиться с рыцарями, собирающимися в поход, он потерял покой и сон. Сама мысль о скорой встрече с теми, о ком он некогда сделал доклад по истории, вселяла в него стремление изучить все подробности куртуазного поведения, и в этом он вскоре преуспел больше нас. Его витиеватые фразы поначалу нас смущали, но по настоящему Герцога мы вскоре были вынуждены говорить таким же слогом.

Герцог д'Эсте был странным человеком. Он то постоянно общался с нами, выматывая до такой степени, что мы доползали до кроватей и валились спать от усталости, то исчезал куда-то на целый день, и мы слонялись по особняку, не зная, чем заняться. Поначалу его отлучки нас очень волновали и беспокоили, было страшно оставаться в доме со средневековыми людьми, как мы их называли между собой. Но единственное, в чем мы были уверены, что герцог вернется не с пустыми руками. Он привозил нам с Катей новые платья и плащи, мелкие вещи обихода, даже украшения. Откуда он все это брал, было загадкой, но постепенно мы привыкли к его отъездам, освоились в доме и даже иногда приказывали слугам на староитальянском, постепенно привыкая к этой новой и необычной жизни. Вадик постоянно был рядом с нами, поддерживая в трудные минуты, но все же он был счастлив, в отличие от нас. День, когда герцог привез ему меч и щит, надолго лишил нас его компании – он теперь пропадал во дворе, тренируясь с мечом. Заметив на щите герб, Катя спросила герцога, чей он, и тот, нисколько не смущившись, ответил, что то был фамильный герб Уилфридов.

– Уилфриды? И кто они такие? – поинтересовалась Катя.

– Это вы с Вадиком. Теперь вас зовут Катрин и Вильям Уилфрид. Семейная чета.

– Что? Я – его жена? Я не согласна! – Катя возмутилась так, как будто ее серьезно выдали замуж.

– Это было необходимо. Если бы Вадик не был твоим мужем, ему бы пришлось жить отдельно от вас. Это создало бы лишние проблемы. А так намного удобнее, вы трое можете общаться без риска быть заподозренными в незаконных связях.

– И что за имя он себе выбрал! – хмыкнула Катя. – Вильям! Прям как Шекспир! Катрин Уилфрид, – повторила она снова, – звучит ужасно.

– Помните, Катрин, что вы уроженка Прованса, близкая подруга донны Анны. Вам, в отличие от этих двух двоичников, я готов поставить по французскому пять, – Герцог увидел торжествующий блеск в Катиных глазах и лукаво добавил: – с минусом, – потом, не обращая внимания на то, как изменилось выражение Катиного лица, Герцог продолжил: – Вадик свою легенду заучил прекрасно, тренируется он тоже прилично… Думаю, что очень скоро мы сможем отправиться в плавание.

Глава 5

Герцог не скрывал своего нетерпения во время подготовки к отъезду, вместе с тем он очень нервничал, не раз предупреждая, чтобы мы были очень осторожны во всем, что говорим и делаем, и помнили все, чему он научил нас, потому что теперь предстоял самый жестокий из всех возможных экзаменов – жизнь. Здесь нет заранее известных вопросов, нет определенного времени, после которого можно позабыть все, что учили. Здесь постоянно надо быть настороже, в напряжении, думать, действовать мгновенно и четко, и если за ошибку на экзамене снижают оценку, то ошибка в реальности иногда может обойтись намного дороже и, быть может, ценой ее станет жизнь.

После того, как мы благодаря герцогу д'Эсте узнали эпоху, в которой оказались, ощущение безопасности и твердой почвы под ногами исчезло задолго до того, как мы сели на корабль.

Перед началом путешествия мы, как истинные средневековые жители, отправились в собор Святого Януария, возведенный в Неаполе совсем недавно. Это был первый день, когда мы вышли непосредственно в город. Добираться решили пешком, чтобы посмотреть на Неаполь, жителей, почувствовать атмосферу времени, как выразился Герцог. Вадик вел под руку Катю, я шла впереди с Герцогом. Собор был одним из немногих монументальных сооружений Неаполя, в те времена этот город, хотя и большой, но оставался относительно бедным, дома были простыми, одноэтажными и двухэтажными, над нашими головами в узких улочках болталось на веревках мокрое белье, дорогу постоянно перебегали маленькие дети, одетые так же, как и взрослые, отчего казались смешными карликами. Не самым приятным впечатлением от пешей прогулки были крысы, которые открыто сновали по улицам, никого и ничего не стесняясь. На меня эти зверьки не произвели особого впечатления, а вот Катя всякий раз, как крыса перебегала ей дорогу, охала.

Было забавно смотреть на людей того времени: они были немножко другими, но не сразу бросалось в глаза, что именно отличало их от наших современников. Я бы сказала, что были грубее лица, а простые прохожие проще выражали свои эмоции, не задумываясь особо о своем поведении. Одежда, конечно, сильно отличалась даже от той, какой я ее видела на выставке в музее. Вадик и Герцог выглядели очень смешно в коротких штанишках дома, но перед выходом на улицу они надевали поверх более длинные кафтаны, к которым прилагался плащ на застежках. Катя с врожденной грацией, как будто делала это с детства, передвигалась по улице, ничуть не путаясь в юбках, и поддерживала шлейф платья в руке. Мне эта непринужденность в движениях давалась с большим трудом. Я то и дело наступала на подол, спотыкалась, а уж о том, чтобы красиво нести шлейф, не было и речи. Герцог с удовольствием напоминал мне, что донна Анна славилась плавностью и женственностью движений. Я молчала, потому что была слишком сосредоточена на том, чтобы плавно не улететь лицом в грязь. Да еще замужние дамы обязаны были покрывать свои волосы и голову, поэтому на голове у меня было тонкое льняное покрывало, закрывающее не только голову и волосы, но и почти весь подбородок, поднимаясь к щекам. Герцог объяснил, что это необходимо, поскольку донна Анна была очень благочестива и строга к себе. Скрепя сердце, я дала согласие на подобный маскарад. Дома в этом наряде необходимости не было, но мы шли в церковь, поэтому и Катина голова была в этот день покрыта.

Величаво и никуда не торопясь (я еще по дороге раза два наступила на юбку) шли мы по Неаполю, и Герцог сжимал мне пальцы всякий раз, как я должна была поклониться знакомым. Все казалось проще, чем я ожидала, и я уже почти не нервничала. Казалось, что нет ничего проще, чем отсидеть мессу и делать вид, что молишься, а заодно поглядеть на других.

Меня приветствовали многие – видимо, стараниями сеньоры Сфорца о чудесном избавлении донны Анны от гибели знал уже весь город.

– Не наклоняйте голову так низко, когда приветствуете кого-либо, – тихо сказал мне Герцог. – Это излишне. Не забывайте, что вы из аристократической семьи, более древней, чем весь этот город. Вы можете позволить себе гордость и легкое презрение к людям более низкого сословия.

Как единственный критик, Герцог поправлял мою игру, но я иногда позволяла себе импровизации, которые выводили его из себя. Первое время я прикальвалась над слугами, удивляя их несдержанностью или порывистостью поведения: могла, например, подхватив юбки, взбежать по лестнице вместо того, чтобы чинно и плавно подняться наверх, но со временем эти вспышки стали угасать. Герцогу постепенно удалось привить мне величавость, благородство, сдержанность. Совсем не такой, как казалось мне, должна была быть женщина, выросшая на юге Франции. Но я твердо решила, что лишь играю роль донны Анны, может, Оскара я за подобную работу не получу, но радовал сам процесс тщательного воссоздания образа. Я представляла себе настоящую донну Анну, продумывала до мельчайших подробностей ее поведение и представление о мире, старалась почувствовать этот странный мир так, как его чувствовала она. Образ оказался сложнее, чем у Кати и Вадика, ведь приходилось учитывать и то, какой была настоящая донна Анна. Процесс ее воскрешения волновал меня, как волнует художника, который видит на чистом холсте линии будущей картины, или скульптора, который угадывает в изломе глыбы мрамора будущую статую, или актера, который вдыхает в свое тело суть другого существа и мыслит, ходит, говорит и чувствует, как оно.

Я с трудом преодолела в себе страх, когда в первый раз пошла спать в комнату донны Анны. Мне все казалось, что ее дух проявит себя; было неуютно лежать в кровати, где до меня спала эта женщина, смотреться в зеркала, в которые смотрелась она. Этот страх был выше меня – страх перед смертью и всем, что ее касается, и я делала всякий раз усилие над собой, отправляясь спать, но Герцог был непреклонен: я должна спать там, где спала Анна. Это неуютное ложе со слишком мягкими матрасами изматывало, и вместо того, чтобы отдохнуть и пополнить силы во сне, я вставала разбитой и измученной. В конце концов я взяла за привычку спать рядом на небольшом диване, свернувшись клубочком, но от этого положения начала болеть спина, и я была вынуждена вернуться на постылое семейное ложе четы Висконти.

Чтобы немного разбавить впечатление от сероватой атмосферы города с его грязными улочками и запахом моря, смешанным с запахом помоев, разлитых порой прямо на улицах, Герцог, пока мы шли к собору, рассказывал про единственную, пожалуй, в то время достопримечательность Неаполя – собор Святого Януария, небесного покровителя города. Святой Януарий – мученик, пострадавший за веру Христову в 305 году. Герцог с каким-то необыкновенным удовольствием описал весь процесс казни Януария. Оказалось, святого было не так просто убить. Если верить легенде, римский император Диоклетиан приказал бросить его в очаг, который пыпал в течение трех дней, но Януарий вышел оттуда целым и невредимым. Его бросили диким зверям, но они принялись лизать ему ноги.

– Крепкий орешек этот Януарий! – не выдержав, вставил Вадик.

– И тогда он был обезглавлен, – закончил перечисление мучений святого Герцог. – Как гласит предание, одна из благочестивых жен, присутствовавшая при казни, собрала в пузырек некоторое количество крови. С тех времен и берет начало этот необъяснимый феномен, а именно: свернувшийся сгусток вдруг «оживает» и переходит в жидкое состояние.

– Это невозможно, – вмешался в разговор Вадик. – Сразу видно, что вы не знаете элементарных физических и биологических процессов. Высохшая кровь не может перейти в жидкое состояние. Это всего лишь стремление человека к чуду, не более того. Сразу понятно, что в подобное могут верить только люди, живущие в XIII веке. В наше время ученые наверняка опровергли этот факт.

– А вот и нет! – возразил Герцог. – Напротив, даже в ваше время люди охотно верят в эти вещи. А научные исследования, на которые вы так уповаеете, показали, что это настоя-

щая человеческая кровь, имеющая все свойства крови живого человека. Это чудесное явление повторяется ежегодно 19 сентября в день мученической кончины святого.

– Такого быть не может, – продолжал упираться Вадик. – Сейчас столько современной аппаратуры, которая доказала, что многое из того, что считалось чудом, на самом деле было или подделкой, или физическим явлением, обусловленным специфическими условиями. Может, эту кровь чем-то разбавляют?

– Спектрографический анализ крови показал, что это настоящая артериальная человеческая кровь без всяких химических или иных примесей, – смеясь, ответил Герцог, и на его лице на миг появилось злодейское выражение.

– Значит, это так и останется тайной, – чтобы прекратить споры, закончила Катя. – Многое на этой земле останется неразгаданным, даже если мы изобретем сверхточную аппаратуру.

Герцог почему-то пришел в восторг от такой мысли:

– Вы правы, Катрин, вы, несомненно, правы!!! Многое останется за завесой тайны, многое, если не все...

Войдя в собор, Герцог уверенно повел нас вперед, к скамьям, предназначавшимся для знати города. Я шла по проходу и чувствовала на себе взгляды сотен уже собравшихся на молебен людей. «Висконти», «донна Анна», «чудо» – доносилось до меня, и я вдруг осознала, что все будет далеко не так просто, как казалось.

– Будет лучше, если вы сперва преклоните колени перед алтарем, возблагодарите Бога за спасение, потом я помогу вам подняться и провожу до скамьи, – шепнул мне Герцог.

Я сделала все так, как он мне велел, и в тот момент, когда я преклонила колени и, сложив ладони вместе, зашептала одну из молитв, что выучила на латыни, людское море позади взволновалось. Краем глаза (я даже не поворачивала голову и делала вид, что молюсь) я увидела вышедшего поприветствовать паству священнослужителя, он увидел меня и сделал знак рукой, чтобы все замолчали. В абсолютной тишине я закончила молитву, перекрестилась и, оперевшись на руку Герцога, встала. Когда он помогал мне подняться, Герцог красивым и надменным движением отбросил с лица черные пряди волос и улыбнулся своей лукавой улыбкой, к которой я уже начинала привыкать. Под взглядами людей, в центре всеобщего внимания, я ощутила, как взмокла спина от страха и волнения. Но улыбка Герцога словно спрашивала, побоюсь я посмотреть им в лицо или нет. Я смело повернулась и с легкой улыбкой посмотрела в неф.

Я мало что поняла из обращения священника к пастве, но Герцог объяснил: он предлагал помолиться, чтобы крестовый поход французов увенчался успехом, так как Папа благословил эту смелую и отважную нацию на подвиг. Поскольку совсем недавно произошло чудо разжижения крови Святого Януария, то молились и ему, прося заступиться за короля Неаполитанского и короля Французского, которые, как оказалось, были братьями. Потом молились за неаполитанских воинов, ушедших в поход, и тех, кто собирается к ним присоединиться, и, наконец, в свете последних событий священник предложил помолиться и за меня, ведь донна Анна внесла большой вклад в строительство собора, и ее спасение можно считать большой милостью Господа ко всем тем, кто помогает Церкви.

– Вам стоит обратить внимание на того пожилого священника, что стоит возле читающего проповедь, это отец Джакомо, он поедет с нами и станет вашим духовным отцом, и ему вы будете исповедоваться.

– Что? – в ужасе спросила я. – Но вы не говорили, что придется исповедоваться!

– Придется. Что поделаешь, такова жизнь, – с долей издевки произнес Герцог. – Но вы не расстраивайтесь, донна, отец Джакомо вас очень любит и без труда простит все грехи. Он очень милый и общительный человек, кроме того, говорит на французском. Я не позволял ему вас проводить под предлогом, что вы можете переволноваться, увидев его, так что если он подойдет, потрудитесь изобразить легкое волнение, радость, слезы – они это любят... Ну,

и представить ему своих друзей, поскольку всем вам придется часто общаться. Отец Джакомо нам очень нужен, – таинственно добавил Герцог, – он может оказаться полезным.

Все произошло так, как он и предупреждал. После мессы, когда все начали расходиться, к нашей скамье подошел отец Джакомо. Я поднялась навстречу и опустилась перед ним на колени, целуя ему руки, неожиданно и очень к месту растрогавшись от неопривычных для меня действий, даже смогла пролить слезу, что привело отца Джакомо в умиление. Он поднял меня и по-отечески тепло расцеловал. Кажется, он действительно любил донну Анну, и на мгновение мне стало стыдно за весь этот спектакль, который я только что разыграла.

– Простите, святой отец, – вдруг вырвалось у меня, – ибо я согрешила.

– В чем же твой проступок, дочь моя? – ласково спросил отец Джакомо, и я прикусила себе язык. Зачем я вообще произнесла эту глупую фразу? Но слово не воробей, посему пришлось отпустить ему вдогонку еще пару птиц.

– Клементина погибла, спасая меня, – ляпнула я первое, что пришло в голову. – Я виновата в ее гибели.

– Пусть это не тревожит тебя, Анна, ты не виновата. На то была воля Бога, нашего Господа, который решил, что ты должна жить дальше, чтобы продолжить служение Богу на земле, в то время как сестра будет молиться за тебя на небесах.

Отец Джакомо был одним из тех, кого я называю добрыми старишками: седой, маленький, худенький, но крепкий, с добрыми морщинками и усталыми, лучистыми глазами. Его седые брови торчали пучками в разные стороны, похожие на двух ежиков. В целом он был очень душевным, нежным человеком, к которому я довольно быстро привязалась. Отец Джакомо не был похож на большинство средневековых людей, которые поглязли в страхе перед смертным грехом, мучениями после смерти, не был таким негибким и холодным, какими были остальные. Он словно смотрел вперед и видел только хорошее, искал хорошее в людях. Он был на шаг впереди остальных пастырей, потому что не запугивал и не угрожал, не требовал, а советовал и предлагал. Я очень скоро поняла, насколько мудро поступил Герцог, взяв его с нами в поездку, – если бы вместо отца Джакомо меня исповедовал кто-нибудь другой, я бы прослыла скорее еретичкой, чем благочестивой донной.

По заданию Герцога я часто приглашала отца Джакомо на прогулки, и мы гуляли по городу вдвоем: он, прячущий руки в рукава своей коричневой скромной рясы, подпоясанной поясом, и я, одетая по последней моде XIII века, с длинным шлейфом и ненавистным мне головным убором, в котором больше была похожа на монашку. Герцог однажды сказал, что такие головные уборы действительно станут впоследствии носить только монашки и дамы в трауре и что называться они будут манишками. Пока же я была вынуждена носить это покрывало чуть ли не каждый день, и самое неприятное было то, что волосы под ним очень быстро сваливались и становились грязными. Мыться нам с Катей приходилось в чанах, а в комнате, предназначенней для этой процедуры, не было камина, и поэтому приятных ощущений это не доставляло. Оставалось только мечтать, что когда я вернусь домой, обязательно приму теплую ванну и вымоюсь с удовольствием, по-настоящему, а не урывками. Еще более смешным оказалось знакомство с так называемыми ночных вазами, в обиходе – горшками. Вот уж не предполагала, что, став студенткой, считая себя взрослой девушкой, я окажусь в ситуации, когда горшок станет моим постоянным спутником! Первые дни мы чувствовали себя детьми, потом – отсталым народом, потом уж и вовсе ничего не чувствовали, ибо человеку свойственно ко всему привыкать. Именно по этому поводу Вадик, когда мы наблюдали торжественный вынос ночных ваз из наших комнат, продекламировал: «Привычка свыше нам дана, замена счастию она».

Под предлогом, что от пережитого страха и горя я плохо помню свои горести и беды, волновавшие меня до несчастного случая в лесу, удалось уговорить отца Джакомо рассказать немного о донне Анне.

Сеньора Висконти, помимо щедрых взносов в строительство собора, часовен и вкладов в церкви, помогала нескольким семьям бедняков, которые жили под ее покровительством в Неаполе. Герцог снабдил меня деньгами, и однажды я, попросив отца Джакомо сопровождать меня, отправилась с визитом в эти семьи. Герцог отговаривал, но в свете готовящейся поездки и его постоянных отлучек мне нечем было заняться. Катя тащилась от возможности руководить и ловко приказывала слугам, взяв на себя ответственность за подготовку к отъезду. Вадик тренировался как сумасшедший, целыми днями фехтуя во дворе со слугами. Те иногда так уставали от него, что пару раз сильно исклошматили деревянными мечами, но парень не унывал. Мне уже было скучно просто гулять по городу, демонстрируя донну Анну всем подряд, хотелось новых впечатлений и видов. Их я получила сполна в тот день, когда, одевшись в скромное платье, избавившись наконец от шлейфа и закутавшись в теплый шерстяной плащ, отправилась с отцом Джакомо в ту часть города, где, как он сказал, жили семьи, которым покровительствовала донна Анна.

Назвать трущобами то, что я увидела в тот день – значит ничего не сказать. Дома казались скорее развалинами, чем жилыми зданиями, все было полуразрушено, и кое-где стенки обвалившихся домов латались щитами, сколоченными из досок. Один из домов, черный и обуглившийся от недавнего пожарища, все же был заселен – вместо обрушившейся крыши висела грязная тряпка и повсюду из отверстий, которые язык не поворачивался назвать окнами, выглядывали люди. Вонь и грязь сводили с ума, было трудно дышать. Спертый запах мочи и гниющих помоев вызывали острое желание, пока не поздно, повернуть назад. Но приходилось идти, сохраняя спокойствие, потому что назад не позволяла повернуть боязнь разочаровать отца Джакомо. И потом, если донна Анна могла ходить сюда, то почему этого не смогу я? И я упрямо шла вперед.

Люди мелькали туда-сюда по узенькой улочке, грязные, бедные, усталые. Где-то раздавались удары молота – значит, рядом была кузница. Вдоль стен лежали старики и собаки, нищие и больные, которые изредка выкрикивали жалобными голосами просьбу подать им на пропитание.

– Почему они не просят около церкви? – спросила я. Возле собора всегда сидели попрошайки, и мне казалось, что там у них есть шанс заработать больше, чем просить подаяния у таких же нищих, как они сами.

– У этих несчастных уже нет сил дойти до собора. Чтобы хоть как-то избежать чумы, солдаты каждый день проходят по этим улицам и будят нищих. Тех, кто не просыпается, уносят и закапывают, чтобы они не лежали здесь и не кормили крыс.

Сидящий отдельно от остальных, закрытый наглухо черным капюшоном человек отполз от стены и, протянув ко мне руку, покрытую сыпью и ранами, начал клянчить. Заметив движение моей руки к кошельку, висящему на поясе, отец Джакомо, крепко ухватив меня за локоть, повел быстрее вперед.

– Подождите, святой отец, я хотела подать, – сказала я, оборачиваясь на просящего.

– Этот человек болен проказой, к нему нельзя прикасаться и подходить, дочь моя. И потом, если вы подадите здесь одному, то они обступят вас плотным кольцом и не отпустят, пока вы не отадите им все до последней монеты.

Я содрогнулась и мысленно сказала себе, что это был первый и последний раз, когда я посещаю подобное место. Куда бы я ни посмотрела, везде была смерть, болезни, нищета, грязь… Самый воздух, казалось, был отравлен болезненными испарениями, и я дышала едва-едва, боясь вдохнуть заразу, больше всего на свете мечтая поскорее убраться отсюда.

Отец Джакомо провел меня в один из домов, где в темном углу, на куче сырой соломы сидела женщина. Я беспомощно оглядела помещение и прошептала отцу Джакомо:

– Увы, отец мой, я совершенно не помню эту женщину…

— Конечно, вы ее не помните, — ответил немного озадаченный отец Джакомо, — вы ведь никогда не встречались с теми, кому помогали, поручая это благое дело мне.

— То есть, — начиная чувствовать себя полной идиоткой, спросила я: — донна Анна, то есть я, никогда не встречалась с этими несчастными лично? И никогда не была здесь?

— Никогда, — подтвердил отец Джакомо и заботливо посмотрел на меня. — Донна, вы хорошо себя чувствуете?

— Вы сняли с моей души тяжелый камень, — ответила я, едва сдерживая себя, чтобы не расхохотаться над собственной глупостью, — я ведь думала, что совсем забыла о своих визитах сюда.

Женщина все это время сидела на соломе, прижимая к себе кулек из тряпок, которые, должно быть, были ее единственным имуществом, не считая, конечно, пары грязных мисок на убогом столике, больше напоминавшем табурет, и испуганно следила за нашим разговором. Как только мы умолкли, она осмелилась обратиться к отцу Джакомо.

— Донна? — спросила она, указывая на меня. — Донна Анна?

Отец Джакомо кивнул и не успел глазом моргнуть, как женщина, отложив в сторону кулек с одеждой, бросилась на колени передо мной и, схватив за руку, принялась целовать ее, бормоча слова благодарности. Отцу Джакомо потребовалось усилие, чтобы освободить меня и усадить женщину на место. В это время пока я, в шоке от убожества жилища и состояния женщины, оглядывалась вокруг, куль с одеждой зашевелился и оттуда раздался плач. Оказалось, что там лежал завернутый в тряпки младенец.

— Эта женщина родила совсем недавно, — сказал мне священник.

— Но чем же я помогла ей, если она живет в такой нищете? — спросила я.

— Вы спасли двух ее детей. Мальчика отправили в услужение в дом своих друзей, а за девочку заплатили деньги, и она смогла попасть в монастырь послушницей. Муж этой женщины получил работу в кожевенной мастерской, но, видно, зарабатывает всего ничего. Эту женщину зовут Собрина, она была беременной, когда вы исчезли, донна.

Младенец кричал, надрываясь, сжимая ручки в кулочки. Женщина тщетно старалась его успокоить. Я оглянулась — похоже, наш визит вызвал любопытство у окружающих, и у входа в комнату собралась толпа. Женщина со слезящимися красными глазами, качая ребенка, что-то рассказывала мне, но я не понимала ничего, кроме отдельных слов, которые связывала между собой, додумывая текст. Она была молода, но у нее уже не было половины зубов, красные глаза с тонкими белесыми ресницами гноились, грязные волосы выбивались из-под чепца. Ребенок продолжал надрываться, я не выдержала и, наклонившись к женщине, взяла ребенка на руки. Собрина испуганно замерла, и по молчанию, воцарившемуся вокруг, я поняла, что совершила ошибку. Зато ребенок тоже умолк, удивленно глядя на меня, хотя я не была уверена, видят ли новорожденные. Тряпки, в которые он был завернут, не отличались чистотой, и, присмотревшись к ребенку, я заметила вшей у него в голове.

— Донна Анна, что вы делаете? — нашел в себе силы отец Джакомо.

— Успокаиваю ребенка, — ответила я. — Вы заметили, святой отец, бедняжка весь ошивал. — Вши уже крепко обосновались в жиденьких волосиках малыша, я сбрасывала целые колонии из яиц, а малыша эта процедура, похоже, забавляла, потому что он издал нечто похожее на радостное восклицание.

— Он такой худенький, — ответила я, с сожалением глядя на ребенка. — Отец Джакомо, вы сможете проследить за тем, чтобы ему купили пеленки и колыбель?

— Колыбель-то зачем? — спросил он. — Они все спят здесь в углу.

— Мне кажется, что так будет теплее. Одеяла, кровать для родителей, все, что возможно на эти деньги, — я протянула мешок священнику.

— Но, донна, — попытался возразить он, — вы же хотели разделить эти деньги еще на две семьи.

– О них я позабочусь позже, – качая младенца, но стараясь не прижимать его к себе слишком близко, сказала я. – Вот, – я передала младенца Собрине и сняла с себя плащ, – пусть пока накрывают его этим. Так ребенку будет теплее.

– Донна! – священник на миг посмотрел на меня с нежностью, затем передал плащ Собрине, переведя ей мои слова. Собрина снова заговорила, пылко выражая благодарность.

– Анна! – вдруг подняв ребенка перед собой, сказала она. – Я назову ее Анна.

Мне стоило большого труда избавиться от горячечной благодарности Собрины и распрошаться. Еще больше труда стоило пробиться сквозь толпу бедняков, которая ждала на улице. Они бежали за нами, окружали, кричали, жаловались, просили, клянчили. Женщины показывали своих детей, больные демонстрировали болячки, и все это скопище нищих преследовало нас, пока мы чуть ли не бегом вышли из квартала.

Я зареклась когда-либо повторять подобный поход и до отъезда из Неаполя сидела дома, как мышка, послушно зубря французский и правила этикета. Герцог не раз со смехом припоминал мне эту вылазку, но польза от нее оказалась велика – отец Джакомо стал относиться ко мне с большой любовью, и между нами зародилась дружба, которая очень удивляла не только Герцога, но и моих друзей.

– Знаете, чего мне не хватает больше всего? – спросил Вадик, садясь в кресло напротив нас.

– Чего? – смеясь, спросила Катя. – Компьютера?

– Мне не хватает теплой ванны, водопровода с горячей водой, и я хочу помидор, – заявила я, падая на постель, где уже сидела Катя. Мы легли с ней лицом к Вадику, болтая ногами в воздухе.

– Я не знаю, как вам, а мне не хватает только музыки. Я бы сейчас даже рок-н-ролл станцевал, даже на медляк бы девчонку пригласил, но чтобы музыка была! А уж о трансе и говорить нечего.

– А может, сам что-нибудь сыграешь? – спросила я. – Вот попросим завтра Герцога достать хоть что-то, похожее на гитару, и ты нам сыграешь.

– Да не достанет он гитару, – отмахнулся Вадик. – Ты же видела, на каких доисторических инструментах они играют. Эх, первое, что я сделаю, когда домой приеду, – включу на полную магнитофон, и пусть соседи терпят, потому что у меня такое ощущение, что я в последний раз нормальную музыку слышал столетие назад.

– А я по телеку скучаю. Привыкла, что он всегда работает, бормочет что-нибудь в квартире... Как только вернемся, я все буду подряд смотреть, без перерыва... И как только они живут без всего этого? Так скучно! – Катя легла на спину и начала крутить в пальцах жемчужное ожерелье.

– Ну, ты неплохо устроилась, согласись, – сказал Вадик, – у тебя в распоряжении пятнадцать человек, смотрящих тебе в рот...

– В отсутствие Ольги, – заметила Катя.

– А все эти тряпки? Тебе же так нравилось их примерять.

– Да, но мы как-то мало выходим, – вздохая, ответила Катя.

– Ничего, скоро нам предстоит тяжелое испытание, – сказала я. – Герцог хочет, чтобы мы отправились через три дня. Когда прибудем на Кипр, там ты покажешь свои платья и даже, если повезет, увидишь короля.

Я поднялась с постели и вышла на балкон. Мысль о приближающемся испытании угнетала, и я бы хотела, в отличие от моих друзей, оттянуть момент очной ставки с Висконти. Что-то подсказывало мне, что все будет не так просто, как это представлял Герцог.

В комнате Вадик подошел к Кате и тихонько сказал ей:

– Надо поддержать ее, она совсем расклеилась, а ты еще и придираешься.

– Я? Да когда я к ней придидалась, ты что? Просто я хочу поскорее вернуться домой, и все. Надоело мне здесь. У меня такое ощущение, что я деградирую.

– Ну да, куда же ты без телевизора, ведь это же основной источник знаний! – язвительно сказал Вадик. – Вместо того чтобы забыть о сериалах и поддержать подругу, ты только все усложняешь!

Катя обиженно промолчала.

Глава 6

Настал день «икс», как его называл Герцог. Рано утром я поднялась с кровати совершенно разбитая, не испытывая никакого желания куда-либо ехать. С одной стороны, хотелось поскорее оказаться дома, насладиться радостями цивилизации, с другой стороны, меня тяготило мрачное предчувствие. Мне казалось, что Николо Висконти не составит большого труда доказать, что я не его жена. К тому же помимо него там было очень много людей, которые знали донну Анну: прислуга, друзья Висконти и, вполне возможно, знакомые донны Анны из Прованса, ведь главным организатором похода была Франция.

Крестоносцы и король уже высадились в Лимассоле, и сейчас в столицу острова Никозию стекались все рыцари, пожелавшие принять участие в походе. Мы должны были прибыть в Лимассол 2 декабря – спустя два месяца после нашего появления в Неаполе.

Я спустилась в гостиную, где в сумерках зарождающегося утра за столом завтракали Катя и Вадик.

– Мне кусок в горло не лезет, – жалобно пробормотала Катя, копаясь в тарелке с холодной курицей, – что-то мне не хочется никуда ехать.

– Не знаю, почему вы так настроены, – возразил Вадик, с аппетитом доедая второй кусок. – Нам осталось совсем немного до возвращения обратно, а вы расклеились за шаг до успеха.

Я, вздохнув, молча принялась за еду. Просто удивительно, как мы все трое так прекрасно общались, будучи совершенно разными. Вадик – абсолютно жизнерадостный тип, не унывающий никогда, всегда настолько оптимистично настроенный, что порой это начинало действовать на нервы. Катя – рационально мыслящая, склонная к тщательному обдумыванию каждого своего слова или действия, с точки зрения Вадика, слишком медлительная и вдумчивая. И я между ними болтаюсь, как... я пропустила в мыслях не слишком хвалебное сравнение. Я вообще с трудом допускаю к себе близко людей, но с ними, хоть и не сразу, сдружилась и крепко.

– Вы поели? – показался наверху Герцог. – Слуги уже загружают повозки вещами. Отец Джакомо ждет нас на пристани. Пора.

– Ой, что-то мне совсем не хочется, что-то я совсем не хочу... – шептала Катя, пока мы приближались к порту, и уже можно было увидеть корабль, на котором нам предстояло отправиться в путь.

– Мы что, реально на нем поплыем? – Вадик готов был сойти с ума от восторга.

Я лишь обреченно вздохнула и плотнее закуталась в плащ, глядя на довольного Герцога. Глаза его светились торжеством, словно он уже предчувствовал близость расплаты за смерть племянниц. Я вдруг подумала, не продал ли этот человек душу дьяволу, чтобы совершить путешествие во времени. Он был всегда немного отстранен, как бы весело нам ни было, что сохраняло дистанцию между нами. Несколько таинственный и скрытный, Герцог в своих вечно темных одеждах, с лукавой улыбкой сам походил на воплощение темных сил. Но вместе с тем, он был добрым, отзывчивым, общительным и до такой степени интересным человеком, что я иногда забывала о том, что, по-хорошему, мы должны обижаться на него за то, что он нас сюда притянул и впутал помимо нашего желания в свое темное дело.

Опираясь на тяжелую трость с железным набалдашником, инкрустированным лунными камнями и белым жемчугом, Герцог помог нам сойти на пристань, а грузчики принялись выгружать вещи из повозок. Следом подъехала повозка с Николеттой и остальными служителями, которые сопровождали нас в поездке.

Я впервые в жизни видела вживую деревянный корабль и поразилась его размерам и мощи. Его подогнали совсем близко к берегу, протянули к нему трапы и, откинув крышку люка в его борту, загружали в трюм огромные тюки с вещами, провизией, бочки с водой и вином, а также заводили лошадей.

– Ну, как вам лодка? – с деланным пренебрежением спросил Герцог, смеясь над нашим изумлением. – Венецианское торговое судно – одно из самых популярных в наше время.

Красавец-корабль с розовато-алыми от рассвета свернутыми парусами, пузатенький, с двумя высокими мачтами гордо ожидал начала путешествия и вызывал у нас с Катей не только восхищение, но еще и страх. О морских путешествиях того времени мы знали лишь одно: в море мы можем встретиться с пиратами, и сейчас, когда мы смотрели на этот гордый, но довольно беззащитный корабль, нам казалось, что едва пропадет с горизонта берег, как стаи охочих до наживы пиратских кораблей нападут на нас и потопят этого добродушного толстяка. «Толстушку», – поправила я себя, прочитав на корме имя корабля: «Санта Анна».

– Этот корабль построили в Венеции специально для Неаполя. Капитан корабля, Джиральдо Модерони, выделил нам три каюты – одну для донны Анны, вторую – для семейной четы Уилфрид, третью – для меня.

Вадик на слова «четы Уилфрид» прыснул и засмеялся: положение женатого человека никак не укладывалось у него в голове.

– Кать, а чем заниматься будем по вечерам? – спросил он, ухмыляясь, у Кати. Та спокойно повернулась к нему и невозмутимо, голосом, полным достоинства, произнесла:

– Не знаю, как ты, а я намерена с пользой провести время на этом корабле, – и, заметив блеск в глазах Вадика, добавила: – поэтому я буду жить в комнате донны Анны.

– Только будьте осторожны все трое, – предупредил Герцог. – С нами будут путешествовать рыцари, которые присоединились к походу, поэтому начинаем играть свои роли с этого момента. Прошу не забывать о языках, на которых будете общаться, и именах. Отец Джакомо теперь все время будет рядом с вами, донна Анна, пожалуйста, не доводите его своими странностями и экстравагантными выходками. Будьте сдержанной, это принесет нам удачу.

Все вместе по мостику мы перебрались на корабль, и только тут я увидела, какое огромное количество людей сосредоточилось на этом небольшом кусочке плавучей сушки. Одной команды было человек 80, а пассажиров человек 300, не меньше. Когда все лошади и провизия были погружены на корабль, люк тщательно задраили, поскольку во время плавания он находится под водой. Капитан крикнул: «Работа закончена?» – ему отрапортовали, что да. Тогда он велел отцу Джакомо и монахам, путешествовавшим с нами, петь гимны и под прекрасное «*Veni, Creator Spiritus*» – «Приди, Дух Создателя», корабль отошел от берега. Матросы подняли паруса, веревки свистели, опускаясь на палубу, ветер начал трепать толстую ткань, хлопая ею, и мачты, вздыхая, приготовились к длинному плаванию. Очень скоро суша скрылась от нас, и мы остались наедине с небом и морем, не уверенные ни в чем и уповающие только на удачу.

Слуги располагались прямо на палубе под навесом и в трюме, но неизвестно, что было лучше: внизу было душно, наверху прохладно. Я настояла, чтобы Николетта спала в моей каюте, поскольку не могла себе представить, как эта бойкая красивая девушка будет спать на палубе среди мужчин.

Николетта была настоящей итальянкой: с длинными черными кудрявыми волосами, большими карими глазами, в которых искрились и сверкали веселье и смех. Маленький вздернутый носик придавал лицу легкость и лисье выражение, что очаровывало и привлекало внимание. Когда она улыбалась, обнажая ровный ряд белых зубов, хотелось смеяться вместе с ней. Она была оптимистичной, энергичной, и я ее очень полюбила. К тому же она не задавала лишних вопросов, исправляла мои ошибки деликатно и очень неплохо говорила по-французски. Она была ценной помощницей нам с Катей, когда дело доходило до одежды, и даже причесывала меня, заплетая жемчужные нити в волосы или укладывая их на старинный манер. Мы с

Катей давно привыкли говорить только по-английски между собой в присутствии Николетты, поэтому нас она нисколько не стеснила. Если же мы хотели побывать одни, я отсыпала ее, и Николетта садилась в тенечке на палубе и вышивала.

Кстати, рукоделие – это единственное, от чего я отказалась сразу и наотрез. Что бы там донна Анна ни вышивала с большим вкусом и редким искусством, я бы все равно не научилась этому. В детстве я была неусидчивой, и когда дело доходило до работы с пяльцами или вязания крючком, предпочитала читать книги. Как ни бились мама и бабушка, я так и не научилась класть ровные стежки и считать петли. Мне это занятие казалось скучным и неинтересным, поэтому корзинку с вышиванием донны Анны я отдала Николетте, и та взялась закончить начатое донной покрывало, вышитое золотыми и серебряными нитями. Решили, что донна потеряла интерес к вышиванию после пережитой трагедии. Отец Джакомо очень расстроился, услышав от меня эту новость. «Рукоделие облагораживает женщину, помогает показать ее смиление и терпение», – сказал он мне, но я лишь промолчала. Какое еще смиление! Эти средневековые люди и так бедных женщин оговорили. Только и слышишь от них, что женщина есть оплот дьявола, из-за нее люди потеряли Рай. Ну почему, спрашивается, виновата женщина? Адам, между прочим, мог отказаться, а не хрумкать все, что давала ему жена. Да и потом, если уж разобраться как следует, то Бог с самого начала планировал выгнать их из Рая, ведь Он знал, что они ослушаются Его приказа, да и не стал бы Он на самом видном месте сажать Древо познания, если бы очень хотел оставить Адама и Еву в Раю. И Ева виновата лишь потому, что первой попалась на глаза змею. Кто сказал, что Адам не откусил бы от яблока, если бы змей предложил его именно ему? И вообще, кто дал жизнь сыну Бога на земле? Но я ничего не говорила отцу Джакомо, терпя его уроки и внушения, и лишь когда становилось совсем невмоготу, приходила к Герцогу, который выслушивал молча мои тирады, лукаво поблескивая глазами и странно улыбаясь. Однажды, когда я высказывала ему свое мнение о первородном грехе, он, не без подтекста, протянул мне яблоко, лежавшее в корзинке у его ног, и сказал:

– Ты должна понять, Ольга, что средневековый человек считает себя грешным с того самого момента, когда делает первый вдох. Он заражен первородным грехом, и ничто не избавит от него. Поэтому, дабы не усугублять свое положение, он должен молиться и искупать грехи, действуя во имя веры. Кто-то дарит церкви земли, кто-то служит Богу всю жизнь, вступая в монашеские или рыцарские ордена, кто-то воюет во имя веры. Мужчины нашли в Библии удобную возможность для того, чтобы подавить женщину и подчинить себе. Да и сами женщины всегда заняты своими детьми больше, чем мужчины, на них ложится хозяйство и дом, они хранят уют и семейный очаг. Если бы в обществе не было такого четкого разделения ролей, началась бы путаница и неразбериха, а в этом мире лишние вопросы не нужны, здесь надо выживать, следя общепринятым правилам. Это в вашем избалованном цивилизацией мире роли спутались – а здесь все иначе. Поэтому мужчина всегда идет впереди женщины, ведь Бог создал его первым, – но, говоря это, Герцог так испытующе смотрел на меня, что все же смог спровоцировать на ответ.

– Это потому что первый блин всегда комом, – заявила я, насупившись. Герцог отбросил голову назад и засмеялся, и его бледное лицо на фоне спинки красного кресла показалось менее усталым, чем накануне, когда я даже начала беспокоиться, не болен ли он. Я распрощалась с ним, унося с собой яблоко, и пошла в свою каюту, где Катя играла с Вадиком в шахматы.

– Ну что, исповедовалась? – спросила Катя, не отвлекаясь от доски, поскольку уже пару раз поймала Вадика на мухлеже.

– Да, шокировала отца Джакомо своими грехами, а потом пошла к Герцогу и высказала ему все, что думаю об отце Джакомо и о Библии. Вот результат разговора, – я подкинула в руке яблоко.

– Запретный плод! – воскликнул Вадик, съедая Катиного коня. – И что же, Герцог отчитал тебя за плохое поведение?

– Нет! – вгрызаясь в сочное яблоко, сказала я. – Даже напротив, поддержал и посоветовал терпеть мужской шовинизм, смиренно слушать отца Джакомо и оставаться при своем мнении.

– Я так и думала, – заметила Катя. – Этот Герцог вовсе не похож на человека Средневековья, хоть и много о нем знает. Легко рассуждая о религии и обществе, анализируя историю, он с такой тонкостью и порой сарказмом описывает людей, что я невольно начинаю подозревать в нем не человека, а...

Катя махнула неопределенно рукой в воздухе.

– Да ладно вам фантазировать, – заявил Вадик, убирая с поля Катину ладью, – нормальный человек, просто образованный, хороший психолог. Не обязательно быть Сатаной, чтобы играть на человеческих слабостях, надо просто уметь догадаться о том, чего хочет человек, дать ему это, и все – он твой преданный друг или раб, кому как больше нравится.

– Да? – внимательно посмотрев на Вадика, спросила Катя. – Как же много я о тебе не знала...

– Учись, пока я жив, – ответил парень и добавил гордо: – Шах!

Я вышла в коридор, намереваясь выйти на палубу и подышать морским воздухом. Шел второй день плавания, мы уже прошли мимо Сицилии и двигались в сторону Греции. От качки я чувствовала себя не очень хорошо и еще хуже передвигалась по кораблю. Вадик быстро выработал матросскую походку и часто гулял по палубе, наблюдая за рыцарями. Он смотрел на них с таким жадным интересом, как смотрят на редкие и знаменитые музейные экспонаты. Мне всегда казалось, что рыцари чувствуют его любопытство и относятся к нему с подозрением. Эти мужчины в рубахах и простых штанах, с нашитыми на спине и груди красными крестами представляли собой довольно странное собрание. Они напивались каждый день, ругались, дрались, но как только появлялся отец Джакомо, они спешили к нему за благословением и смирино отставали службы, являя собой пример религиозности и добродетели. Мне они все больше казались доисторическими животными, и я избегала появляться на палубе слишком часто. Впрочем, при виде дам они очень мило раскланивались с нами, приветствуя витиеватыми фразами, но это была лишь общепринятая любезность – за своей спиной я не раз слышала недвусмысленные комментарии. Это были рыцари без земель и владений, которые спешили в поход, чая поживиться богатствами Святой земли, добиться успехов на службе у короля и просто повоевать. Они не раз устраивали шуточные баталии на корабле прежде, чем напиться в доску, а потом я не могла заснуть, потому что они хриплыми голосами всю ночь пели песни.

Итак, я продвигалась по темному коридору, мечтая подышать перед сном свежим воздухом, и как раз проходила мимо каюты Герцога, когда услышала голоса. Разговор шел вполголоса, Герцог что-то рассказывал, а его собеседник слушал и задавал вопросы. Они говорили на немецком, поэтому я даже не стала пытаться что-нибудь понять. Не знаю, где он нашел человека на этом корабле, который бы говорил на немецком... Я не стала брать это в голову и вышла на палубу.

Николетта сидела возле входа и вышивала полотно, рядом с ней на карточках сидел молодой оруженосец и с выражением говорил. Николетта отвечала редко, больше улыбалась и совсем не смотрела на него, занимаясь вышиванием. Оруженосец сидел на приличном расстоянии, оперевшись на меч, и пока говорил, задумчиво созерцал работающую девушку. Из отрывка его рассказа, который я услышала, прежде чем они заметили меня, я поняла, что парень рассказывал ей о месте, где он родился.

– Донна Анна! – Николетта испуганно посмотрела на меня, а парень поднялся и низко поклонился.

– Николетта, я не стану бранить тебя, – ответила я, жестом предупреждая ее оправдания. – Я не вижу в твоем поведении ничего предосудительного.

Я пошла по палубе, наслаждаясь последними лучами солнца и криками чаек над головой. Водная поверхность дышала вокруг большими холмами, вздымаясь и опускаясь, наш корабль

гордо разрезал носом воды моря и летел на всех парусах вперед. Насколько я видела, нигде не было других кораблей, и это успокаивало. Николетта свернула рукоделие и пошла рядом со мной, оруженосец, видимо, вернулся к своему хозяину.

– Вам не страшно, донна? – спросила девушка, испуганно схватив меня за руку, когда судно накренилось вниз.

– Страшно, конечно, дерзок тот, кто уверяет, что не боится моря. Это стихия, не подвластная человеческим желаниям и надеждам, – сказала я, втайне восхищаясь своим слогом.

– Я каждый раз ложусь спать и гадаю, не окажусь ли к утру на дне морском. Поэтому мне кажется страшным отправляться в плавание, отягченной смертным грехом или не исповедавшись, потому что здесь жизнь так же зыбка, как и море, и никто не знает, даже капитан, как пройдет путешествие.

– Как-то очень мрачно звучит, Николетта! – улыбнулась я. – А тот юноша, что сидел рядом с тобой, не внушает тебе надежды на лучшее?

Девушка зарумянилась и улыбнулась.

– Он очень смешной, – сказала она. – Рассуждает, как ребенок, мне забавно его слушать.

Ветер крепчал, порывисто набегая на паруса, наш корабль то нырял носом с волны, то взлетал вверх, но особого страха я не ощущала: казалось, что до бури дело не дойдет. Мы прошли вдоль всего корабля, овеянные свежим прохладным ветром, он ласково шевелил складки платья и бодрил.

– Оденьтесь, донна, – раздалось позади, и Герцог набросил мне на плечи теплую накидку. Отослав знаком Николетту, он взял меня под руку и, поддерживая, повел дальше. В другой руке он нес свою трость, с которой теперь не расставался. Некоторое время мы гуляли молча, лишь изредка небрежно перебрасываясь замечаниями по поводу корабля или погоды, потом он крепко сжал мне локоть, и я удивленно посмотрела на него.

– Посмотрите, донна, мне через плечо, и вы увидите рыцаря, разговаривающего со своим оруженосцем. Этот рыцарь – француз, но он уже давно служит Неаполитанскому королю, Карлу Анжуйскому. Его имя Селир Анвуайе. Думаю, что вам стоит познакомиться с ним поближе, поскольку он близкий друг своего государя, который, в свою очередь, является братом Французского короля. Помощь короля в нашем деле может оказаться решающей.

Анвуайе был невысокого роста, коренастый, с узловатыми суставами и не производил впечатления интеллектуально развитого человека. Он был похож на остальных рыцарей, я не могла в нем найти ничего выдающегося.

– Каким образом я познакомлюсь с ним? Ведь вы же сами прочитали недавно лекцию о том, что дама не может сама знакомиться с мужчиной и уж тем более заводить дружбу…

– Вы не поняли, донна, – перебил Герцог. Он смотрел мне прямо в глаза своим прозрачным взглядом, волосы, развевавшиеся от ветра, падали ему на лоб и брови. – Я вас познакомлю сам и буду рядом, даже отец Джакомо не сможет возразить против этого.

– Тогда я не понимаю, каким образом завоевать его расположение, если вы и познакомите меня, и будете вести беседу…

– Вы должны будете заманить его в ловушку вашей добродетели. Он должен поверить, что вы – донна Анна Висконти, пережившая ужасное происшествие, скорбящая по своей сестре, тоскующая по любимому мужу. Вот и все. Остальное остается за мной. Ну же, донна, упадите в обморок.

– Вы с ума сошли, герцог! – я не могла поверить, что он действительно хочет разыграть эту комедию.

– Падайте, черт вас дери! – зло прошипел он. Я отшатнулась, тихонько вскрикнула и упала ему на руки.

Герцог успел подхватить падающую донну, но у него не хватило сил поднять ее на руки. К счастью, поблизости стоял один из рыцарей, который, увидев, что женщина упала, поспешил помочь сопровождавшему ее мужчине. Подбежав, он взял ее на руки и прошел в каюты. Войдя в одну из комнат, рыцарь увидел там молодую пару, игравшую в шахматы, супруги тут же поднялись и озабоченно подошли к кровати, куда рыцарь осторожно положил молодую даму. Ее подруга сняла с головы донны манишку, и чудесные золотые локоны блестели в свете свечей. Герцог велел Катрин ослабить шнурковку на груди донны, затем побрызгал ее лицо водой из кувшина, стоявшего у изголовья кровати. Рыцарь не мог не смотреть на вырез платья, где так заманчиво блестели капельки воды. Потом Герцог увел его к себе в кабинет, предоставив друзьям донны заботу о ней.

Едва мужчины вышли, я поднялась на кровати и села, ужасно злая на Герцога за его проделку со шнурковкой. Катька удивилась моему быстрому выздоровлению, но когда я ей все рассказала, она не смогла сдержать смех. В итоге все случилось так, как запланировал Герцог: Селир Анвуайе был представлен мне на следующее утро, и уже к вечеру следующего дня он сопровождал меня практически повсюду, и избежать его компании удавалось, только скрывшись в каюте. Он был любезен со мною, но все же казался грубоватым и недалеким человеком. С ним было неинтересно разговаривать, он давил своим «Я», хотя на самом деле ничего особенного, если бы не дружба с королем, из себя не представлял. Я считала часы до приезда в Лимассол, потому что он становился все невыносимее, и приходилось звать отца Джакомо, чтобы хоть как-то усмирить этого ненормального. Он даже не пытался ухаживать, шел к своей цели прямо и нахально и пару раз даже пытался поцеловать меня в коридоре, но я каждый раз ускользала. Герцог, казалось, и не замечал жадных взглядов Селира Анвуайе, которые он бросал на меня за беседой. Мне было велено вести себя очень скромно и очень благонравно и страдать каждую минуту. И я страдала. Но страдала не из-за потери Клементины и разлуки с «любимым мужем», а из-за этого ужасного взгляда зверя, приготовившегося к прыжку. Я одевалась как можно скромнее, старалась не улыбаться, не смотреть на него, но Селир Анвуайе, слушая историю моих бедствий, которая в устах Герцога звучала особенно трогательно, не сводил с меня глаз. Даже Катя была возмущена этой необыкновенной несдержанностью и наглостью, а Вадик взял за привычку провожать меня до спальни после вечерней прогулки по палубе, лишая тем самым Анвуайе возможности напасть на меня с поцелуями.

Эта осада длилась до самого нашего прибытия в Лимассол, я боялась лишний раз высунуться в коридор, чтобы перебежать в каюту Вадика поболтать с друзьями без Николетты. Поэтому мы всегда договаривались о встрече, и они заходили за мной.

Мы как раз проделывали такой финт, когда, проходя мимо каюты Герцога, я знаком остановила своих друзей, и мы прислушались к разговору за дверью. Герцог, как и тогда, когда я впервые подслушала его, разговаривал с кем-то на немецком, и мы озадаченно переглянулись: на корабле он ни с кем не водил дружбу, кроме Анвуайе, конечно, но этот безумец на немецком не говорил. Мы стояли, затаив дыхание, и пытались понять по отдельным словам смысл разговора. До нас долетали имена: «донна Анна», «Катрин», «Вильям» – речь определенно шла о нас. И тут – а может, мне это почудилось? – до меня долетело имя «Ольга», оно произвучало внезапно, и я уже хотела попробовать подсмотреть, но Вадик опередил меня и, смело повернув ручку двери, вошел в каюту. Вслед за ним вошли и мы с Катей. Герцог стоял около кресла, повернутого к нам спинкой, облокотившись на него правой рукой и поигрывая тростью в левой. Он, казалось, ждал нас и улыбался, разглядывая наши встревоженные и любопытные лица. Мы оглядели комнату: она была пуста.

– Итак, – сказал Герцог, словно разговаривая сам с собой, – я оказался прав, и мои любопытные друзья подслушивали за дверью, – предупредив наши протесты и оправдания, он продолжил: – Вы очень разочаровываете меня своим недоверием и подозрительностью, а ваше

вторжение в каюту и вовсе представляется отсутствием всякой воспитанности. И чему я только учили вас все это время?

Он тяжело вздохнул.

– Нам показалось, что вы разговариваете с кем-то о нас, – попыталась оправдаться Катя. – Нам стало подозрительно, и мы лишь хотели убедиться…

– Мы ведь строим отношения на полном доверии, не так ли? Помните, в самом начале мы договорились, что вы доверяете мне, а я доверяю вам, вы исполняете строго все мои указания, а я возвращаю вас в Москву XXI века. Почему вдруг такое недоверие? Может, у меня привычка говорить с самим собой наедине?

Но Герцог лишь казался разгневанным и сердитым. В глубине его ничего не выражавших голубых глаз плескались лукавство и смех.

– Вы ведь вовсе не сердитесь на нас? – спросила я несмело, и мои друзья удивленно на меня уставились.

– В самом деле? – нахмурил он брови, и его глаза еще больше заискрились, но теперь я не была уверена, что там блестел смех, а не сарказм. – Вы так уверены, донна? Должен вам сказать, что вы разочаровали меня больше всех. Вы бы предпочли подслушать и подсмотреть, в то время как Вильям решил сыграть в открытую. Сколько еще раз вы стояли под моей дверью, пытаясь разобрать смысл разговора?

Я онемела, не понимая, как он мог узнать, что я не в первый раз слышала его разговоры, и уж тем более то, что я хотела подсмотреть, с кем он общается. Невольно начинаешь сомневаться, психолог ли он, как утверждает Вадик, или сам дьявол во плоти, как подозревает Катя.

– Ну, мы тогда пойдем, пожалуй? – тихонько поинтересовался Вадик.

– Да нет уж, – раздался голос из отвернутого от нас кресла, возле которого стоял Герцог, – тогда вам лучше остаться, чтобы раз и навсегда избавиться от подозрений.

Мы втроем машинально отступили назад от неожиданности. Из кресла поднялся человек, поразительно похожий на Герцога и вместе с тем разительно от него отличный. То есть все в них: рост, фигура, лицо – было идентичным, но волосы второго были светлыми, густыми, более короткими, уложенными в аккуратные кудри, а лицо, то ли благодаря тому, что волосы были светлыми, то ли просто потому, что этот человек был младше Герцога, казалось моложе. Морщины не были такими глубокими, а выражение лица не таким уставшим. Напротив, он был моложав, его губы улыбались, а не кривились в улыбке, а в темно-карих глазах так и светилась честность. Этот тип вызвал бы у меня симпатию, но в тот момент неожиданность его появления, поразительное сходство с Герцогом и, главное, насмешливая презрительность на лице нашего спутника, следившего за нашей реакцией, испугала нас.

– Зря ты им показался, – бросил ему Герцог, созерцая наш испуг, смешанный со ступором и недоумением. – Посмотри, как напугал. Они же, бедненькие, до второго пришествия не отойдут.

И он рассмеялся своей удачной шутке в одиночестве, поскольку второй, мило улыбаясь, шагнул навстречу к нам и протянул мне руку:

– Вы, как я понимаю, Ольга? Очень рад, наконец, встретиться с вами. Я – герцог д'Эсте.

– Как, и вы тоже герцог? – вырвалось у меня против воли.

Незнакомец с укором посмотрел на Герцога.

– Ты что же, не предупредил их о моем появлении?

– Я не предупредил их о твоем существовании, – поправил его Герцог. – Хотел увидеть еще раз эти удивленные лица, как тогда, в гостиной дома Висконти.

И он снова засмеялся, и опять один. Его двойник укоризненно посмотрел на него.

– Ну, хорошо, – сказал Герцог, прекратив свой смех, – перед тобой Ольга, Вадик и Катя. А он, – и Герцог показал нам на двойника, – мой брат, тоже Герцог, тоже д'Эсте, но только Август д'Эсте, мой брат-близнец.

– И вы оба – дяди донны Анны? – спросила Катя.

– Да. И мы оба хотим, чтобы восторжествовала справедливость.

– А где же вы были раньше, герцог д'Эсте? – продолжала расспрашивать Катя, видимо, решив разом прояснить обстановку.

– У моего брата большая голубятня, много дел, поэтому он должен был позже присоединиться к нашему путешествию.

– Да, голуби – это моя слабость, – подтвердил Август д'Эсте, – я не мог бросить дела так скоро, как брат.

– А когда же вы присоединились к нам? Почему Герцог ничего не сказал? – не успокаивалась Катя.

– Я должен был нагнать вас во время стоянки на греческих островах, но прибыл в Мессину в тот же день, когда вы подплывали к Сицилии. Пока вы проходили через Мессинский пролив, я взошел на корабль. Правда, без особого шума…

– Мой брат не хотел афишировать факт своего пребывания на корабле до нашего прибытия в Лимассол. Ну, довольны? – два брата-близнеца, разительно отличающиеся друг от друга, стояли перед нами. Мы уже перестали что-либо понимать в играх Герцога, поэтому если бы в следующий момент брат его исчез, мы бы никак на это не отреагировали.

Август д'Эсте был еще более странным, чем Герцог: более молчаливый, склонный к созерцанию и наблюдению, он мало участвовал в беседах, предоставляя своему брату право говорить от его имени. Но он вызывал симпатию и добрые чувства по отношению к себе, ничего для этого не делая. В его темных глазах светилось участие и любовь ко всем вокруг, он был мягок, редко спорил, практически никогда не заставлял нас что-то делать, во всем полагаясь на активность своего брата, энергия в котором кипела постоянно. С его появлением Герцог перестал скрытничать и укрываться от нас в каюте, как это бывало в первые дни путешествия, теперь в нем бурлила деятельность организатора. Он заправлял всем, не спрашивая на то мнения Августа, и когда мы выразили удивление по этому поводу, сказал, что его брат младше и поэтому не является наследником герцогства. Но по братской любви Герцог разрешает ему носить титул, хотя из частной собственности у него, пожалуй, есть только голубятня. Август смиленно выслушал это откровение, не возразив даже жестом, только улыбаясь уголками губ. Его почему-то хотелось звать на «ты», он разрешал обращаться к нему по имени. Очень скоро я и Вадик смирились с его появлением, а Катя еще долго ворчала:

– Отлично, вместо одного ненормального теперь их двое, и никто не знает, чем закончится это дело. Мы путешествуем во времени с двумя психами, которые сами не знают, что будет дальше. Да еще заставили меня быть женой этого грязнули, – Катя прибиралась в номере, собирая кожуру от фруктов, съеденных Вадиком со своей кровати и столика. В плавании мы отвыкали от постоянного внимания служ, поскольку Николетта часто чувствовала себя плохо и не могла уследить за порядком в каютах.

– Ну, тебя же никто не заставляет спать с ним, – заметила я.

– Не заставляет?! – воскликнула Катя. – Да меня сегодня отец Джакомо ласково наставлял, что как послушная жена я обязана спать с мужем, исполнять свой долг – представляешь, этот урод на исповеди сказал, что я ему часто отказываю!

Я засмеялась. У Кати было такое негодящее выражение лица, она была страшно обижена, а я на миг представила ухмыляющееся лицо своего однокурсника на исповеди, рассказывающего святому и наивному отцу Джакомо о трудностях в личной жизни. Катя потом еще долго на меня дулась за этот смех, и мне с трудом удалось загладить свою вину, отчитав Вадика за донос.

Наконец на горизонте темной неровной полосой появился берег Кипра. Для меня это был день страха: я боялась представить, что меня ждет на этом острове, и вместе с тем – облегче-

ния, поскольку Анвуайе серьезно достал меня своими грубыми ухаживаниями. Молчаливому Августу не понравилось чрезмерное внимание Селира ко мне, временно исполняющей обязанности донны Анны.

– Донна Анна была так холодна с ухажерами, что они либо отступали, не надеясь на взаимность, либо осаждали ее, полагаясь на то, что их упорство сломит неприступность, – сказал Август, в очередной раз уводя меня от Анвуайе и наблюдая за увеличением острова на горизонте.

– Вы не представляете, Август, как иногда хочется послать этого Анвуайе, ввести его в ступор десятком бранных словечек и жестами доказать ему, что он меня достал и… ох, когда все закончится, я ему на прощание что-нибудь устрою!

– Вам трудно держать себя в руках, – заметил Август, улыбаясь. – Вы горячи, как южанка.

– Просто не представляю, как донна Анна сдерживала себя! Иногда мужчины этого времени доводят меня до белого каления!

– Она умела владеть собой. Порой это играло не в ее пользу, она слыла холодной женщиной, и мало кто догадывался, какие страсти кипят под этой невозмутимой скромностью. Но она воспитала в себе сдержанность скорее из бунтарства. Она любила бросать вызов самой себе.

– Вы хорошо знали донну Анну? – спросила я его.

– Лучше, чем кто-либо. Она была удивительно чистым созданием, и тем более возмутительным кажется то, как поступил с ней муж. Пойдемте, – сказал он, беря меня под руку, – к острову мы причалим только к вечеру, а Герцог хочет дать вам еще несколько ценных указаний.

– К вечеру? – не поверила я. – Да он же так близко!

Но корабль действительно вошел в порт только к вечеру. Мы смотрели на берег, пытаясь разгадать в его очертаниях, что нас ждет.

– А подзорной трубы у вас не найдется, Герцог? – спросил Вадик, устав напрягать глаза.

– Простите, друг мой, но монах Роджер¹ еще только придумывает линзы, – невозмутимо ответил ему Герцог. Катя засмеялась.

Матросы сутились, передавая друг другу команды капитана хриплыми криками. Слышалась возня рыцарей и слуг позади нас: они готовились сойти на берег.

– Переночуем в Лимассоле, наутро отправимся в Никозию. Нужно будет прибыть туда раньше или одновременно с остальными, иначе появление донны Анны может и не стать грандиозным сюрпризом для Висконти.

Август и Вельф д'Эсте переглянулись, словно еще раз убеждаясь в обоюдной решимости продолжать маскарад. Они-то, может, и были уверены, а вот я… я-то знала, что на меня ляжет самое тяжелое: 24 часа постоянной игры, импровизации, уверток, лжи. Ну да ладно, осталось еще немного, и я буду дома…

– Знаете, что самое забавное? – вдруг спросила я. – То, что Артур все это время спокойно спит на диване и не подозревает, где мы и что переживаем.

– Да! – засмеялась Катя. – Повезло ему! А вдруг он нас во сне видит?

– Ну, это вряд ли, – сказал Вадик, разглядывая свой щит, – он никогда не поверит, если мы ему расскажем, я сам не верю, что я здесь. Все это настолько необычно!

– Зато я верю! Всякий раз комнату убираю и верю, что ты опускаешься до уровня этих громил в жестяных доспехах, разбрасываешь вещи, объедки и не думаешь, что за тобой некому убирать! – наконец нашла возможность возмутиться Катя.

– Ты прям как моя мама: «Уберись в комнате, уберись в комнате!» Да ну вас! Вот эти времена – вот это я понимаю – ни уборки, ни проблем. Никому не придет в голову заставлять рыцаря убираться, потому что для этого есть слуги.

¹ Роджер Бэкон (1214–1292) сформулировал новую теорию действия увеличительных стекл, преломления лучей, перспективы и т. д. Благодаря его разработкам позднее была изобретена подзорная труба.

– Ну, начнем с того, что рыцарями не рождаются, ими становятся, – заметил Август. – Своих сыновей отцы отсылают к знакомым рыцарям на учебу. Сначала мальчик служит у рыцаря пажом и убирается у него в комнатах, прислуживает за едой, даже выносит ночные горшки и служит посыльным. Заодно он наблюдает за своим хозяином, за людьми, которые к нему приходят, учится говорить так же, как они, перенимает их манеры. Если рыцарь доволен службой своего пажа, то он делает его оруженосцем. Оруженосец начинает обучаться военному делу, сопровождает рыцаря в походах, у него появляется свой собственный меч. И только потом, если рыцарь убежден, что его оруженосец станет в будущем достойным воином, оруженосец проходит ритуал посвящения в рыцари и отныне считается полноценным воином. Вот так, Уилфрид. Вы пока что не рыцарь, не сэр, а лишь человек со знатной фамилией.

– Было бы неплохо заставить тебя выносить ночной горшок, – мечтательно сказала Катя.

– Если только опрокинуть его содержимое на тебя, – расстроено ответил Вадик. Подобное нравоучение пришлось ему не по вкусу, он с надеждой посмотрел на Герцога, ожидая, что тот хоть как-то заступится за него, но Герцог промолчал. Мы все снова обратили свое внимание на берег Кипра.

На берегу звучала музыка, горели огни, в опускающихся сумерках все выглядело очень романтично и красиво. Вместе с нами в порт прибывало еще два корабля.

Народ на берегу волновался и шумел. Сверкающая огнями процессия двинулась навстречу лодкам, прибывающим к порту от другого судна.

– Да-а, встречают явно не нас, – разочарованно сказал Вадик, сразу потерявший к толпе интерес.

– Для нас это даже лучше, – заметил Герцог. – Нас не заметят.

В доме, где наша компания остановилась на ночь, мы с Катей впервые за время путешествия помылись. Вообще это мука мыть голову, стоя в дурацких кадках, поливаясь из кувшинов, но еще хуже отсутствие элементарной косметики, к которой мы так привыкли. Шампуни, бальзамы, душистые гели для душа – их очень не хватало. После мыла волосы были жесткими и непослушными, расчесать их было невозможно, кожа становилась сухой – хоть плачь! Кате еще было легко – у нее волосы прямые, а вот я наутро после мытья головы походила на одуванчик: кудрявые волосы торчали и пушились, доводя меня до истерики. Мы жаловались и плакали о своих волосах все утро, пока завтракали с нашими спутниками на свежем воздухе, сидя в большой открытой галерее каменного дома. Оливы и апельсиновые деревья в саду так и манили прогуляться в своей тени, и после завтрака, пока грузили наши вещи, мы с Катей прошлись босиком по траве. На острове было даже теплее, чем в Неаполе, на нас были надеты более легкие платья и неизменные манишки, которые в тот день были очень даже кстати, так как прикрывали художественный беспорядок на Катиной и прическу а-ля воронье гнездо на моей голове. Пока мы гуляли под деревьями, подошел Август. Здесь же, поставив высокий деревянный саквояж на каменный выступ в побеленной ограде, он пригласил нас осмотреть его содержимое: внутри рядами были выстроены глиняные и стеклянные сосуды разной величины.

– Думаю, что вам пригодится кое-что из этого, – сказал он, вытаскивая первый сосуд и открывая плотную крышку. Мы наклонились и понюхали: о, божественный аромат шампуня!!!

– Где вы достали это сокровище? – не веря своим глазам, спросила я.

– Это лишь начало ароматной эпохи в Европе, – улыбаясь, ответил Август, – но вы можете смело мыть этим волосы, здесь есть разные масла для кожи, кремы, а также лекарства, – он нажал на рычажок, и из саквояжа выдвинулось второе дно. Здесь, разложенные по многочисленным нишам, упакованные в холщовые мешочки с надписями, лежали травы. Пока Август демонстрировал содержимое ящика, я заметила на его руке перстень: точь-в-точь такой же, как у Герцога, только с холодным голубым камнем вместо темного.

– Возможно, вы не знаете применения многим из этих трав, но я постарался собрать здесь только то, что есть и в вашей стране. Если почувствуете себя плохо, то лучше не вызывать врача, их средневековые методы могут удивить или испугать, а воспользоваться этими средствами. Я постарался написать краткую инструкцию, – он вытащил из кармана несколько листков, сложенных пополам, и положил их к травам.

– Думаю, это напрасное беспокойство, Август, – сказала я, – ведь очень скоро мы уедем отсюда.

– Но пока вы здесь, лучше держите его у себя, – закрывая саквояж и протягивая его Кате, сказал Август. – И еще кое-что, – он нагнулся и вытащил из своих высоких сапог по кинжалу. – Надеюсь, что вам они никогда не пригодятся, но, учитывая то, что мы будем иметь дело с убийцей, стоит подумать о самообороне.

Этот презент насторожил нас, я еще раз пожалела о том, что согласилась на эту авантюру. Взяв из руки Августа предложенный кинжал в ножнах, я обнажила его и долго наблюдала за холодным блеском металла, отражающим солнечные лучи.

– Самооборона? – спросила Катя, беря в руки свое оружие. – Но я думала, что вы будете рядом с нами, пока его вину не докажут.

– Это так, но ведь вы сами понимаете, 24 часа в сутки мы с вами быть не можем. Так и мне, и вам будет спокойнее.

Я посмотрела, шурясь от солнца, чьи лучи пробивались сквозь ветви апельсиновых деревьев, на Августа. Насколько моложе он казался, насколько светлее... Возможно, дело было не только в цвете волос, но и в том, что он всегда одевался в светлые одежды, избегая темных, как у Герцога, тонов. Как-то раз Катя спросила, почему он одевается не так мрачно, как брат. Август, улыбнувшись, ответил, что это для того, чтобы их не путали. Но спутать было бы невозможно: еще нигде не видела я таких похожих и одновременно таких разных близнецов. Эта разница была видна даже в походке: Герцог ступал уверенно, твердо, энергично, все время торопясь по делам, постоянно устремленный к какой-то цели, а Август шагал размеренно, мягко, рассеянно, никуда не направляясь, прогуливаясь по жизни, как по палубе корабля. Мне казалось, что их мало что связывает: Герцог наверняка был занят делами с утра до вечера, а Август заботился о своей голубятне. Только действительно серьезное дело смогло объединить их и заставить отложить повседневные хлопоты.

Глава 7

Во дворце Никозии царила праздничная суета: с минуты на минуту ожидался приезд графа Альфонса Пуатьерского, брата Людовика IX. Кипр стал для крестоносцев пунктом встречи, здесь король ждал всех, кто пожелал примкнуть к армии Креста, прежде чем обрушиться на Египет. Остров был идеальным местом для сборов и к тому же последним христианским пристанищем – дальше простирались земли, захваченные мусульманами. Король Кипрский уговорил Людовика остаться здесь на зиму, чтобы все рыцари могли успеть собраться к началу похода, сам он тоже принял вместе со своими прелатами и знатными владетелями острова крест и пообещал королю примкнуть к его святому предприятию, если армия Креста отложит свой отъезд до весны. Людовик согласился, но очень скоро пожалел об этом: прелест климата и продолжительная праздность породили нравственную испорченность и ослабление дисциплины в армии крестоносцев, а невоздержанность и жара привели к болезням многих пилигримов. Многие знатные феодалы начали роптать на то, что продали свои земли и разорились, чтобы последовать за королем в крестовый поход; щедрых подарков Людовика было недостаточно, чтобы успокоить эти жалобы.

И все же пребывание короля Французского на острове не было бесполезным для христиан на Востоке. Он примирил множество враждующих группировок того времени, прежде всего тамплиеров и иоаннитов.

Глава ордена тамплиеров Гийом де Соннак был личностью темной и не до конца понятной не только королю Людовику, но и самому Папе. О магистре де Соннаке на Востоке ходили весьма противоречивые слухи. Говорили, что новый магистр тайно поддерживал отношения если не с султаном, то по крайней мере с его эмирами; в этом он следовал обычаям ордена Храма со временем Робера де Красна. Воспользовавшись длительным пребыванием Людовика на Кипре, глава тамплиеров попытался наладить отношения некоторых из эмиров с французским королем, возможно, чтобы начать переговоры или организовать нужную диверсию в мусульманском лагере. Вместо того, чтобы воспользоваться переговорами и привлечь на свою сторону оружие и людей, Людовик резко отверг предложение магистра. Он горячо порицал Гийома де Соннака и запретил ему без разрешения принимать турецких посланников.

«Ибо невозможно представить, чтобы король, отправившийся на войну с неверными, вошел в союз с мусульманами», – сказал Людовик. Многие из рыцарей и священников поддержали решение короля, подозревая магистра в том, что тот заключил договор с неприятелем. Злые языки шептали, что магистр ордена Храма и султан Египта заключили столь добрый мир, что оба велели отворить себе в чашу кровь. Иоанниты, прежде враждовавшие с тамплиерами, решили усугубить ситуацию, начались ссоры между двумя орденами, и королю пришлось призвать в помощь всю свою мудрость и терпение, чтобы помирить враждующие стороны, поскольку разлад в духовных орденах означал разлад среди воинов. В свете предстоящего похода подобное разрешение конфликта оказалось весьма кстати. Он заставил иоаннитов и тамплиеров поклясться в том, что они примирятся между собою и не будут иметь других врагов, кроме врагов Иисуса Христа.

Горячие генуэзцы и вспыльчивые пизанцы также постоянно и яростно препирались между собою; обе стороны готовы были решить свой спор оружием, и ничто не могло остановить позора междуусобной войны в христианском городе. Мудрое посредничество Людовика восстановило между ними мир. Было улажено много других неурядиц. Французский монарх являлся для всех кем-то вроде ангела согласия. Предсказания, распространявшиеся даже до Персии, возвещали, что один франкский государь в скором времени освободит Азию от неверных.

Всю ночь в Лимассол прибывали корабли, и вереницы рыцарей, с лошадьми и вещами, устремлялись в Никозию и соседние города, чтобы там расположиться на зиму. Стоял декабрь, отправление планировалось не раньше, чем через два месяца.

Король, отстояв службу, вернулся из храма в благом расположении духа. Его жена, королева Маргарита, в сопровождении своих дам пересекла сад. Впереди, кривляясь и кувыркаясь, бежали карлики и шуты, их веселые шутки и фокусы вызывали смех у женщин, а звон от колокольчиков, нашитых на их яркие одежды, разносился по саду. Завидев короля, дамы поприветствовали его, он же, поклонившись в ответ, проследовал в зал, где его ждала группа шампанских рыцарей, прибывшая накануне. Среди них был Жан де Жуанвиль, который собрал под своим знаменем двенадцать рыцарей, взяв их на содержание, не имея достаточно доходов. К тому времени, как они прибыли в Никозию, у него и вовсе не оставалось денег, чтобы оплатить их службу и проживание, и Жан находился в растерянности. Рыцари уже предупредили его, что если он не добудет денег, они его покинут, и в тот день Жан был в полном отчаяния, о котором, впрочем, он никому и словом не обмолвился, когда со своей командой был представлен королю.

— Сир Жуанвиль, — сказал король, когда ему представили Жана, — я хочу просить вас об услуге, которую, надеюсь, вы сочтете возможной мне оказать.

— Я к вашим услугам, сир, — ответил Жан. Он не представлял в тот момент, чем может пригодиться королю, с которым не был знаком.

— Я прошу вас стать моим сенешалем и поступить ко мне на службу, — ответил король.

Жан де Жуанвиль встрепенулся и всмотрелся внимательнее в лицо короля. Возможно ли было, чтобы он как-то узнал о том, что Жан нуждается в деньгах? Или этот король действительно оправдывает те многочисленные легенды, что о нем ходят, и в самом деле обладает даром провидца?

— Я буду счастлив служить вам, сир, — сказал Жуанвиль, воспряv духом, — но, боюсь, что вы не знаете, кого берете.

— Я знаю о вас достаточно, чтобы доверять вам. Вы можете считаться у меня на службе с этого момента, — и король велел выдать опешившему Жуанвиллю 800 ливров.

«Боже милостивый, да ведь это даже больше, чем мне нужно. Воистину благое путешествие, воистину под покровительством Христа, иначе как объяснить то, что Ты так милостив даже ко мне?» — Жуанвиль даже и представить себе не мог в тот момент, что в его жизни удивительное только начинается и что эти 800 ливров даруют ему место не только возле великого короля, но и становятся залогом, обеспечивающим ему место в истории².

Ожидание в то утро прибытия графа Пуатьерского совершенно невероятным образом напоминало Людовику день коронации. Перед его мысленным взором вновь и вновь проносились картины того памятного дня, страх и неуверенность, одолевавшие его, поддержка матери, забота придворных. Выйдя из залы после разговора с рыцарями, он пошел в сад, но не туда, где слышался смех женщин и звуки музыки, а в беседку, где было тихо и можно было спокойно дать волю воспоминаниям. Раз уж они постоянно преследовали его, надо выпустить их и дать возможность прозвучать в ушах и промелькнуть перед глазами.

Когда мальчику было только 12 лет, внезапная смерть отца лишила его беззаботного детства и заставила повзросльеть.

Людовик с раннего возраста отличался глубокой религиозностью и чувством ответственности перед Богом и людьми. Сказывалось суровое воспитание любящей матери, Бланки

² Жан Жуанвиль станет хронистом седьмого крестового похода. Именно благодаря его записям до нас дошли подробности тех далеких событий.

Кастильской. Он усвоил с детства, что на короля возложен долг быть посредником между Богом и людьми, он представляет свою страну и решает судьбы тысяч людей.

Мать не боялась возложить на мальчика бремя ответственности, хотя он мгновенно становился для Франции всем – воином, дипломатом, первым лицом государства… В тот момент Франция ассоциировалась у многих с белокурым худеньким подростком, немного неуверенным в себе, но неизменно серьезным.

Мальчик-король был венчан на царство в огромном соборе при великом скоплении народа. Он плохо спал всю ночь, рисуя в воображении предстоящий день, сердце его билось, и, хотя Людовик горячо помолился Богу перед сном, прося о мудрости и справедливости в будущем правлении, он в течение всей ночи то и дело возбужденно вскакивал с постели и, опустившись на колени, горячо шептал молитвы, надеясь, что они усмирят его тревогу и страх.

Было действительно страшно входить в собор: сердце замирало и к горлу подкатывал ком, который было больно глотать. Мальчик медленной, но твердой походкой прошел по красной дорожке, смотря только на распятие на алтаре – по сторонам смотреть не хватало смелости.

На него надели большие золотые шпоры и опоясали широким ремнем с длинным тяжелым мечом, на плечи лег плащ пронзительно-синего цвета с вышитыми на нем золотыми лилиями. Специально назначенный для этого барон подоткнул края плаща, а архиепископ надел ему на палец большое кольцо. Тяжелой ношей для ребенка оказалась слишком большая и неудобная корона, которую архиепископ надел ему на голову. Она сильно легла на уши, и он не мог поправить ее, потому что в руки вложили тяжелый скипетр и жезл правосудия. Его плечи оттягивали плащ, руки – скипетр и жезл, голову терзал железный обруч короны. Подобные испытания в юности либо придают силы, либо ломают навсегда.

Как и бывает в такое время, поднялись мятежи по всей Франции, чтобы, воспользовавшись случаем, лишить молодого принца власти и устраниТЬ королеву-инострانку. Юный король обнаружил твердость духа и силу воли. При деятельном участии королевы-матери он выполнял королевский долг последовательно и достойно. Захватив регентство, Бланка взялась искусно и твердо управлять королевством, так что быстро усмирила всех мятежников. Кроме того, королеве достались две незаконченные войны: с англичанами на западе и с графом Тулусским на юге. Обе они были успешно завершены.

Худенький хрупкий мальчик с бледным лицом превратился со временем в высокого, отлично сложенного, сильного и физически развитого мужчину с симпатичным и открытым лицом, живым взором, вдумчиво всматривающегося в каждого собеседника. Белокурый, удивительно приятный и обаятельный, он обладал одновременно и «ангельским», и «рыцарским» обликом.

Сейчас Людовику шел тридцать пятый год, и самые тяжелые испытания, предназначенные ему судьбой, еще были впереди. Его жизнь никогда не была безмятежной, его всегда преследовали трудности, но он встречал их с благородным спокойствием и не страшился их, потому что во всем уповал только на Бога. Он был очень религиозен, именно глубокая вера придала ему сил после тяжелой болезни организовать крестовый поход. Седьмой крестовый поход был пока еще единственным случаем в истории, когда его организовывал монарх, не прельщеный богатством восточных земель, а действительно устремленный к духовной цели, движимый страстной верой в Бога и желанием помочь братьям-христианам на Востоке.

– Сир, – робко приблизившись к своему королю, сказал слуга, – вас ждут. Граф Пуатьерский прибыл.

Король открыл глаза. Кругом царила безмятежность, пахло цветами, ветер ласково оеввал беседку, и Людовик легко поднялся со скамьи, устремляясь на встречу с братом. Альфонс, граф Пуатьерский, третий брат короля, должен был прибыть во главе флота. Его встречали все, кто уже был здесь, в том числе и остальные братья.

Граф Роберт Артуасский возвышался над всеми, стоя по правую руку от короля. Это был сильный, мощный человек, с широкими плечами и надменным взглядом. Он презирал всех, кто был ниже его, а выше не было никого. Пристальный, колючий взгляд его глубоко посаженных глаз рассматривал всех вокруг, словно желал обнаружить врага. Он был бесстрашным воином, жестоким и не знающим пощады. Его черные волосы были зачесаны назад и собраны в хвост, короткая борода точно очерчивала широкие скулы и квадратный подбородок. Он был совсем не похож ни на одного из своих братьев, и это еще больше отчуждало его от них. Он презирал веселые яркие цвета, но темно-синие ткани его на первый взгляд скромных одежд всегда были неизменно дорогими.

Карл Анжуйский стоял слева от Людовика, окруженный рыцарями из своей свиты. Он был моложе короля, на вид ему можно было дать лет двадцать шесть, он был худым, с расстрапанной бородкой и такими же непослушными, растрепанными и выбивающимися из-под малинового берета волосами. Худоба Карла бросалась в глаза постоянно: костлявые пальцы с большими шишками, тонкие ноги, впалые щеки – как бы он ни повернулся, какую бы позу ни принял, он неизменно выглядел очень худым. Он напоминал Иисуса Христа – настолько благородно-изнеможденным был его облик.

Фанфары возвестили о входе графа Пуатьерского в замок, приветственные крики доносились из коридоров в зал, граф шествовал со своей свитой навстречу королю и братьям, держась в меру почтительно и в меру равнодушно. Это был высокий, безбородый блондин, значительно больше похожий на короля, чем другие братья. Граф Пуатьерский был, пожалуй, еще большим воякой, чем Роберт, но старался, чтобы это не бросалось в глаза. Единственное, что выдавало его, был меч, который он всегда носил у пояса. Если бы не меч, невозможно было бы поверить, что этот человек возглавлял несколько лет борьбу с катарами на юге. И что он стоял за ужасной резней, которая явилась итогом страшной многолетней войны французов с французами во имя веры.

Зал заполнялся прибывшими вместе с Альфонсом рыцарями, богослужителями и дамами. Вскоре он был забит до отказа, те, кто не успел попасть внутрь, толпились в коридоре. Альфонс подробно изложил королю ситуацию во Франции, сообщив и о том, что умер граф Тулузский, предводитель катаров, и теперь Лангедок принадлежит его дочери, Жанне Пуатьерской, жене Альфонса, а соответственно, и французской короне. Короля эта весть обрадовала, а на лице Жанны, что встречала супруга вместе с остальными, невозможно было прочитать, что она чувствует в связи со смертью отца. Мужа своего она не любила, и злые языки поговаривали, что она не подпускала его к себе, поэтому у них, несмотря на продолжительный брак, не было детей. Затем Альфонс рассказал о тех, кто прибыл с ним, и как прошло их путешествие на Восток.

– А что слышно о Сицилии и Неаполе? – спросил брата Карл.

И Альфонс ответил, что из Неаполя он привез весть, которая обрадует одного из рыцарей в свите Карла. Но он не пожелал раскрыть сути весточки, сказав, что она больше уместна за праздничным столом, нежели на официальном приеме. Решено было не медлить с обедом.

Глава 8

— Так что же за радостную весть вы привезли, граф? — спросил Карл Анжуйский. Он указал рукой в перстнях на свою свиту и спросил, глядя на брата, для кого из его рыцарей предназначена эта новость.

— Не спешите, брат мой, — откидываясь в кресле и самодовольно улыбаясь, ответил Альфонс. — Сначала я выпью вина за здоровье всех супруг ваших рыцарей, — и, подняв свой бокал, он поприветствовал им рыцарей Карла.

— Думаю, что ты не знаешь, Альфонс, о страшной трагедии, которая постигла одного из моих друзей, что служит у меня. Твоя приветственная речь лишь усугубит его страдание. Незадолго до отъезда его жена вместе с сестрой пропала в лесу недалеко от Неаполя, скорее всего, став жертвой разбойников.

Альфонс, казалось, не слушал брата, цедя вино и разглядывая рыцарей Карла. Наконец его взгляд остановился на сумрачном лице одного из них. Мужчина невысокого роста, широкоплечий, с мускулистыми руками, смотрел на него из-под густых черных бровей. Его лоб был низким, на него падали тонкие черные кудряшки. Глаза были большими, миндалевидными, очень красивыми. Нос приплюснутый, маленький, губы тонкие и бесцветные. Весь он производил впечатление широкого и мощного силача, готового к атаке и сражению. В отличие от остальных, он был одет в черные одежды с нашитыми на спине и груди красными крестами.

— Дон Висконти, не правда ли? — спросил Альфонс, глядя на него. — Это вы потеряли жену?

— Да, сир, — глухо ответил Николо Висконти, поднимая голову, — моя жена, к великому сожалению и скорби, погибла.

Голос его дрогнул, и он умолк.

— А ведь счастливая новость, которую я привез, предназначается именно вам, дон Висконти, — Альфонс поднялся и, подойдя к толпе придворных и рыцарей, вывел оттуда женщину, при виде которой Николо Висконти почувствовал, как леденящий ужас охватывает его.

— Ваша жена жива!

Висконти не мог двинуться с места, беспомощно глядя, как к нему через всю залу движется призрак жены. Она была одета в незнакомое синее платье, на голове была белая манишка, но ее лицо он узнал бы из сотни похожих лиц. Округлое, с высоким лбом, тонкими бровями, светлыми глазами с длинными ресницами, маленьким, соблазнительным ртом. Ямочка на щеке от улыбки и то же божественное величие в движениях, что всегда завораживало публику. И сейчас весь зал замер, глядя на донну Анну, идущую под руку с Альфонсом. Она смотрела на мужа с укором и улыбалась, словно не понимая, почему он не рад ей.

В толпе придворных Герцог благодарно кивнул Анвуайе: это он познакомил донну Анну и графа Пуатьерского тем утром в дороге, и это знакомство обеспечило донне столь эффектное появление на публике.

— Это не моя жена! — в отчаянии крикнул дон Висконти, испугавшись, что она подойдет к нему близко. Донна Анна вздрогнула и остановилась. Все смотрели сейчас на них, замерев в ожидании.

— Это не моя жена! — повторил дон Висконти, с надеждой глядя на Карла Анжуйского.

— Но, дон Висконти, мне кажется, что это и есть донна Анна, — негромко, пытаясь успокоить его, сказал Карл.

— Вы поступаете крайне вызывающе, дон Висконти, — заметил Альфонс Пуатьерский, оставляя руку донны и подходя к Николо. Он ожидал вовсе не такой реакции, полагая, что счастливое возвращение женщины добавит обеду привкус праздника.

— Говорю вам, это не она! Моя жена умерла! Как жестоко шутить со мной такие шутки! Кому как не мне знать, моя она жена или нет!

— Полноте, дон Висконти, — заговорила мягко донна на французском. — Кому как не вам знать, что я ваша жена. Вы немного удивлены, это верно, я не смогла предупредить о своем спасении, но я надеялась обрадовать вас.

— Это ведьма! Она приняла облик моей жены! — выкрикнул Николо и почувствовал, как его горло сдавила невидимая рука. Земля ходила ходуном под ногами, готовая развернуться и проглотить его. Донна была коварным демоном — иного объяснения происходящему он найти не мог.

— Прекратите, дон Висконти! Вы оскорбляете донну Анну, — заявил граф Пуатьерский.

Донна стояла, белая как мел, оскорбленная внезапным отказом мужа признать ее, рокот толпы нарастал, Альфонс Пуатьерский понимал, что сюрприз оборачивается драмой.

— Пусть кто-нибудь подтвердит, что эта женщина — моя жена!!! Кто-то, кто знает ее так же, как я.

— Я готов подтвердить, что это донна Анна, — из толпы монахов вышел одетый в скромную рясу отец Джакомо. — Я ее духовный отец, я знаю ее даже лучше, чем вы.

— Отец Джакомо!!! — Николо был больше, чем удивлен. Пораженный, он отступил назад. Однако вскоре он заставил себя подойти к донне Анне, чтобы разглядеть ее как следует. Женщина смотрела на него, не колеблясь, смотрела открыто и смело. Она была бледна, от волнения кисти сжаты в кулаки, дыхание нервное и частое, но взгляда не отвела, глаз не опустила.

— Да, ты похожа лицом на мою жену, но это еще не доказательство. Посмотрим, какие у тебя волосы! — и он, схватив манишку, сорвал ее с головы донны.

По зале пронесся вздох удивления — ни один мужчина не позволял себе подобного обращения с дамой, послышались возгласы протesta. Но Николо сам уже пожалел об этом: по плечам и спине незнакомки рассыпались золотистым каскадом кудрявые волосы Анны.

— Но это невозможно, — прошептал он, отступая назад и сжимая в руках манишку. В глазах женщины он прочел секундную вспышку превосходства и насмешку, которая уничтожила его. Но почти в то же мгновение она с грустью произнесла:

— Почему невозможно? Я жива, я спаслась, я последовала за своим мужем на Кипр, а он — вот что невозможно — пытается опозорить меня перед всеми, выставляя растрепанной и с непокрытой головой на всеобщее обозрение. За что, Николо, ты так ненавидишь меня? — донна Анна начала свою речь спокойно, но вскоре слезы полились у нее из глаз, и она, закрыв лицо руками, шагнула к подошедшему отцу Джакомо, словно хотела укрыться за ним.

— Как вам не стыдно обращаться так с донной! Она еще не совсем оправилась от пережитого, а вы уже доставляете ей новые страдания, — отец Джакомо с упреком посмотрел на Николо.

Висконти казалось, что он сходит с ума. Женщина удивительно была похожа на его жену, однако он чувствовал и знал, что это не она, — но как доказать это? Он отошел было в сторону и тут же вновь повернулся к донне, загоревшись от смутной надежды.

— Я знаю, как проверить, моя ты жена или нет. На левой руке Анны есть родинки, которые похожи по расположению на созвездие Малой Медведицы, — семь маленьких родинок, расположенных, как звезды на небе.

— Я протестую, — на сцене появился новый персонаж: мужчина в черном бархатном костюме, с лукавым взглядом. Он величественным движением тряхнул головой, чтобы убрать падающие на лоб черные кудри. — Как дядя донны Анны, я решительно против подобного прилюдного издевательства над моей племянницей.

— Кто? — не веря своим ушам, спросил Николо, но, посмотрев внимательней на единственного незнакомца в черном и встретившись с его насмешливым взглядом, внезапно вспом-

нил: – Ах, да… Герцог д'Эсте… И все же я требую доказательств, потому что вы тоже можете заблуждаться по поводу того, кто такая эта женщина. Уверены ли вы, что это и есть Анна Висконти, урожденная д'Эсте? Я сомневаюсь. Ну же, сударыня, покажите ваше созвездие!!! – он был уверен, что поймал женщину на лжи. Она гордо смотрела на него, отстранившись от отца Джакомо, высоко подняв голову, такая же надменная, как и Герцог. Она не боялась его, это он видел ясно, но решил, что если она сейчас начнет выкручиваться и уклоняться от предъявления доказательств, он оторвет рукав.

– Давайте прервемся, – прозвучал голос короля. – Мне кажется, что нужно дать время дону Висконти привыкнуть к тому, что его жена, по которой, мы не сомневаемся, он скорбел, чудесным образом спаслась от разбойников.

Донна Анна повернулась к королю и голосом, в котором прорывалось то и дело сдерживаемое негодование, произнесла:

– Сир, я думаю, что стоит раз и навсегда разрешить все сомнения. Для меня было бы невыносимым, чтобы хоть кто-нибудь в этом зале сомневался в моем истинном происхождении. Я предпочитаю переступить через гордость и достоинство и доказать всем, что я Анна Висконти, урожденная д'Эсте.

– Донна Анна, остановитесь, – Герцог попытался помешать, но уже было поздно, донна Анна расстегнула пуговицы на левом рукаве и обнажила руку по локоть.

– С меня сорвали накидку, теперь вынуждают обнажить руки – что ж, я согласна, смотрите все! Я – донна Анна д'Эсте! И пусть лгуном прослынет тот, кто посмеет отрицать это!!!

Висконти схватил руку донны Анны и грубо потянул жену к себе: семь родинок действительно походили на созвездие Малой Медведицы. Герцог тоже, не веря своим глазам, глянул на руку донны Анны, потом ошарашило посмотрел ей прямо в лицо, но та лишь сдержанно улыбнулась. Николо Висконти ничего не понимал. Родинки были на месте, но повернуты были в другую сторону.

– Ведьма! – тихо сказал он ей. – Как тебе это удалось?

– Довольно, дон Висконти, я долго терпел ваше отвратительное обращение с моей племянницей, но больше не намерен спускать вам это с рук. Отныне я не подпущу вас к донне Анне! Ваше недоверие, по крайней мере, оскорбительно! – Герцог снова взял ситуацию под контроль.

– Донна Анна, – Людовик приподнялся с кресла, устав наблюдать за происходящим. Поворот событий не пришелся ему по вкусу, миролюбие и стремление избежать скандала взяли верх над терпением и интересом к необычным событиям, развернувшимся перед ним. – Я прошу вас, успокойтесь, я уверен, причиной подобного поведения вашего мужа было удивление и внезапность вашего появления. Расскажите нам, как вам удалось спастись?

Донна Анна благодарно улыбнулась королю, Альфонс Пуатьерский подошел к ней вновь и помог сесть на одно из кресел метрах в десяти от короля. Королева и графини подошли ближе, чтобы послушать удивительную историю. Донна была признана отчаянной женщиной, храброй и хранимой провидением, потому что ее спасение было необычным, даже чудесным.

Донна Анна, благодаря теплому приему короля, быстро вошла в круг первых лиц двора, а ее дядя ловко подсуетился, и Карл Анжуйский отдал им под жилье прехорошенский домик, соединенный с соседним домом галереей, под которой был проход на общий двор к конюшням. Соседний дом занимал граф де ла Марш – приближенный короля и один из лучших военных командиров французской армии.

Мы разместились в доме в тот же день, едва вернувшись с королевского обеда. Дом был красивым, с оригинальной планировкой: разделенный на две части застекленной галереей, с арками и колоннами внизу, и казался очень большим. Комнаты были светлыми, просторными и уютными. Очень повезло, что нашелся домик для нашей компании, потому что практичес-

ски все рыцари жили в шатрах, ибо разместить такую большую армию в городе не представлялось возможным. Катя и Вадик, к великому взаимному удовольствию, расположились в разных комнатах по обе стороны от моей, Герцог и Август занимали большую комнату в самом конце коридора. Вообще мы заметили, что эти двое редко расставались друг с другом, как истинные близнецы, черпая друг в друге тепло и внимание. Иногда создавалось впечатление, что, долгое время пребывая друг без друга, они начинали меняться внешне. Их лица казались усталыми, постаревшими, осунувшимися, под глазами ложились тени, но стоило им встретиться, как резкие линии на лицах разглаживались, и они снова были полны энергии.

Я так устала от всего, через что мне пришлось пройти в тот день, что, едва найдя свою комнату, упала на кровать и заснула под возмущенные возгласы Николетты, которая пыталась помочь мне раздеться, но не успела – я уже легла и не желала подниматься. Стоит отдать ей должное: она меня накрыла сверху покрывалом, так что я проспала крепко около часа и, поднявшись, пошла искать остальных, чтобы поделиться впечатлениями о прошедшем дне.

Меня несколько разочаровало появление перед мужем донны Анны. Мне пришлось оправдываться, а не ему, а я, честно говоря, очень надеялась, что он признается в убийстве, едва увидев воскресшую Анну. Думала, плюхнется на колени и поползет к жене, прося пощады и прощения, а случилось все не так.

– Нужно было сделать, как я предлагала: пугать его по ночам привидением донны Анны, сводить с ума, пока он не побежит сам признаваться в убийстве. Что дальше делать? Теперь ждите, пока он соизволит признаться в преступлении. И вообще, может, это не он убил? – досада одолевала меня.

– Мы доведем его до признания, не волнуйся. Он убил, я уверен, – Герцог подошел к Кате, сидевшей рядом со мной в кресле, и отобрал книгу, которую она читала. Катя, не сопротивляясь, позволила ему взглянуть на название. Герцог усмехнулся левым уголком губ и вернул книгу. Катя сердито опустила голову и нарочито серьезно продолжила чтение, хотя я была уверена, что она больше слушала нас. – Сейчас вам важно создать образ донны Анны при дворе короля, добиться большего доверия от всех, кто сейчас доверяет Висконти. Очаруйте всех: Альфонса, Карла, короля, Роберта, если получится… Селир Анвайе уже много сделал для вас, донна, этот дом, в частности, получен благодаря его ходатайству перед Карлом. Но я все же сообщил ему, что вы не намерены принимать посетителей в доме, ограничившись на время компанией своих близких и друзей.

– Как я могу очаровать всех? Я вообще никогда никого не очаровывала, а вы поставили передо мной сразу столько целей!

– Это не так уж сложно, донна Анна.

– Меня зовут Ольга. А донна мертва.

Я поступила жестоко в тот момент, но меня начинало бесить то, что Герцог упорно обращается ко мне, как к донне, даже если мы разговаривали наедине. А то, что он просил сделать, и вовсе было невозможно. Мне казалось, надо обладать какой-то особенностью, тонкой и неуловимой: движением, взглядом, словом, которые притягивает внимание. Вот Катя, например, по сравнению со мной пользуется большим вниманием у ребят, взять хотя бы Вадика. Хоть ни он, ни она в этом не признаются, а Вадик все-таки к ней относится с нежностью, которая иногда переходит границы дружбы. Да что там Вадик – где бы мы ни появились, куда бы ни пошли, люди сначала знакомятся с ней.

Упадническое настроение, в котором я пребывала, усугублялось. Казалось, мы никогда не вернемся в Москву, потому что у меня ничего не получится, и я подведу друзей. В растерянности шатаясь по комнатам, я разглядывала gobелены, миниатюры, великолепную мебель и резные двери. Встав возле одной из дверей, я начала стирать пыль с деревянных барельефных рисунков. Я так увлеклась этим занятием, что забыла о своих злоключениях. Деревянные

человечки на двери танцевали, молились, влюблялись, воевали, читали и умирали, а я равнодушно стирала пыль с их голов и складок на одежде.

– Как же все-таки получилось, Ольга, что у вас такое же расположение родинок, как и у донны Анны? – я повернула голову: Август вошел в комнату, неся поднос с вином, и, поставив его на столик, жестом пригласил присоединиться к нему.

– Все детство я забавлялась тем, что проводила мысленно между родинками прямые, получая треугольники, трапеции… разные фигуры. Когда мне показали на небе ковш, то я поняла, каким образом можно соединить и эту россыпь на руке. Но, похоже, что Висконти не слишком доверил мне.

– Еще бы, ведь он знает, что настоящая Анна мертва. Но сам факт, что у вас похожие родинки, поражает, – заметил Август. Он налил мне вино, и я выпила приятный напиток, откинувшись в кресле. – Удивительное совпадение!

Задумчивость на пару мгновений овладела им, он нахмурился.

– Ну, я, кажется, очень испугала Герцога, проявив подобную инициативу.

– Да, – хохотнул Август и снова посмотрел на меня. – Он признался, что в тот момент был уверен: если Висконти начнет вспоминать расположение родинок по телу донны, ты без труда разделась бы прямо в зале.

– Честно говоря, иногда кажется, что я не воспринимаю этих людей как надо. И чувствую, что могу совершить любую глупость, какое угодно безумие, а они просто будут сидеть, как куклы на местах, созерцая мои безобразия. Мне кажется, что они не живые, что это сон, в котором возможно делать все абсолютно безнаказанно.

– Но это не так. Они люди, живые люди, и вы должны помнить об этом.

– Анна! – вошел Вадик, налил себе вина, чокнулся с нами и сказал: – Оль, там к донне пришел какой-то тип, просит, чтобы она его приняла.

Я посмотрела на Августа. Он сидел, созерцая меня своими бездонными темными глазами.

– Прекрасное чувство любви становится мукой, когда не находит отклика в сердце любимого. И этот человек уже много лет страдает, помня о маленькой девочке из семьи д'Эсте, которая росла на его глазах, превращаясь в девушку, и он не замечал, как попадает в сети очарования, которых она и не расставляла. Когда она уехала из Франции со своей сестрой, он страдал, мучимый воспоминаниями о ее удивительных глазах, мягких движениях, золотистых волосах… Он пришел сюда, видимо, для того, чтобы поговорить с вами… – Август задумался, отойдя к окну.

– Лучше нам не встречаться, – трезво рассудила я. – Что я могу сказать ему? Рассказать о том, как погибла моя сестра? Ведь это принесет бедняге еще больше страданий… Нет, скажи, что я не могу принять его. Я устала… А Клементина любила его?

– Трудно сказать, – немного удивившись моему вопросу, ответил Август.

– Вы так много знаете об Анне, даже подчас ее мысли, а о чувствах другой племянницы вам ничего не известно? – удивленно спросила я.

– Чужая душа – потемки. В ней, как в лесу, можно заблудиться и погибнуть, – уходя, ответил Август.

Я выглянула из окна во двор, чтобы посмотреть на того, кто пришел поговорить с донной. По каменной дорожке от дома удалялся высокий широкоплечий мужчина в развевающимся на ветру плаще, но мне было сложно сказать, видела ли я его в зале, когда предстала перед королем и доном Висконти.

Глава 9

В Никозии бурлила жизнь: рыцари буянили по вечерам, напивались и шатались по городу, будя почтенных жителей. Утром в соборах они стояли хмурые и злые, пока священники вновь и вновь читали им нотации о недостойном поведении воинов Христовых, а мы зевали, потому что не высыпались из-за их нестройного пения по ночам. Но для рыцарей предстоящий поход был не столько велением сердца, сколько возможностью помахать мечом и награбить добра. Они были профессиональными воинами и кидались в любую драку, если им за это платили.

Вадик быстро понял, что идеальный рыцарь – неустрашимый воин, преданный вассал, защитник слабых, благородный слуга прекрасных дам, галантный кавалер – существо идеальное и созданное как образец для подражания. На самом же деле большинство рыцарей были далеки от этого идеала. Они были неустойчивы в бою, нарушили данные обещания, были алчными грабителями, кичливыми невеждами и дикими насильниками. И в то же время именно вокруг них вращалась вся история Средневековья. Мы окунулись в этот дикий мир идеалистов, не придерживавшихся созданных ими образцов, и вместе с разочарованием от того, что история оказалась далека от правды, вдруг стали воспринимать этих странных людей как живых, принимая их несовершенство. Кто, собственно, может называться совершенным? Это был бы не человек, а святой!

– Вчера Герцог наконец раскрыл мне все свои планы, – говорила я Кате во время прогулки по полям под охраной Вадика и Августа, которые шли позади нас, болтая о рыцарских турнирах. – Мало того, что Висконти должен признаться в убийстве донны Анны и Клементины и раскрыть нам место их захоронения, так я еще должна развестись, забрав таким образом все, чем донна владела отдельно от мужа. Мне все время кажется, что именно это и волнует Герцога – деньги, хотя, наверно, нехорошо так о нем думать. И еще есть темная история с ожерельем.

– Что за история? – заинтересовалась Катя. И я рассказала ей все, что знала.

Один из родоначальников клана д'Эсте был путешественником и купцом. В то время как один из его братьев, Обер, воевал с германскими графами и упрочнял позиции на землях Веронской области, он путешествовал по странам и торговал, увеличивая богатство семьи. Однажды он купил у одного ювелира на Востоке 204 великолепных изумрудов разной величины и формы. Отдельные камни достигали величины спелой сливы, а другие были больше похожи на капельки росы. В другом городе он заказал сделать из этих камней ожерелье, соединив камни между собой тончайшей золотой нитью, и сотворил украшение, не имеющее аналогов в мире. Купец д'Эсте якобы сам нарисовал ювелиру будущее ожерелье, которое приснилось ему накануне ночью. Когда д'Эсте вернулся из путешествия, он подарил ожерелье своей невесте, но жена Обера позавидовала красивому украшению и вознамерилась сжигать со свету свою новую родственницу. Эта история закончилась трагически: братья поссорились, купец вскоре умер от лихорадки, которой заболел еще будучи на Востоке, жена его умерла при родах. Так украшение перешло в руки жены Обера вместе с ребенком. Но она его никогда не надевала – раскаявшись в зависти и в том, что желала гибели женщине, она убрала ожерелье и больше не доставала. Впоследствии оно передавалось по наследству старшей дочери в семье и попало к донне Анне. Она его тоже не носила и всегда хотела избавиться от ненужного украшения.

– Дальше следы сокровища теряются, но это целое состояние: если муж донны не вернет его законному владетелю из фамилии д'Эсте, Герцог вряд ли вернет нас в Москву. По крайней мере, он дал мне это понять.

— Какие печальные истории связаны с этой семьей, такое ощущение, что им всегда не везло, — грустно сказала Катя. Она в последнее время стала впадать в меланхолию, подолгу размышляла о чем-то, скучала и грустила. Прежде радовавшие ее уроки французского и латыни, прелесть практики в устаревших формах языка, придававших привычному «франсэ» очарование Средневековья, уже не увлекали. Герцог замечал это и старался сделать Кате что-нибудь приятное, словно пытаясь извиниться за то, что ей пришлось застрять в этом безумном времени.

Несмотря на хорошее отношение к нам Герцога, я понимала, что он добр, пока мы играем по его правилам. И чем больше я думала обо всей этой истории с донной Анной, тем больше в ней сомневалась. Очень нехорошее, мерзкое подозрение проклонулось в душе и мгновенно расползлось по ней ядовитым плющом. Действительно ли он взял нас сюда, чтобы вывести на чистую воду Висконти? Или же исключительно для того, чтобы завладеть имуществом донны? И может ли так быть, что вовсе не Висконти — убийца? Ведь он совсем не походил на человека, который убил жену. Да, он был потрясен сначала ее воскрешением, потом взбешен, что ему подсовывают жалкую копию донны, чтобы лишить наследства. Но это вовсе не доказывает его вину. Что если меня использует настоящий преступник? В самом деле...

Предположим, что Анна как-то перешла дорогу своему дяде, и он ее убил. А теперь ему понадобился двойник донны, чтобы завладеть ее имуществом. И Август мог быть с ним заодно. Ведь что-то они обсуждают время от времени вполголоса. Думать об этом было мучительно, но я понимала, что даже если это все правда, выхода у меня нет. Только во власти Герцога вернуть нас назад. И кем бы он ни был, придется играть по его правилам. Плющ сомнений травил душу, но друзьям я и словом не обмолвилась, ведь это бесполезно. Мы же всего лишь марионетки в его театре. Оставалось только подчиняться. Леска дергалась, и донна Анна улыбалась. Леска дергалась, и донна Анна плакала. А внутри, съежившись от страха, тоски по дому, усталости от ежедневного притворства, жила Ольга.

Два дня спустя после своего неудачного явления Висконти я возвращалась с Катей из церкви, расположенной неподалеку от дома. Мы спустились с каменных ступеней храма и шли, взяв друг друга под руки. Катя в тот день была одета в изумрудное платье с золотистой вышивкой, а на мне было белое платье с черным орнаментом, красивое и очень тяжелое. Мы собирались вскоре поехать во дворец на разбор нашего дела с Висконти. Этот безумец потребовал суда, чтобы разобраться, его я жена или нет. Герцог велел нам выглядеть на все сто, чтобы ни у кого не закралось даже тени сомнения, что я не донна Анна. Вместо привычной строгой и простой накидки Николетта выбрала полупрозрачную легкую накидку и закрепила ее на голове обручем. Мы обсуждали предстоящее событие и ужасно нервничали, поскольку подозревали, что Николо не позволит просто так воскреснуть своей жене: наверняка он готовил мне очередное испытание.

Мы шли по мощеной камнем мостовой, пересекая площадь между церковью и домом, как вдруг увидели, что к нам приближается высокий человек с развевающимися от быстрой ходьбы волосами, темными, но с блеском седины. Веки его глаз были опущены, из-за этого взгляд казался печально-ироничным, длинный тонкий нос с чуть заметной горбинкой выдавался на овальном лице с широким подбородком. Вся его внешность была полна благородства и львиной важности, «добродушный правитель», вдруг подумалось мне. Он шел явно к нам навстречу, и я запаниковала: вот она, еще одна попытка дона Висконти раскрыть меня! Я стала оглядываться вокруг в поисках подходящего пути для побега. Встречаться с этим человеком очень не хотелось. Плавно повернув в сторону, мы с Катей с ледяными лицами поспешили прочь. Он заметил это и окликнул меня:

— Сеньора Висконти, подождите!

Обреченно вздохнув, я остановилась. Теперь убежать было невозможно. Он нагнал нас и остановился передо мной. Собравшись с силами, я подняла взгляд от его коричневых сапог до перевязанной ремнем котты (верхней рубахи, доходящей до щиколоток), потом до богато расширенного воротника и наконец заглянула в его печальные глаза.

Он поклонился мне учтиво, я сухо ответила на поклон, пытаясь всем видом показать, что он меня задерживает.

– Узнаете ли вы меня, донна Анна? – прозвучал его глубокий, приятный голос.

У меня пересохло во рту, язык прилип к небу. Я опустила вновь глаза, чтобы он не прочел в них светящуюся неоновыми огнями мысль: «Я вас в первый раз вижу!»

– Сударь, я очень тороплюсь. Поверьте, вы нашли неподходящий момент, чтобы вести беседу.

– Я заходил на днях, но вы не захотели меня принять. Я хотел поговорить с вами до этого суда. Но вижу, что вы, как и прежде, не желаете говорить со мной.

«Вы правы, – хотела сказать я, – я не желаю вас видеть». Но я не смогла его так обидеть. Я вспомнила того посетителя, что приходил говорить со Анной о сестре, и, внимательно посмотрев на незнакомца, решила, что это был он.

– Я буду рада с вами поговорить, но позже, сейчас мне пора идти, – чуть мягче сказала я.

– Что ж, хорошо. Я не стану вас задерживать, донна. Простите.

Он отступил, я прошла мимо, опустив глаза, держась крепко за руку Кати. В нем было что-то, что вводило меня в крайнее смущение и пугало так, что сердце подскакивало к горлу. Или я боялась себя?

Герцог д'Эсте встретил нас в гостиной, он стоял возле окна и лукаво улыбался. Я всегда тихо ненавидела его бледные глаза, в которых при взгляде на меня светилась насмешка, словно он сравнивал свою племянницу со мной, и сравнение было явно не в мою пользу. Копия и оригинал – вот кем были я и донна Анна в его представлении.

– Как прошло ваше знакомство с герцогом Бургундским? – спросил он.

– Я не знала, кто этот человек, чувствовала себя ханжой и чудовищем, разговаривая с ним так холодно. Бедняга останется обо мне не лучшего мнения.

– Ерунда. Донна Анна всегда была холодна с ним, поэтому вы сыграли замечательно. На будущее: его зовут Гийом, но лучше обращайтесь к нему официально, так вы не подпустите его близко. Он друг этого усатого генерала де ла Марша и наверняка воспользуется этим, чтобы повидаться с вами еще раз.

И тут Герцог сделал то, чего я от него никогда не ожидала: подойдя ближе, он, презрительно улыбаясь, снял с моей головы накидку и провел рукой по локонам, которые Николетта оставила, собрав остальные волосы в косы, и, нагнувшись, поцеловал в щеку. Я застыла, удивленно глядя на него широко распахнутыми глазами, а он, поймав мой взгляд, расхохотался, красиво отбросив голову чуть назад.

– Честное слово, сударыня, мне нравится, как вы выглядите, когда смущены или удивлены. Бедный герцог Бургундский! Похоже, вы и в самом деле поступили с ним жестоко!

– Довольно, Вельф! – раздался тихий голос Августа, наблюдавшего за нами. – Прекрати, пора ехать.

– Ольга, – потом, пока мы шли к лошадям, сказал тихо Август, сжав мою руку, – будьте крайне осторожны. Не позволяйте себе и тени удивления, делайте вид, что все так и должно быть. Я буду рядом с вами, постараитесь посматривать на меня время от времени. Уверен, Висконти будет защищаться всеми возможными способами. Будьте спокойны и сдержаны. Не позволяйте себе никаких выходок с раздеванием. Покажите всем, что вы выше нападок и обвинений.

– Вы ведете себя, как режиссер на съемочной площадке, – попыталась пошутировать я.

– Да, только дубль у вас в этой жизни один, – серьезно парировал Август.

Когда мы вошли в залу, уже собрался народ. Донну и пожелавшего сопровождать ее Августа посадили в кресла напротив Висконти. Август сжал ласково мою руку, нервно схватившуюся за ручку кресла, и я немного расслабилась. Муж донны Анны смотрел на нас с ненавистью и заранее праздновал победу. Я гордо вскинула голову и встретилась с ним взглядом, посмотрев в глаза с вызовом и наглостью. Он смутился и сделал вид, что отвлекся, перебирая бумаги, которые лежали на столике рядом.

Король выступил с речью, надеясь примирить супругов до суда, избежать ненужных конфликтов и разборок.

– Мы находимся на пороге грандиозного события для христианского мира, и поэтому целью нашего пребывания здесь является попытка примирить вражду между братьями по вере, чтобы повернуть дружные силы против нашего главного врага. Тем более печальным становится раздор в семье, где муж не желает признать жену. Как неверующий Фома перед Иисусом вкладывал руки в его раны, чтобы проверить самому, действительно ли перед ним воскресший Христос, так и муж не верит спасшейся жене, требуя от нее доказательств. Дон Висконти, я призываю вас примириться с донной Анной и с миром отбыть в поход... Если же вы не пожелаете примириться до суда, то судьями назначаются Карл Анжуйский, отец Франциск и архиепископ де Бове. Мы, с вашего позволения, не желаем участвовать в этом деле. Остаемся наблюдателем.

Конечно, дон Висконти отказался признать женщину, сидящую напротив него, своей женой. Он начал расспрашивать ее обо всех родственниках, начиная с д'Эсте и заканчивая домом Висконти. Донна Анна отвечала не торопясь, вдумчиво, иногда вставляя «мне кажется» или «помнится». Отвечала всегда правильно, рассказывала о детстве, проведенном в доме Обера д'Эсте, о сестре, о друзьях.

– Какая жалость, донна Анна, что из ваших родственников здесь присутствуют только те, кто мало знаком с вами. Как жаль, здесь нет вашего кузена Обера, уж он-то наверняка мог бы узнать вас, – ехидно сказал дон Висконти.

– Да, жаль, – ответила, не колеблясь, донна Анна. – Если бы здесь был он, вы бы не посмели отрицать, что я – Анна д'Эсте. Жаль, что здесь нет никого, чье свидетельство превзошло бы ваше.

– Ну, почему же нет? Мой голос должен разрешить все споры, – из толпы вышла высокая юная девушка, одетая в скромное темное платье. У нее были длинные пышные черные волосы, змейками закрученные в мелкие локоны, узкие раскосые темные глаза с изумительно длинными загнутыми черными ресницами, которые удлиняли глаз еще больше, и разрез их напоминал кошачий. Тонкий длинный нос с властными, тонко выточеными ноздрями делал продолговатое лицо похожим на вырезанную из камня статую женщины-воительницы. Из-за этого носа у нее было немного хищное выражение лица, но это впечатление смягчалось полными, чувственными губами, и при взгляде на девушку дух захватывало от такой необычной и немного жестокой красоты.

Август помог подняться ослабевшей от радостного изумления донне, и она встала, пораженная и взволнованная. Девушка вышла на свет, и тогда местами по всему залу раздались возгласы изумления.

– Клементина! – задыхаясь от волнения, донна Анна бросилась к сестре.

– Это моя сестра! – заявила Клементина на весь зал, крепко обнимая донну. – Я не хочу, чтобы об этом спорили.

Николо не нашел в себе сил подняться с кресла. Он остался сидеть там, молчаливый и онемевший от удивления, пока Клементина рассказывала, как она убежала от разбойников, долго ходила, хромая от вывиха, по лесу, оплакивая сестру, потом вышла на дорогу, нашла деревушку, где ее приютили и вылечили, а затем, когда нашлись добрые люди, которые помогли

добраться до города, вернулась в Неаполь. Она узнала, что Анна жива, и отплыла следом на маленьком почтовом суденышке, чтобы появиться как раз вовремя. Закончив рассказ, Клементина заявила, что устала и что ее вещи отвезли, наверное, в дом, где остановился дон Висконти, поскольку она и не предполагала, что тот поссорился с женой. Поэтому, несмотря на сопротивление донны Анны, она уехала с Николо к нему домой, а донна Анна отправилась со своей свитой к себе, чтобы подготовить комнату для Клементины. Суд закончился, едва успев начаться, все были так поражены, что о «вердикте» даже не шла речь. Довольно было того, что донна была признана своей сестрой.

Едва мы сели в экипаж, я заявила Герцогу:

– Отправляйте нас домой сейчас же! Теперь у вас есть племянница, живая, здоровая и настоящая, и пока она не поняла, что я не донна, отправьте меня домой!!! Я не смогу обмануть сестру донны! Я не смогу!!!!

– Женщина на грани нервного срыва, – невозмутимо произнес Герцог, устало прикрывая глаза, – вы забываете, милая донна, что наследство Анны все еще в руках Висконти, мне не хотелось бы потерять его. И потом, он все же убийца, и вы должны найти способ, чтобы доказать это.

– Но как?! – устало произнесла я.

Честно говоря, меня потрясла внешность Клементины, которую я представляла совсем другой, больше похожей на донну Анну. Если бы Август буквально не выпихнул меня из кресла, мне бы не хватило храбрости подойти к ней, и только когда я почувствовала ее нежное объятие, то поняла, что действительно очень похожа на донну Анну Висконти. Только теперь было тревожно: я боялась, что Клементина, посмотрев на меня поближе, поговорив со мной, почувствует, что я не Анна. Что же делать? Ведь теперь она все время будет рядом...

– Я пущу в ход все свое красноречие, чтобы убедить Клементину, что особо разместиться у нас негде.

– Как, вы согласны, чтобы она жила вместе с убийцей? А если он попытается причинить ей вред? – я изумленно посмотрела на Герцога. Мне показалось, что он вовсе не выглядит радостным от того, что Клементина жива, более того, он даже не поговорил с ней, как следует, ограничившись сухим поклоном. Какая странная семейка!

– Он не посмеет, ведь тогда все укажет на него. Но если вы предпочитаете, чтобы Клементина была здесь каждый день, то...

– Хорошо, если вы не боитесь за нее, пусть живет у Висконти. Я сойду с ума, если мне придется притворяться даже во сне...

Сначала было очень тяжело общаться с Клементиной. Казалось, что она вот-вот раскроет меня. Всякий раз, как мы встречались, я словно проходила сложнейший экзамен на выдержку и очень сильно уставала. Постепенно я все больше понимала, что Клементина верит мне абсолютно; единственным, что удивляло ее и казалось странным, было желание донны разойтись с Висконти. Впрочем, просьба о разводе еще даже не была изложена в письменном виде, потому что отец Джакомо всячески этому противился. Пока Герцог уламывал его, мы проводили дни и недели, общаясь с Клементиной, и я пыталась убедить ее, что это Висконти заказал нападение на нас, чему она упорно отказывалась верить. Довольно прохладными оказались отношения Клементины с ее дядями. Она общалась с ними равнодушно и сухо, практически не замечая их, когда приходила к нам в дом.

Период дружбы с Клементиной и подготовка бумаг для развода совпали с еще одним событием: моим знакомством с герцогом Бургундским и графом де ла Маршем.

В ожидании очередного визита Клементины, которая обычно заезжала ко мне, чтобы пойти на прогулку, я бродила одна по галерее, ведущей к дому де ла Марша. Внезапно дверь на другую сторону открылась, и оттуда вышел герцог Бургундский. Я готова была поспорить с кем

угодно, что он пришел сюда не случайно, а чтобы повидать меня, точнее, донну Анну. Бежать было бы глупо и поздно, я встала возле окна, ожидая, пока он подойдет. Мы поздоровались, обменялись любезностями и замолчали. Вид у него был такой несчастный, что даже стало его жаль: после того, как увидела Клементину, я поняла, что влюблен он был не в нее, а в донну Анну.

— Вы простите меня за то, что я так холодно встретила вас, герцог, тогда на улице, но в тот день перед судом мне было немного не по себе.

— Я должен сказать вам честно, что не признал вас сперва, донна, — тихо ответил герцог. — И сейчас мне трудно поверить, что это вы.

— Почему?

— У вас изменился взгляд.

— Я столько пережила, герцог, что у меня изменился не только взгляд. Я изменилась. Очень. Я не та Анна, которую вы знали прежде, — чуть смелее закончила я.

— Я понимаю.

Он хотел поцеловать мне руку, я тихо сказала: «Не стоит», — и вышла из галереи.

Вечером к нам в первый раз пришел граф де ла Марш, высокий мужчина с великолепными усами и маленькими добрыми глазами. Усы были действительно примечательными, они привлекали внимание прежде всего остального, от них невозможно было оторвать взгляд. Вадик, тот вообще влюбленно созеркал усы де ла Марша, поскольку знал о нем еще из учебников истории. Мечтой Вадика на тот момент было посвящение в рыцари, но его просьбы Герцог настойчиво игнорировал, а де ла Марш показался нашему новоиспеченному Вильяму Уилфриду подходящим заступником в этом деле. Граф очень быстро подружился со всеми и посиживал в нашей компании вечерами, рассказывая Герцогу про подготовку к походу и делая вид, что не замечает восхищенных глаз Вадика, смотревшего ему в рот. Эта сцена была так забавна, что я специально спускалась с Катей, чтобы посмотреть на своего однокурсника. Однажды вместе с де ла Маршем пришел и герцог Бургундский. В тот вечер он смотрел на меня, молчаливо сидя рядом со своим другом, а я чувствовала себя неловкой и неуклюжей под его внимательным взглядом. Мне казалось, он ждет какого-то неверного шага, неправильного движения, потому что подозревал, что я не донна Анна.

Катя подсела к нему, попыталась отвлечь, и он потихоньку увлекся разговором, и теперь уже я молча созерцевала всех их, сидя в углу и ожидая, когда герцог уйдет.

Донна Анна была печальна, и герцог чувствовал, что причиной этому является он сам, но не видеть ее не мог. Она казалась совершенно другой, и он все пытался разгадать ее тайну, внимательно наблюдая за ней. Это была и она, и не она одновременно, и он с волнением следил за каждым движением, за каждым взглядом и понимал, что донна очень изменилась и уже не похожа на ту, что он любил когда-то. Но лицо ее, смех, грустный блеск в глазах, противореча всему, кричали о том, что это Анна. И он метался между образами этих двух женщин, одну из которых он знал, а другую нет. И постепенно знакомая незнакомка затмила в его душе любовь к прежней донне Анне, и то, что в этой женщине прежде казалось ему недостатком, теперь даже нравилось. Она стала более свободной в общении, не столь надменной, как прежде, хотя с ним вела себя, как и раньше, холодно. Однажды он услышал о ее желании расстаться с мужем, и неясная надежда, которой он не знал определения, смутила его. Он хотел приручить ее к себе заново и вскоре осмелился появиться у нее без де ла Марша, потом сдружился с Вильямом — супругом близкой подруги донны Анны Катрин, к которой он также привязался, поскольку видел, что она всячески пытается облегчить его общение с донной. Анна по-прежнему держала его на расстоянии, и через стену, что она выстроила между ними, перебраться было нелегко.

Но он был полон желания быть с нею рядом хотя бы в качестве друга, а трудности его никогда не пугали.

Де ла Марш все реже появлялся у нас, поскольку на него была возложена обязанность контроля за сбором кораблей в порту Лимассола, и он носился по всему побережью Кипра. Вадик иногда сопровождал его, к большому неудовольствию Августа. Однажды он собрал нас у себя и прочитал лекцию о том, что мы можем вернуться в Москву только в том количестве, в каком отправились в путешествие по времени: если что-то случится с одним из нас, остальные останутся навсегда в XIII веке и пути назад не будет. Мы пообещали не расставаться надолго и не терять друг друга из виду.

— Представляете, если мы сейчас приедем в Москву? — спросил Вадик, отреагировав на слова Августа несколько иначе. — Интересно, какая она сейчас, в XIII веке?

— Тебе рассказать? — предложила добрая Катя. — В XIII веке жизнь на Руси сахаром не казалась никому. А с твоим приходом им вряд ли легче станет. Сейчас там монголо-татарское иго, а если ты учил когда-нибудь историю России, в чем я уже начинаю сомневаться, то наверняка помнишь, что несколько лет тому назад на соревнованиях по фигурному катанию на Чудском озере с треском провалилась сборная Германии. А Москва, наверно, стоит разоренная и сожженная, да и что ты там делать будешь? Дома твоего Сталин еще не построил, не предусмотрел вождь, что ты в XIII веке захочешь там пожить. Знал бы, может, раньше бы подсуетился. Да и университета нет, останешься без высшего образования, а без корочки тебя ни один князь к себе на службу не возьмет.

— Смешно! — язвительно заметил Вадик. — Ты всегда такая умная или только когда со мной разговариваешь?

— А что если мы не сможем вернуться в наше настоящее будущее? — вдруг забеспокоилась я. — Вдруг этот «эффект бабочки» действительно существует, и при изменении прошлого меняется и будущее? Мы и так уже здесь дел натворили, дальше хуже будет...

— Ничего не будет, — заявил Август, — вы вернетесь в свое настоящее будущее. Если повезет, очень скоро. Но думаю, что стоит серьезно отнестись к тому, что скоро все отправятся в Египет. Там очень жаркий климат, особенно летом. Всем будет очень тяжело.

— Да хоть на Северный полюс пусть отправляются! — воскликнула я. — Нам-то что? Мы сейчас быстренько оформим развод и пошлем этого Висконти. Вернемся с Клементиной в Италию, возьмем вещи, фьюйти — и мы на диване, а Артур еще спит. И мы, как мышонок Джерри после долгих приключений по городу расцеловал кота, расцелуем его... нет, я хотела сказать, обнимем... крепко, — поправилась я, заметив внимательный взгляд Кати.

— Жаль, что его с нами нет, — заметила она, но произнесла это явно с подвохом, ожидая моей реакции.

— Да, — неожиданно для всех заявил Вадик. — Уж его-то точно сразу бы в рыцари взяли. С его-то физической подготовкой...

Глава 10

Так как Святую землю подчинил себе султан Негем-эд-дин, было решено напасть на Египет. Убить змея лучше в его логове, как выразился Роберт Артуасский. Людовик IX в письменном обращении к султану Египетскому объявлял ему войну. «*Спеши, – писал он ему, – поклясться мне в подчинении, признать власть христианской Церкви и воздать торжественное поклонение Кресту; иначе я сумею добраться до тебя в самом твоем дворце; воины мои многочисленнее песка в пустыне, и сам Бог повелел им вооружиться против тебя*».

Арабские историки свидетельствуют, что султан не мог читать без слез обращение французского властителя, но, тем не менее, на полученные угрозы он отвечал другими. Конечно, Людовик немного преувеличил насчет количества воинов, которые «многочисленнее песка в пустыне». Но в данном случае запугать противника было не лишним.

Следующим шагом было совещание, на котором король советовался со своими маршалами и братьями о плане нападения на Египет. Нас, понятное дело, на это совещание никто не пригласил, поэтому мы отправились вслед за королевой и ее дамами в сад, где веселились согласно средневековым обычаям; то есть все веселились, а мы за ними наблюдали, как наблюдают чокнутые биологи за пляской блох на дне стеклянной пробирки. Они для нас были уникальными экземплярами, которых мы разглядывали с любопытством.

Нас на каждом шагу ожидали новые открытия и порядки, противоречившие здравому смыслу человека из XXI века. Однажды, когда за королевским ужином зашел разговор о недавних судебных разбирательствах, я чуть не подавилась от смеха, услышав, как кто-то из священнослужителей с серьезным лицом рассказывал, как недавно в его городе состоялся суд... над крысами!!! Как же мне было нелегко, когда я, пытаясь выглядеть сочувствующим слушателем, давилась от хохота и внимала печальной истории крыс!

Итак, история, леденящая душу: было в этом городе много крыс, и вели они себя ужасно: везде бегали, портили запасы, обгрызали все, даже однажды обгрызли статуи святых в соборе! – это стало последней каплей в чаше терпения жителей и священнослужителей, и на крыс подали в суд. Судьи, внимательно рассмотрев дело, решили, что поведение крыс действительно является вопиющим нарушением всех законов, и приговорили грызунов к изгнанию из города. Приговор был зачитан на двух главных площадях города.

– И что, помогло? – весь красный от усилия казаться серьезным, спросил Вадик. Герцог метнул на него грозный взгляд, но священник не заметил подвоха и, вздохнув, ответил, что, к великому сожалению, крысы не вняли подобному внушению, и тогда пришлось подвергнуть крыс церковному проклятию.

Проклятые крысы не слишком расстроились из-за того, что оказались отлученными от Церкви. А вот нам потом сильно влетело от Герцога за то, что мы так смеялись над этим судебным процессом. Он пристыдил нас, объяснив, что в подобных судебных процессах проявляются особенности средневекового мировоззрения. Согласно миропониманию людей того времени, между человеком и животным не было существенного различия. Поля рукописных книг украшали миниатюры, изображавшие сцены, которые показались бы странными: обезьяны играют в шахматы, а дикие собаки связали несчастного охотника и несут его на суд и казнь. Животный мир был словно подобием мира людей, похожим и непохожим одновременно. Человек находился внутри природы, словно всматриваясь в нее, искал в ней, как в зеркале, свои черты.

Время шло, мы все глубже постигали особенности этого времени и с большим спокойствием воспринимали забавные неожиданности, встречавшиеся на нашем пути. И даже более того, чисто из любопытства, из постоянного желания пробовать все новое и необычное участвовали в различных обрядах, и чем больше мы взаимодействовали с обществом, тем глубже

наша жизнь проникала в историческое русло реки Время, в которое мы попали так неожиданно.

Как-то еще в Неаполе я сказала отцу Джакомо, что могу верить только в то, чему есть доказательства, мне словно не хватает чего-то для того, чтобы быть настоящей христианкой. Я боялась, что мое откровение его шокирует, и удивилась, когда он ответил вовсе не так, как я ожидала.

– Я мог бы сказать, что вера не требует доказательств. Это так. Но понять это пока что сложно. Дочь моя, ты хорошая христианка. Но настоящая вера приходит с преодолением трудностей и испытаний. Ты встала на этот путь, но пока идешь по нему наощупь. Настанет день, и ты сама станешь доказательством, как и многие из нас.

Когда я в первый раз поймала себя на том, что я действительно молюсь в церкви, а не делаю набожный вид, я была удивлена. За время пустого бормотания молитв я успела их выучить наизусть, и пальцы сами перекладывали бусинки четок, зная очередность и количество повторений. Но я молилась! Молилась искренно и страстно, произнося слова со смыслом и любовью. Я не могла сидеть на скамье рядом с остальными и чувствовала необходимость уединиться, уходила в боковые ниши-часовни, где стояли статуи святых. Перед ними всегда была скамеечка, обитая бархатом, на которую можно было преклонить колени. И я молилась там, вдали от всех, иногда доводила себя до состояния экзальтированности, проливала слезы перед печальными ликами и ощущала, как становится необыкновенно легко на душе.

Я не могла объяснить душевной перемены внутри себя. Сначала я ссылалась на смиление – мы столько времени пробыли в Средневековье, что успели привыкнуть к порядкам и обычаям этого времени, и наше миропонимание во многом изменилось. Но это же не могло привести к тому, что ежедневные молитвы стали приносить мне столько удовольствия! Тогда я решила, что слишком глубоко вошла в образ донны и совершила обряды, искренно веря, потому что того требовал мой персонаж. То есть искренно молилась донна, а не Ольга. Спустя еще некоторое время я уже не знала, где я, а где Анна. Это были два сиамских близнеца, две души внутри одного тела, и отсоединить одну без опасности задеть другую не представлялось возможным. И очень скоро одна из них стала преобладать над другой.

Итак, пока король собирал военный совет, мы веселились в саду вместе с королевой и придворными.

Клементина играла в прятки с юным принцем Филиппом и другими ребятишками, бегая между деревьев в саду. Ее шлейф мелькал, словно змея, в траве, длинные рукава, свисавшие с рук на локте, парили, словно крылья, в воздухе. Она была красива, моя сестра, к которой я привязалась. Пусть Николетта и недолюбливала Клементину, я знала, что эти черные узкие магнитические глаза принадлежат добréй девушке. Иначе и быть не могло, ведь по простоте душевной эта девушка с лицом искушенной женщины продолжала жить в доме убийцы сестры, не веря тому, что ее деверь способен на преступление. Казалось, что они довольно неплохо уживаются, потому что Клементина ни разу не пожаловалась мне на грубость Николо. Она его любила как брата и не понимала, почему Анна вдруг так охладела к мужу.

– Ай, сестренка, – говорила она мне, отчаянно жестикулируя, – не знаю, что за дьявол вселился в тебя, и ты возненавидела Николо… Только не верю я, что он может желать нам смерти. Он тебя любит.

Доказательств любви Николо я получала тогда немало. Не знаю, поверил ли он, что я его жена, но каждый вечер он присыпал подарки или приходил, чтобы поговорить; я всякий раз ему отказывала. Мы часто виделись при дворе у короля, хоть и на расстоянии, потому что моя свита не подпускала его, и только Клементина, словно юркая ласточка, носилась между нами, чая помирить. Этого же добивался долгими проповедями и внушениями отец Джакомо, но я была непреклонна.

Вадик в тот день был чрезвычайно возбужден, у него подозрительно блестели глаза, он явно что-то задумал. Катя обеспокоенно следила за ним издалека: накануне они сильно повздорили, и Вадик был на нее обижен. Мне было грустно без друга, но я решила поддержать Катю, поэтому находилась в тот момент рядом с ней.

Катя сидела и задумчиво крошила на мелкие кусочки листочек апельсинового дерева, я прислушивалась к разговору, который вели Вадик и графиня Артуасская. Некоторое время назад я с удивлением заметила, что Вадик принял участие в изучение французского с большим, чем раньше, рвением, и теперь мне показалось, что причиной тому была жена принца Роберта. Она была довольно симпатичной, но я не могла поверить, что Вадик способен так увлечься совершенно не подходящей для него женщиной. Во-первых, она была из другого времени, и он рисковал выдать всех нас, во-вторых, замужем за влиятельным и очень сильным человеком, к тому же братом короля, в-третьих, у нее был ребенок, но все это не останавливало моего друга. Сначала мне казалось, что он хочет насолить Кате, вызвать у нее ревность, но потом я поняла, что Катя тут не при чем: мы где-то допустили ошибку и оставили Вадика без внимания – и вот результат: мой однокурсник, как истинный книжный рыцарь, разместился у ног графини и осыпает ее комплиментами.

Они близко познакомились во время непродолжительной прогулки в горах, которую мы совершили в январе, отправившись развеяться и осмотреть остров. Мы ехали верхом по горной тропе, нас было человек сорок или пятьдесят, была там и графиня Артуасская, и граф де ла Марш, и герцог Бургундский, и Клементина с Николо Висконти. На тропе было узко, и мы разделились по парам, кто как, и я видела впереди себя спины Герцога и Кати, ехавших рядом, потом де ла Марша с какой-то дамой, потом Вадика с графиней Артуасской, а позади меня следовали Николо и Клементина, рядом со мной ехал Август. Так как я не могла постоянно следить за Клементиной, я наблюдала за парами, ехавшими впереди. Вадик очень навязчиво наклонялся к графине во время разговора, но графине его внимание даже нравилось. Пока ее муж увлеченно готовился к войне, она развлекалась, как могла.

– Пусть вас не вводит в заблуждение показная легкомысленность этой особы, – сказал мне Август, заметив, как я наблюдаю за графиней, – она так же хитра и изворотлива, как и ее муж. Два сапога пара.

Потом я посмотрела на Катю и Герцога: эти двое постоянно язвили друг другу, соревнуясь в остроумии и устраивая такие словесные баталии, что впору было спасаться бегством. Но сейчас они, казалось, не спорили, а мирно, судя по отсутствию резких жестов, беседовали.

Горные тропы, по которым мы ехали, были живописны и красивы. Мягкие склоны с рассеянными на них осколками скал, которые, видимо, сходили с гор во время обвалов, сменялись отвесными обрывами, на дне которых с седла можно было заметить извивающиеся бурлящие воды горных речек и верхушки сосен. Шишки на этих соснах, растущих повсюду, были огромными, иголки тоже, сами южные сосны поражали разнообразием причудливых форм: казалось, их лепил и сплетал ветер, что гулял в их верхушках, наклоняя то в одну, то в другую стороны. В тот день мы не охотились, и звери, словно почувствовав это, появлялись на нашем пути. То быстрая лань промелькнет на соседнем склоне, то горный козел с изогнутыми рогами медленно перейдет дорогу.

Август рассказывал об охоте на птицу, но я слушала его рассеянно, поскольку думала о чем-то своем и наблюдала, как парит над нами орел, высматривая добычу. С этого дня Вадик совсем отдалился от нас, пропадая то во дворе, где продолжал тренировки, то в компании придворных дам, красуясь перед графиней.

В тот день, когда мы сидели в саду, а Клементина играла с детьми в прятки, он внезапно опустился перед графиней на колено и попросил ее быть Дамой его сердца. Такое было вполне приемлемо для того времени, у многих замужних дам имелись свиты из рыцарей, которые, следуя кодексу чести, искали себе даму для поклонения. Меня это крайне возмутило. Графиня,

посматривая с улыбкой на Катю, которая, казалось, ничего не слышала, спросила Вильяма, не будет ли против его жена, если он посвятит себя служению другой женщине. Но Вадик был чрезвычайно увлечен своей идеей рыцарства, он не представлял себе, как можно быть рыцарем и не служить Dame, а Катя, видимо, ему не подходила. И этот нахал посмел, не посоветовавшись с нами, kleиться к графине! И куда только Катя смотрит? Я покосилась на нее – моя подруга даже не слышала иронических замечаний графини.

Я вздохнула: если бы не Николетта и Клементина, я бы сошла с ума от одиночества! Август в последнее время постоянно отсутствовал, у Герцога тоже находились дела, граф де ла Марш и герцог Бургундский появлялись крайне редко – дом опустел, и я слонялась по нему совершенно одна. А Катя... Катя витала в своем, одном ей ведомом мире.

Клементина с размаху упала рядом со мной на колени, запыхавшись от игры в салки. Устало положив голову мне на плечо, она тихо заговорила о пустяках, лениво оципывая кисть винограда, лежавшую перед нами на блюде.

– Сеньор Уилфрид, похоже, предпочел иную компанию, – заметила она, покосившись на оживленно беседующую пару «Вадик – графиня». – А его жена и вовсе перестала общаться с тобой, – продолжила Клементина.

– Ну, у меня еще есть ты, – заметила я шутливо, чтобы не поднимать щекотливый вопрос о прекратившемся общении между мной и друзьями.

– Да, только я, – заметила Клементина.

– Ну почему только ты... еще Николетта, – сказала я задумчиво.

– Да... – донеслось до меня далеким эхом. Клементина вскоре поднялась и вновь унеслась прочь с ребятишками.

Сидя рядом с Катей, слушая краем уха болтовню Вадика с графиней, я все больше погружалась в воспоминания о той прогулке по горам Кипра.

Мы выехали рано утром, еще было свежо, Катя укуталась в теплую накидку, но все равно мерзла. Герцог, иронично посмотрев на дрожавшую от холода девушку, заявил, что ему, глядя на нее, тоже становится прохладно. Катя в ответ посоветовала смотреть в другую сторону.

– Если я буду смотреть в другую сторону, я все равно буду слышать, как стучат ваши зубы, – величественно разобрав поводья, сказал Герцог. Глядя на него, гордо сидящего на лошади, я внезапно подумала, что при том, что он выглядит старше своего брата, он ужасно обольстителен, как хитрый злодей из сказок, которому невозможно сопротивляться.

– Заложите уши ватой, – посоветовала Катя.

Эти двое были несносны, когда оказывались рядом друг с другом, поэтому мы дали им полную свободу для взаимных уколов, отстав от них немного. И все же я уловила пару фраз из их разговора. Герцог вдруг изменил тактику и принялся осыпать Катю комплиментами, которые непрекращающимся потоком лились из его уст, как из рога изобилия. Оказывается, Катя заметила ему, что он способен только на сарказм, и Герцог взялся опровергнуть ее предположение.

– Вы сущий дьявол, – сказала Катя, и я увидела на ее щеках легкий румянец, – если бы я не знала, что вы пытаетесь просто оспорить меня, я бы поверила каждому слову.

– Верьте, – смеясь, ответил Герцог, – ведь это правда.

Я подумала, что Катя упадет из седла от неожиданности. После этого они разговаривали спокойно на протяжении всего пути.

Мы спустились с горной тропы в долину и оказались в роще из мандариновых и апельсиновых деревьев. Невозможно было поверить глазам: в январе месяце деревья были усыпаны спелыми плодами! Спешившись, мы рвали плоды и, счищая с них кожуру, ели, ополаскивая руки в источнике, бившем у дороги. Я увлеклась, запихнув себе в рот целый мандарин, не разделив его на дольки. Он занял весь рот, и я никак не могла ухитриться и разжевать его, не сде-

лав при этом гримасы. Я отошла немного вглубь рощи, чтобы там спокойно раздавить фрукт во рту, никого при этом не напугав. Хорошо же выглядела тогда донна Анна, прохаживаясь с набитым ртом по роще! Но не успела я разжевать этот коварный мандарин, как откуда ни возьмись появился герцог Бургундский. Я застыла, молясь про себя, чтобы он миновал меня, приняв за дерево... но нет, он шел ко мне. Вздохнув и сделав умное выражение лица, я приготовилась к позорной встрече. Выплюнуть мандарин я не могла — герцог шел прямо на меня, а за апельсиновыми деревьями не спрячешься. Изнывая оттого, что рот у меня был набит, я уставилась на герцога строгим взглядом, давая ему понять, что не намерена разговаривать с ним, еще до того, как он осмелится заговорить.

— Вы сердитесь, донна Анна? — робко начал он. Я молчала, ибо ничего не могла ответить, потому как, разомкни я губы, на свет бы появился очищенный мандарин.

— Вы не хотите говорить со мной? — я отвернулась, всем видом показывая, что не хочу. И тут герцог сделал то, что еще долго смущало, когда я вспоминала об этом: он опустился позади меня на колено и, нежно дотронувшись до кончиков моих пальцев рукой, нерешительно коснулся их губами. Это был жест, полный нежности и смущения, нерешительности и страха, и я замерла, не смея отнять руку, не смея промычать ничего в ответ. Молчание убивало, потому что казалось, я поступаю несправедливо и невежливо.

— Вы молчите, — дрогнувшим голосом произнес он, — не знаю чем, но, видимо, я заслужил подобную жестокость...

Я закрыла глаза. «Вы ничего не заслужили, герцог, просто это мандарин, будь он проклят!»

— Ваши руки пахнут апельсинами, — произнес он задумчиво. — Такой сладкий запах, что хочется целовать их снова и снова...

Я испуганно отняла руку и прижала к груди. «Конечно, пахнут, идиот, — сердито подумала я, — понюхай еще у кого-нибудь, мы же все объелись апельсинами!» Мысль об апельсинах вернула меня к коварному фрукту. Я сделала попытку разжевать его, но она закончилась неудачно, и я снова зажала его во рту. Я чувствовала, что герцог Бургундский все еще находится позади.

— Ваше молчание уничтожает меня, Анна, — услышала я шепот, удивительно напоминавший нежный шелест наполненной соками листвы в жаркий день, когда легкий ветерок овеивает сады. — Вы так холодны ко мне, как добры по отношению к остальным. Вы простираете руки, готовая помочь даже последнему нищему и прокаженному на земле, но на меня вы даже не хотите посмотреть. А между тем один ваш взгляд для измученного сердца явился бы целебным эликсиром, вы смогли бы облегчить мои мучения, как облегчаете муку голодающего, протягивая кусок хлеба. Только этого я прошу у вас, донна, только взгляда.

«Да как я могу на тебя посмотреть! — отчаянно пытаясь прожевать незаметно мандарин, думала я. — Отстань от меня! Ты выбрал неподходящий момент!»

Наконец, понимая, что даже взгляда он не дождется, герцог ушел, наверно, проклиная меня в душе за черствость. Я облегченно вздохнула. Наконец-то я оказалась одна и могла спокойно разжевать сей сочный плод. Но не тут-то было! Едва я начала с усилием работать челюстями, как, повернувшись, заметила приближающегося Висконти.

«Да что вы все, сговорились, что ли!» — подумала я с досадой и снова зажала мандарин во рту, приняв еще более разгневанный вид, чем прежде. Но Висконти мой горящий гневом взгляд не смущил. Быстро оглянувшись вокруг, он схватил меня и, с силой прижав к себе, начал целовать. Я вовремя запрокинула лицо, чтобы он не достал губы, и он впился в шею, да так, что холодок пробежал по спине. Руками я пыталась оттолкнуть его, но упорно молчала, потом в процессе безмолвной борьбы опустила голову и быстренько начала дожевывать мандарин. Он так крепко держал меня, что после на моих руках долго красовались поставленные им маленькие синячки.

— Что же ты упираешься? — шептал он, торопливо и грубо целуя, встряхивая меня всякий раз, как я делала попытки сопротивления. Я прекратила жевать, боясь, что поперхнусь от этих его встряхиваний, и молчала, моля небо лишь о том, чтобы хоть кто-нибудь появился поблизости. Его руки мяли мои волосы, он, целуя шею, с шумом вдыхал их запах, ему, похоже, нравилось, что я сопротивляюсь беззвучно, словно разрешая целовать себя. Когда я уже всерьез решила послать ко всем чертям воспитание Анны и плонуть ему в лицо, небеса вняли моим молитвам, и крепкая хватка внезапно ослабла. Взгляд его, брошенный через мое плечо, горел недовольством и... страхом или испугом. Я оглянулась, увидев бегущую к нам Клементину. Пока она приближалась, я успела проглотить мандарин. Повернувшись к Николо, я сухо сказала:

— Больше никогда, сударь, не приближайтесь ко мне. Иначе, клянусь, я на вас подам жалобу.

— Вам лучше быть помягче и покорнее, милая донна, — схватив меня за локоть и развернув к себе, зашептал торопливо дон Висконти. — Без меня вы никто, эти ваши дяди обкрадут вас и выбросят на улицу. Советую подумать хорошенько, прежде чем подавать прошение о разводе. Не стоит портить со мной отношения.

В это время к нам приблизилась Клементина, и дон Висконти умолк, отпустив меня. Я бросилась к девушке. Мне показалось, что в ее глазах была тревога и еле сдерживаемая ярость. Судя по всему, она испугалась за Анну, увидев ее в руках Висконти.

— Я повсюду ищу тебя, Анна, — пропела Клементина, быстро оглядывая нас своими жгуче-черными глазами. От бега хищные крылья ее носа раздувались, губы дрожали, хватая воздух. — Вы помирились? — порывисто спросила она, не успев отдышаться.

Я отрицательно покачала головой, с вызовом глядя на Висконти. Тот смутился и опустил глаза. Надо же, умеет в нужную минуту казаться скромным! Совершенно ничего не понимая, я потянула Клементину за руку, чтобы вернуться вместе к остальным. Клементина пошла было, но задержалась, чтобы сказать пару слов Висконти. Наверно, она хотела его обнадежить и приободрить, чтобы он не слишком расстраивался из-за строптивости ее сестры. Но старания Клементины были напрасны: никогда больше донна не вернется к мужу. Этот вариант был исключен, а после происшествия в мандариновой роще я и вовсе стала побаиваться Висконти.

Вся эта история с мандарином потом долго веселила меня, особенно когда я видела кислые лица Висконти и герцога, пострадавших от моего молчания.

Глава 11

Однажды, направляясь из мрачной столовой в солнечный кабинет, я узнала причину Катиной мечтательности и меланхолии. Я задумчиво листала книжку с миниатюрами, когда услышала смех Герцога и его быстрые шаги. Не знаю почему, но я мгновенно спряталась за дверью, словно меня помимо моего желания толкнула туда какая-то сила.

– Вы действительно думаете, что я настолько коварен? – спрашивал Герцог, влетая в столовую из коридора и резко оборачиваясь к следующему за ним человеку. Он тряхнул головой, и черные волосы упали на лоб, глаза блестели, рот кривился в насмешливой улыбке.

– Да, – услышала я тихий голос Кати и вскоре увидела ее медленно входящей в комнату. Она остановилась напротив Герцога, нерешительно поглядывая на него. Герцог снова хрипло засмеялся, и я увидела, как Катя вздрогнула.

– И вы действительно думаете, что я дьявол? – лукаво спросил он, подходя к ней и ласково дотрагиваясь руками до ее плеч.

– Сам Сатана не может быть изощреннее вас, – тихо сказала Катя, стараясь не смотреть на него.

– Вы обвиняете меня черт знает в чем из-за того, что я всего лишь ироничен? Или из-за того… – и Герцог приподнял Катино лицо за подбородок так, чтобы она смотрела на него, – что вы влюбились в меня?

Я застыла как вкопанная. Неужели Катя способна влюбиться в Герцога? Неужели все это время она мучилась именно из-за своей симпатии к нему – а я-то думала, она скучает по дому!

Я прислушалась. Катя помолчала, потом, словно собравшись с силами, спросила:

– Что вам до меня? Ведь вы привыкли только делать мне замечания, а хвалить Ольгу… Да и Ольгой-то ее уже не назовешь… – Катя ухмыльнулась. – Она вошла в свою роль так, что не может из нее выйти. А вы поощряете это! Вы строите преграды между нами!

– Вы злитесь, потому что ваш муж стал поклоняться иной dame?

– Вадик ведет себя, как ребенок, – устало проговорила Катя, – но меня больше беспокоит Ольга.

– Или то, что я, как вы выразились, поощряю и хвалю ее, а не вас? – глаза Герцога пытливо всматривались в Катино лицо, и он насмешливо щурился.

– Оставим эту тему, – вырвавшись из его рук, сказала Катя.

– Мне кажется, я совершил ошибку и увлекся, – печально сказал Герцог. – Мне нравилось играть с вами, но я, видно, зашел слишком далеко. Скажите мне сейчас, Катя, скажите честно, вы влюблены в меня? Поэтому вы так сердитесь на всех?

– Какое самомнение! – засмеялась Катя, но мне показалось, что она сейчас разрыдается. – Любить вас! Вы изощренный и лукавый тип, вас нужно бояться!

– Да, совершенно верно, – расплывшись в улыбке, заметил Герцог. – Но именно потому, что я такой плохой, вы и смотрите на меня? Вам же неинтересно общаться с моим святым братцем, вы тянитесь ко мне, Катя, Катя, Катенька…

– Замолчите! Я должна пердохнуть! Вы мне всю душу перевернули! Чудовище! – она поспешила прочь от него, но он ее поймал. Я хотела крикнуть, но звуки застряли в горле.

– Вы не простите меня за это никогда, – поворачивая к себе Катю, сказал Герцог, – но только так я смогу помочь вам.

Он прижал ее к себе и, крепко держа ее голову, запустив свои белые пальцы в темные волосы Кати, поцеловал. Я, наверно, в тот момент была похожа на крабика Себастьяна из мультфильма «Русалочка»: у меня от удивления отвалилась челюсть. Их поцелуй продолжался довольно долго, и Катя поначалу пыталась сопротивляться, но вскоре крепко обняла Герцога за плечи.

«Лукавый! Лукавый змей!» – гневно полыхая от стыда, думала я. Но самым невероятным казалось то, что я чувствовала ужасную, колючую зависть к Кате, словно в глубине души хотела оказаться на ее месте, в крепких и нежных руках Герцога. Наконец он отпустил ее. Катя тихонько отступила в сторону.

– Идите к себе, – приказал тихо Герцог. – Поспите, вам станет легче.

Катя развернулась и убежала прочь. Свет из кабинета озарял профиль Герцога, который смотрел ей вслед, задумчиво крутя на пальце темный перстень.

– Я само совершенство, не правда ли? – спросил он то ли самого себя, то ли меня, потому что я почему-то не сомневалась, что он знал о моем присутствии. – Я спас бедную девочку. Мне стоит поставить памятник, – и он засмеялся тихим хриплым смехом, зловещим и таинственным.

Я постояла еще некоторое время в своем убежище, когда он ушел, потом тихонько вышла. Подниматься к Кате в комнату не решилась. Меня мучила совесть за ту зависть и ревность, что я испытала несколько мгновений назад.

Я переживала только за Катю, за то, как она будет теперь вести себя с Герцогом. Впоследствии, когда Катя нашла в себе силы рассказать мне о том происшествии (ох, как непросто мне было делать вид, что я о нем не знала), она сказала, что после того, как поднялась к себе в спальню, она упала на кровать и уснула необыкновенно счастливой. Когда же она проснулась, то исчезло чувство тревожной и мучительной любви к Герцогу, страх, смешанный с удовольствием при звуках его голоса, больше не терзал ее, она словно забыла о своем увлечении. Она помнила про поцелуй, но для нее он стал означать не начало романа (как она надеялась до сна), а его счастливое завершение. Так что впоследствии Катя общалась с Герцогом спокойно, даже шутила и так же участвовала в словесных дуэлях, но больше не испытывала страсти. И была ему за это благодарна.

Не знаю, как ему удалось привести Катю в чувство таким способом, но Герцог после этого стал казаться еще более странным типом, чем раньше...

Пока Катя безмятежно излечивалась от любви во сне, ко мне пришла Клементина. С ней я не стала обсуждать происшедшее, хоть она и спросила, в чем причина моей странной задумчивости. Как она часто это делала, Клементина, болтая, разбирала шкатулку с моими украшениями. Маленькое колечко с лунным камнем выпало, зацепившись за бусы, и закатилось под кровать. Клементина сняла с колен шкатулку и, поставив на постель, где сидела, полезла доставать кольцо.

– Посмотри, что лежит у тебя под кроватью! – испуганно воскликнула она, показав лежащий на ладони катышек из светлых волос, слепленных воском. – Это твои волосы?

– Наверно, – пожав плечами, ответила я. – Что с того?

– А то, что кто-то пытается навредить тебе! – Клементина обеспокоенно нахмурилась. – Ведь это же магия! Колдовство!

– Да просто капнуло со свечи, может, ветер замел под кровать... – беспечно предположила я.

– Нет, нет, это порча! Посмотри, как слеплены волосы! Просто свеча так капнуть не может, да и потом, их надо снять с расчески.

– Ты права, – задумавшись, сказала я. – Кому понадобилось делать это?

Мне было неприятно, но не более того. Я не слишком верю в магию, чтобы принимать все близко к сердцу, зато Клементина была всерьез обеспокоена. Поразмышляв над тем, кто бы мог это сделать, мы решили, что возможность была только у Николетты.

Но зачем девушке наводить на меня порчу? Не понимаю... Я долго колебалась: может, показать ей этот пучок с волосами и прямо спросить? Но Клементина отговорила: лучше, если Николетта будет думать, что он еще на месте, ведь не могу же я сейчас вернуть ее в Италию. Я согласилась, но после этого неприятного открытия больше не могла доверять девушке и уже

не общалась с ней так открыто и часто, как прежде. Этим я лишь усугубила свое положение, оставшись совершенно одинокой. Наша троица по разным причинам распалась, и теперь кроме Клементины меня редко кто сопровождал на приемы и прогулки.

Как-то раз мы договорились, что она придет ко мне на ужин. Герцог увез Катю смотреть представления, которые давались в честь праздника по всему острову в тех местах, где сохранились древние амфитеатры, а Вадик то ли тренировался с рыцарями, то ли ухлестывал за графиней.

Я велела Николетте накрыть стол в гостиной и отпустила к подруге в соседний дом. Там де ла Марш, похоже, собирал праздник, так как приглашал и нас, но у всех были свои планы на вечер, и мы вежливо отклонили приглашение. Николетта отправилась помогать подруге, пообещав прийти вскоре, чтобы убрать со стола после нашего тихого ужина. Я была рада избавиться от нее и не могла дождаться, когда она уйдет.

Сюрпризом в тот вечер стало то, что Клементина приехала не одна, а с Висконти. Заметив мое удивление, она, целуя меня, прошептала, что тот напросился поехать, потому что хотел поговорить со мной. Итак, вечер обещал быть далеко не самым приятным в жизни.

Я пригласила их в гостиную, Висконти разлил вино по бокалам.

– А где же фрукты? – спросила Клементина, садясь за стол.

– Николетта, наверно, оставила их на столике возле камина, – улыбнулась я и пошла за блюдом. Клементина бросилась следом помочь. Смеясь, мы поставили фрукты на стол и сели.

– Я хочу поднять бокал за то, чтобы вы поскорее помирились, – возбужденно заговорила Клементина. Она мне казалась в тот вечер нервной, а Висконти, напротив, был чем-то подавлен и, вопреки моим опасениям, не спешил уговаривать меня помириться с ним. Мы осушили бокалы, Висконти снова разлил вино. Непринужденно болтая, мы ели фрукты; я почувствовала себя немного легче, когда заметила, что Висконти не рвется вести беседу.

– А ты действительно очень похожа на мою сестру, – вдруг сказала Клементина.

Я замерла, пораженная ее внезапными словами. Стارаясь выразить на лице удивление, я посмотрела на нее. Лицо Клементины в один миг превратилось в лицо хищницы, опасной и жестокой, она улыбалась сарказмом, словно говоря: «Ну, как я тебя поймала!»

– Почему ты так говоришь? – вздрогнув, спросила я. – Что с тобой, сестренка?

– Я тебе не сестра! – резко отрезала Клементина, вскочив из-за стола. – Ты думаешь, что я настолько слепа, чтобы не отличить свою сестру от самозванки?!

– Я думала, что ты веришь мне... – с горечью прошептала я. Сердце бешено билось, я судорожно соображала, что делать дальше, но в отсутствие Герцога не знала, что предпринять. Поэтому решила притворяться донной Анной до последнего.

Клементина дико захохотала, возбужденно блестя глазами:

– Да, ты оказалась на редкость доверчивой лгуньей! Разве не парадокс? Тот, кто лжет каждый день, доверяет всем вокруг! Хахаха! – она заметалась по комнате, торопясь выложить все. – Ты так доверяла мне, что не стоило труда остановиться для тебя единственным другом, отодвинув остальных, посеяв в твоей душе подозрение и недоверие.

– И все же, Клементина, я не лгу тебе, – я старалась выглядеть как можно убедительнее, – я твоя сестра!

– Чертова с два ты моя сестра! – скривившись, ответила Клементина. – Моя сестра мертва!

– Почему ты так уверена в этом? – спокойно спросила я.

– Потому что это я убила ее!!! Я!!! – нагнувшись ко мне, прямо в лицо истерично выкрикнула Клементина. И снова захохотала, увидев растерянное и испуганное выражение на моем лице.

– Что, не ожидала? Думала, я бедная несчастная девочка? тихая и послушная? Она тоже так думала, моя святая сестренка, которая гниет теперь в лесу!

Я покосилась на Николо Висконти, но тот словно превратился в истукана и безмолвно наблюдал за бешенством Клементины.

– Почему ты говоришь мне это сейчас? – как можно спокойнее спросила я.

– Потому что ты не выйдешь отсюда, потому что скоро умрешь в страшных муках, потому что вино, которое ты пила, отравлено!

Кровь отхлынула от лица, я нервно вцепилась пальцами за край стола, словно хотела обрести опору. От дикого страха, накатившего, словно ледяная волна, закружилась голова. «Умрешь! Умрешь!» – стучало в висках.

– Она всегда была сучкой! Грязной надменной сучкой! Эгоистка! Святоша! – слова вылетали из ее рта словно плевки, и чем больше яда она выливала на меня, тем легче ей становилось. – Я бы все отдала, чтобы еще раз проткнуть ее гнилое сердце! Еще раз увидеть удивление в глазах! Рассмеяться в лицо и крикнуть, как сильно я ненавижу, как ненавижу!!!

От возбуждения она покрылась красными пятнами, губы дрожали, глаза горели неестественно, болезненно ярко. Она была дьяволицей, сущей сatanой, змеей, обвившейся вокруг меня. Я почувствовала жар и стала задыхаться от липкого страха, медленно и основательно пеленавшего меня, словно паук мууху в кокон, чтобы потом сожрать. В отчаянии я вскочила из-за стола, заметалась по комнате. Куда бежать? Где просить о помощи? Есть ли противоядие, способное помочь?

– Ты знаешь, мразь, как я убила ее? – она схватила меня за волосы, я не сопротивлялась. Оказавшись в том коконе страха, что сплела паучиха, я вдруг резко лишилась сил. – Я заманила ее в лес, на берег реки, и там, схватив ее вот как тебя, ударила кинжалом в грудь, – она ударила меня кулаком между ключиц. – Анна не подозревала, что я ненавижу ее, она была неприятно удивлена. Как медленно умирала эта сука! Я била ее ножом в грудь, била не переставая, а она все хрипела и пыталась остановить меня! А потом, потом я забросала ее камнями, раздробив ей одним из валунов пальцы на руках, потому что она гладила ими твои волосы, Николо… Но я не стану повторять того, что было… Ты умрешь иначе, ты умрешь в страшных мучениях!!!

Она дернула меня за волосы, я напрасно пыталась отцепить ее пальцы. С силой, которую я не подозревала в этой хрупкой девушке, она швырнула меня на ковер и, приподняв юбки, ударила ногой в живот. Я скрючилась на полу, в глазах потемнело, я задыхалась, но молчала, готовая убить себя сама. Как могла я довериться этой ужасной ведьме, как могла поверить? Друзья мои! Друзья! Придите на помощь! Где же вы?

Клементина, наслаждаясь своей победой, перевернула меня носком туфли на спину и наступила ногой на грудь.

– Этот удар поможет ускорить действие яда, – пропела она, с торжеством глядя на меня, свою поверженную соперницу.

– Ты сгоришь в аду, – прохрипела я, не в силах подняться.

– Нет, потому что я убила из-за любви. Почему ты молчишь, любовь моя? – повернулась она к Николо, вся красная от возбуждения. Мои страдания приносили ей невыносимое удовольствие.

– Ты меня пугаешь, Клементина, – Николо наблюдал за нашей борьбой, все так же сидя вполоборота, горестно скрестив руки на груди.

– Нам будет хорошо вместе, вот увидишь. Нам всегда было хорошо.

– Николо! Неужели вы позовите ей убить меня? – но я сразу поняла, что он меня не слышит. Он был погружен в созерцание рассвирепевшей Клементины.

Клементина и я, замерев, ждали, когда подействует яд. Я знала, что противоядия наверняка нет или уже слишком поздно, и покорно ждала окончания мучений, корчась от боли в животе. Мне было жаль только, что Катя и Вадик останутся теперь навсегда в этом времени и не смогут вернуться назад. Смерть пугала, но в тот момент стало резко все безразлично, словно я устала жить.

Клементина вытерла пот со лба, ей было жарко, и она, оставив меня лежать на полу, подошла к окошку и открыла его, пуская свежий воздух внутрь.

– Как душно, – прошептала она, вытираясь нашейным платочком, глубоко дыша. Ей действительно было нехорошо: она шаталась и задыхалась, пятна на лице приобретали все более яркий оттенок. Я потихонечку начала подниматься, но Клементина, вдруг издав жуткий вопль, налетела вновь, и не успела я ничего сообразить, как ее когти вцепились мне в шею.

– Аах! Ведьма!!! – искаженное злобой лицо Клементины было лицом горгоны Медузы, ее черные волосы напоминали змей. – Ты отравила меня!!!

Я ничего не могла сказать: крепко схватив ее за руки, я пыталась отцепить их от своей шеи, но Клементина, чувствуя, что умирает, видимо, решила забрать меня с собой и наваливалась всем весом, торопясь убить прежде, чем умрет сама. Я слабо понимала в тот момент, каким образом Клементина перепутала бокал с ядом, но теперь было ясно, что отравилась она, а не я. Из рта у нее пошла розовая пена, она начала задыхаться, и я, сбросив ее с себя, откалилась в сторону, кашляя и глубоко, с хрипами вдыхая воздух. Убийца донны Анны расплачивалась за свое злодейство, и расплата была жестокой. С воем, неестественно изгинаясь, она билась в судорогах, пытаясь подняться. Яд был так силен, что суставы Клементины выворачивало, она, вся красная от удушья, не могла даже позвать на помощь.

Какая ужасная смерть ожидала бы меня, окажись я на ее месте! Я уже думала, что она не сможет встать, но дьяволица вдруг вскочила и, схватив со стола нож для фруктов, с воем бросилась на меня. Я едва успела отползти в сторону, так как из-за тяжелых тканей платья была лишена преимущества. У нас снова завязалась борьба, но на этот раз я сопротивлялась изо всех сил, потому что вновь хотела жить. В глазах девушки горела жажда мести, в них полыхало адское обжигающее пламя.

Во время борьбы с Клементиной я посмотрела на Николо, взглядом призывая его на помощь, но он сидел неподвижно, созерцая нас словно издалека. Уж моей-то смерти он мог только порадоваться, вдруг осознала я. Он не станет помогать. Нож приближался к лицу, когда в комнату ворвались Вадик и Герцог. Увидев их, Клементина ощетинилась, как раненая волчица, и замахнулась, чтобы нанести удар. Герцог на лету успел схватить ее за руку, но если бы я чуть не отодвинулась бы в тот миг, нож все равно достал бы до шеи. Когда нож был выбит из рук, Клементина стала плакать и выть от боли. Похоже, что все ее внутренности сгорали, так дико она визжала, катаясь по ковру. Это было жуткое зрелище, и я спрятала лицо на груди у Герцога, который ласково гладил меня по спине, шепча слова утешения. Вместе с Николо, который наконец обрел способность двигаться, мы подошли к умирающей девушке. Она уже едва дышала, приоткрыв окровавленный пеной рот, черты лица были искажены, она больше напоминала старуху, чем молодую женщину.

– Достойное наказание, не правда ли? – спросил Герцог, и она с трудом перевела на него взгляд. – Ты поплатилась за жестокость, Клементина.

В его голосе было только холодное, равнодушное презрение. Он крепче прижал меня к себе.

– Николо, – еле слышно позвала Клементина, и Висконти, нерешительно посмотрев на нас, словно испрашивая разрешения, опустился на колени перед ней.

В затухающих глазах Клементины я вдруг прочитала глубокое отчаяние и боль.

– Ты!.. – прохрипела она, подняв руку, словно пытаясь сказать ему что-то важное. – Любимый...

Последние судороги пробежали волной по телу, и она умолкла. Только глаза погасли не сразу, словно горевший в них огонь теплился еще некоторое время после того, как душа покинула тело.

Неожиданная развязка потрясла меня. Секунды назад я прощалась с жизнью, теперь же стояла над бездыханным телом своей соперницы. Наклонившись, я заметила на ее губах высох-

шую розоватую пену, окаймлявшую пухлые губы. Николо молча сидел, не разговаривая ни с кем, пока Герцог не вернулся с де ла Маршем и еще какими-то людьми, видимо, испортив праздник нашим соседям. Те согласились с тем, что Клементина по ошибке отравила саму себя. Потом, видимо, понимая, что больше ему здесь делать нечего, Висконти поднялся и вышел.

— Так что же, Герцог, — спросила Катя, когда тело Клементины унесли. — Она убила свою сестру сама, а Висконти здесь ни при чем?

— Получается, так... — сухо ответил Герцог. Бедняга! Он все же потерял вторую племянницу и теперь понял причину смерти Анны. Стоило ли путешествовать во времени, чтобы понять, что убийцей был не муж Анны, а ее сестра! А мне было неловко после того, как он спас мне жизнь, что я подозревала в убийстве донны его самого.

— Но как же вы узнали, что она собирается убить меня? Ведь вы же уехали на спектакль? А ты и вовсе был во дворце? — спросила я у Герцога и Вадика, когда немного оправилась от шока.

— Мне прислали записку, в которой просили вернуться срочно домой, потому что Анне угрожает опасность, — ответил Вадик. — Я подумал, что это Герцог прислал ее, и немедленно приехал.

— Странно, — покачал головой Герцог, — но нас тоже догнал посыльный и передал письмо, где некто предупреждал, что донну собираются убить.

Он достал из кармана скомканную бумагу и развернул. Там действительно был призыв немедленно вернуться, подписанный тремя литерами «D.C.R.».

— Что бы это могло обозначать? — спросила я. Но остальные не могли ничего предположить.

— Возможно, тайный благожелатель, — пожал плечами Герцог.

— Так значит, — спросила Катя, — Николо и Клементина были любовниками? И собирались пожениться после смерти донны?

— Об этом мы расспросим Висконти. Он должен дать нам объяснения, — сказал Вадик, поднимаясь со стула.

— Будет прекрасно, если слухи об измене распространятся по всему Кипру, — Герцог многозначительно посмотрел на Катю. Та понимающе кивнула.

— Это будет еще один аргумент в пользу развода.

Я провела рукой по шее и поняла, что у меня останутся синяки от железной хватки Клементины. Не столь большая расплата за чудесное спасение от двух смертей — яда и кинжала, что угрожали мне этим вечером.

Теперь мы знали, где лежит тело донны Анны. Герцог и Август сразу засобирались в Италию.

— Подождите, — сказала я, увидев, что они рвутся в путь. — А как же мы?

— А вы постараитесь получить развод, донна Анна. Иначе Висконти получит все состояния д'Эсте и главное — ожерелье.

— То есть вы, что же, оставляете нас здесь одних, пока будете искать могилу вдоль реки в лесу? — Катя не верила своим ушам.

— Это недолго, — заверил нас Герцог. — Главное, вы должны развестись с Висконти и выведать, где находится ожерелье. И, конечно, не упустить из виду друг друга. Вы справитесь, я не сомневаюсь. Главное, держите рядом отца Джакомо и графа де ла Марша, это люди надежные, они не дадут вас в обиду. Вы, донна Анна, должны добиться патронажа короля.

— Таким же способом, как патронажа сира Анвуайе? — иронично спросила я.

— Упаси вас Бог, сударыня, — строго сказал Август. — Король — это король, и нет никого выше него, кроме Бога. Он подает пример всем своим подчиненным и служит эталоном в битве,

вере, правлении, жизни... Он любит королеву и верен ей, ваша красота не будет им замечена, ибо он зрит высшие материи...

— Как высокопарно, Август! — оборвал брата Герцог. — Он такой же человек, как и все, со своими слабостями и недостатками. Но вы, донна, должны будете заинтересовать его чем-нибудь другим. Он действительно не склонен бегать за вами, как Анвуайе.

— И хорошо, — заметила я. — Мне даже спокойнее будет.

— Так мы можем оставить вас ненадолго? — братья-близнецы испытующе посмотрели на нас.

— Может, все-таки кто-то из вас останется? — робко попросила я.

— Вы, Катя, остаетесь за главную, — шутливо потрепав девушку по плечу, сказал Герцог. И мне вдруг так ясно вспомнился их страстный поцелуй в столовой, что я покраснела и опустила глаза.

— Что значит, главной? — воспротивился Вадик.

— А то, что вы с донной — горячие головы, а Катя вас всегда сможет остудить. Я хотел бы, чтобы все решения вы принимали сообща. Одна голова хорошо, а три отлично, но Катя будет контролировать слуг и финансы, вы, донна Анна, без лишних хлопот сможете заниматься разводом и интригами, Вадика я попрошу вас охранять. Никто не знает, насколько Николо жаждет избавиться от вас. Вам может угрожать опасность, будьте бдительны, не оставляйте Анну одну. Мы отбудем завтра рано утром и вернемся очень скоро. Вот увидите, вам не о чем беспокоиться.

Мы отпустили их нехотя, только получив заверения о скорейшем возвращении. Никто из нас не испытывал желания оставаться среди совершенно незнакомых людей без поддержки братьев, но они дали ясно понять, что в Неаполь мы не вернемся, пока не разведем донну и Николо.

Я поднялась к себе, но долго не могла заснуть: мне все казалось, что Клементина продолжает душить меня, простины обжигали кожу, я ворочалась и вздрагивала, замирала, мне мерещилось, что в комнате кто-то есть. Я впервые стала свидетелем смерти и была глубоко потрясена происшедшим. И мне все казалось, она оживет и придет ко мне, чтобы завершить начатое. Волосы вставали дыбом, по спине пробегал холодок, меня словно придавливало к кровати, и я отчаянно таращилась в темноту, ожидая увидеть силуэт девушки, чьи волосы были завиты в мелкие кудряшки-змейки. Наконец, не выдержав, я вскочила и побежала в комнату к Кате; к счастью, та спала на самом краю кровати, и я спокойно улеглась на свободное место. Едва лишь голова коснулась подушки, я крепко заснула.

Утром, когда мы спустились завтракать, Герцога и Августа уже не было. Стоило выйти из дома, как мы осознали, что поступили легкомысленно, отпустив их. Весть о том, что вероломная сестра пыталась отравить донну Анну, уже облетела всех, мы с Николо были объявлены жертвами, и нам глубоко сочувствовали. Катя же старательно разносила сплетню о том, что сестрица была любовницей мужа. Я подумала, что донна Анна, хоть чуть и не стала жертвой сестры, должна была все же скорбеть о ней, и облачилась в траур. В день похорон, перед тем как выйти, я раскрошила несколько луковиц, поэтому покинула дом, обливаясь слезами. Моя хитрость удалась, и донна Анна стала известна своим добрым сердцем, потому что искренне оплакивала сестру, простиив ее во всеуслышанье перед тем, как гроб опустили в землю. Николо стоял тут же, рядом с женой, и все подумали, что испытание, которому подверглись эти двое, соединило их и примирило. Висконти сначала с недоверием смотрел на залитое слезами лицо донны Анны, но когда та, опираясь на руку подруги, пошла к паланкину, он догнал ее.

— Донна, я не имел возможности поговорить с вами...

— Позже, дон Висконти, — сухо ответила донна, — дайте мне время прийти в себя.

Она и Катрин Уилфрид поехали в паланкине, муж Катрин, осклабясь при виде растерянного Висконти, последовал за ними верхом на лошади.

Нанимая суда итальянцев, король готовился покинуть Кипр в феврале месяце; споры между пизанскими и генуэзскими заимодавцами задержали отплытие до конца мая. Флот, совершивший разведку возле берегов Африки, должен был проследовать в Лимассол, чтобы праздновать Троицу, когда штурм, пришедший с юго-запада, рассеял корабли по всему побережью Акры, и пришлось ждать начала июня, прежде чем выйти в открытое море. Был конец мая, все изнывали от нетерпения отправиться в поход.

После похорон Клементины наш дом выдержал столько визитов, сколько не было и за все те месяцы, что мы прожили в нем с Герцогом и Августом. Ко мне шли бесконечным потоком знакомые и незнакомые люди, и было всякий раз страшно принимать их, следить за своим французским, манерами, движениями, строго соблюдать все правила и приличия, контролировать себя. Кроме того, я никогда не отличалась особой общительностью, поэтому вести разговоры с незнакомыми людьми, да еще и на старофранцузском было нелегко.

Спасала Катя: она выходила к гостям с самой естественной из всех улыбок, с легкостью уводила темы разговора от опасных подробностей и вопросов, легко намекала гостям, что им уже пора уходить. Я смотрела на нее, и хотелось крикнуть ей: «Верю, верю!»

Катрин Уилфрид оказалась такой милой, душевной и общительной, что дамы были от нее без ума. Они наперебой обсуждали с ней моды, сплетни, новости, а донна Анна в это время могла передохнуть и собраться с мыслями, пока внимание гостей вновь не переходило на нее. Донна Анна носила траур по сестре, поэтому не посещала приемы и праздники при дворе, но это не мешало ей быть в центре событий. Моя персона стала второй по обсуждаемости после короля, и – не на это ли рассчитывал Герцог? – король как-то раз пригласил меня к себе. Я шла к королю под руку с графом де ла Маршем, который вызвался сопровождать меня, и чувствовала, что вот-вот потеряю сознание от напряжения.

Фигура короля всегда казалась мне особенной: в моем представлении, то был человек недоступный для простых смертных, надменный, властолюбивый и строгий, тонкий интриган и опытный политик. Но, узнав поближе Людовика IX, я поняла, что он совершенно другой. Наш разговор больше был похож на непринужденную болтовню двух знакомых, хотя при этом мы строго соблюдали все надлежащие для подобного случая правила. Разве что одно удивило: король посадил меня в кресло напротив и, разговаривая, не смотрел свысока, а даже немного наклонялся, словно заглядывая в глаза. Я несколько раз умолкала, удивленная подобным движением монарха. Он вызвал меня, чтобы поговорить о разводе, слух о котором, вместе с остальными сплетнями о донне, дошел и до него. Король стремился разубедить меня, говорил, что брак, одобренный в церкви, закреплялся на небе и сохранялся до конца жизни, на что я, намекая на неверность мужа, отвечала, что подобные браки должны сохраняться и в душе супругов, если же один из них неверен, а пыл другого остыл, то сохранение брака было бы дважды лицемерием, а это грех. Людовик пристально изучал меня во время разговора, и под конец даже стало казаться, что вся беседа – это часть некоего допроса, в результате которого он должен вынести свое суждение обо мне.

– Вы ведь родились на юге Франции? – резко меняя тему, спросил он. Я заметила, как де ла Марш тревожно заерзал на кресле.

– Нет, сир, в Италии, но меня рано увезли во Францию, поскольку мой кузен Обер взялся воспитать меня после смерти отца, – невинная, как овечка, донна Анна смотрела на него небесным взором своих серо-голубых глаз.

– На юге Франции много лет процветает ересь, войны велись и ведутся даже сейчас. Как вы относитесь к альбигойцам, донна?

— Я к ним не отношусь, — я сделала нетерпеливый жест. — Сир, я католичка, в нашей семье никто не был связан с какой бы то ни было ересью.

Кажется, короля мой ответ удовлетворил. Он больше не возвращался к подобным вопросам и стал расспрашивать меня об Италии. Я с удовольствием рассказала про Неаполь, начиная с описания самого города и заканчивая особо произведшим на меня впечатление собором, где хранилась кровь святого Януария. Людовик сказал, что слышал от своего брата, что донна занимается благотворительностью. Донна Анна смиленно ответила, что то, что она помогает некоторым семьям, нельзя назвать благотворительностью и заботой о ближнем. Она лишь пытается сделать хоть кого-то более счастливым, и если Богу было угодно обеспечить ее всем, то она благодарна ему за это: у нее есть чем поделиться с людьми.

Сама я не совсем одобряла благотворительную расточительность донны, которой меня заставлял заниматься Герцог. Даже здесь, на Кипре, по вечерам у ворот собирались стаи нищих и попрошаек, и повар раздавал им еду, а донне приходилось подавать на пропитание направо и налево. Но в тот момент слова слетели с моих губ, будто ждали там своего часа. Королю скромность донны пришла по вкусу, я заметила легкую улыбку, скользнувшую по его губам.

Когда мы шли домой, я спросила де ла Марша, как он думает, почему король вызвал меня и задавал такие вопросы. Де ла Марш ответил:

— Скажу вам чистосердечно, донна, как думаю, но могу ошибаться. Несомненно, некто из влиятельных особ недоволен вашим присутствием на Кипре. Кому-то сильно не по душе то, что вам уделяется столько внимания в городских сплетнях. Будьте осторожны.

Глава 12

Было очень жарко, и когда я наконец вошла в полумрак дома, прижалась к прохладной стене с облегчением. Катя сидела в кабинете, она заложила закладку в книгу, которую читала, и я рассказала про визит к королю.

Она ждала меня одна: Вадик пропадал в компании графини Артуасской, которая разгоняла скуку поклонением Уилфрида. Нам с Катей Вадик казался шутом, которого графиня держала при себе специально, чтобы позабавиться. Вадик действительно вел себя странно, полностью посвятив себя служению этой Даме. Не то, чтобы графиня была некрасива… но все же мы решили, что главным побуждением к подобному поведению является не красота графини, а желание Вадика во всем следовать пресловутым рыцарским кодексам.

– Донна Анна, – в дверях кабинета показалась Николетта, – к вам пришел герцог Бургундский. Передать ему, что вас нет?

С герцогом Бургундским я виделась в последний раз на похоронах Клементины. Мы не разговаривали, а лишь кивнули друг другу в знак приветствия. Что могло привести его вновь к дверям моего дома? Ведь я думала, что холодность, с которой я всякий раз встречала его, должна была герцога оттолкнуть.

Герцог Бургундский вошел в кабинет, поклонился мне, потом Кате и, к моему удивлению, сел возле нее сразу, как только я пригласила его присесть. Любопытно…

Я устроилась в самом дальнем кресле, чтобы посмотреть, как он выйдет из такого положения. Но было похоже, что он пришел не ко мне, а к Кате. По его изысканным и путанным фразам я не сразу распознала, в чем состояла суть дела, а когда поняла, то, вскочив, пересела сама поближе, чтобы участвовать в беседе.

Неслыханно! Вадик настолько увлекся своей игрой в рыцари, что попросил де ла Марша взять его под свое начало! Видимо, на это его толкнули постоянные упреки графини Артуасской, говорившей, что ей прислуживает не рыцарь, а паяц. Де ла Марш, уже достаточно обремененный рыцарями, не стал брать Вадика, но и отказывать ему не посмел – все же Вадик был единственным англичанином, прибывшим на остров, и, хоть и не был рыцарем, тренировался со всеми наравне. Хитрый граф поручил его герцогу Бургундскому, а тот, прекрасно понимая, что Вильямом Уилфридом движет желание понравиться графине Артуасской, решил прийти к его жене, чтобы узнать ее мнение по этому поводу. Если Катя откажет, то откажет и герцог, таким образом, Вадик окажется в еще более смешном положении, чем прежде. Но если он станет оруженосцем герцога, то впоследствии тот посвятит его в рыцари, и Вильям будет служить герцогу и Франции, сможет присягнуть на верность королю, участвовать в походе, служить своей Даме…

Катя слушала его спокойно, с непроницаемым лицом и восхитительным достоинством, а я еле сдерживала себя, чтобы не встремлять в их разговор. Ясно было, что Катя попросит герцога отказать Вадику, но как?

– Благодарю вас, герцог, за то, что вы сочли необходимым узнать мнение супруги Вильяма, – раздался Катин голос, когда герцог умолк и наклонил голову в знак того, что она может повелевать им. – Думаю, что будет несправедливым лишать моего супруга удовольствия служить вам и французской короне…

Я и герцог удивленно уставились на Катю. Моя однокурсница в тот момент была похожа на величественную королеву: длинные рукава верхнего платья свисали с ручек кресел, где лежали руки, голова была высоко поднята, она сидела прямо и холодно улыбалась, читая в наших глазах удивление.

– В конце концов, им движет желание служить графине Артуасской, ведь так? Думаю, что надо дать ему возможность выслужиться. Нет ничего слаще запретного плода. Разрешив

ему преклоняться перед нею, я сделаю этот плод горьким. Только об одном прошу, герцог, и надеюсь, моя просьба будет услышана.

– Все, что пожелаете, сударыня, посчитаю за честь служить столь мудрой женщине, – ответил герцог.

– Не торопитесь посвящать его в рыцари. Пусть побудет у вас оруженосцем.

– Но вы же понимаете, сударыня, что я смею считать его своим другом...

– Да, несомненно, вы можете обращаться с ним как с рыцарем, но не торопитесь посвящать его.

Герцог понял. Пообещав Кате, что сделает все, как она сказала, он нас покинул, сдержанно попрощавшись со мной.

Я осталась недовольна его визитом. Неужели он все-таки обиделся? Я решила немного приободрить его – не могу сказать, что его поклонение не льстило самолюбию – в этом я была похожа на тщеславную графиню Артуасскую. Впрочем, кому из женщин не льстило бы поклонение такого благородного мужчины, как Гийом Бургундский? От одного его взгляда, обращенного на даму, та горделиво приосанивалась, потому что герцог обладал благородной, королевской красотой, которая редко встречается у мужчин. Это была не та красота, что проходит с годами, а шарм, который усиливается с каждой морщинкой, шрамом, седой прядью волос. А этот голос, низкий, бархатный, который, как легкий ветерок, ласкает слух, заставляет сердце биться чаще? Не потому ли все вокруг с таким уважением внимали его словам?

На следующее утро, пока Катя и Вадик были в церкви на мессе, я, сказавшись больной, осталась дома одна и послала слугу в дом герцога Бургундского с просьбой прийти к нам вечером на ужин вместе с де ла Маршем, хотя я знала, что графа в городе нет. Я написала записку сама, что было в первый раз, поскольку раньше за меня писала Катя, и приглашение подписывалось герцогом д'Эсте. Теперь же там стояло «Анна Висконти». Я рисковала, ведь герцог Бургундский мог знать почерк настоящей донны Анны и раскрыть меня, но я подумала об этом уже после того, как отослала слугу.

В доме было тихо, все ушли в церковь, я рассматривала картинки в часослове, который Катя оставила на столе, на душе было необыкновенно хорошо. День был солнечный, в рассеянном от занавесей свете тело нежилось в тепле. Я сидела полулежа, подперев рукой щеку, лениво листала книгу и с улыбкой думала о предстоящем приятном вечере.

Хлопнула входная дверь, я подняла голову, чтобы посмотреть, кто вошел. Обычно, если это была Катя, то она начинала с порога отчитывать Вадика, если Вадик, то он свистел какую-нибудь бравурную мелодию, если Николетта, то дверь хлопала еще громче, и она кричала «Я дома, госпожа!», если знала, что я одна, если же слуги, то они обычно покашливали и сопели на пороге. На этот раз было тихо. Я снова углубилась в чтение; возможно, дверь была плохо закрыта и хлопнула сама. Потом в гостиной раздались шаги, и я, отложив книгу в сторону, встала.

– Кто там? – спросила я, с тревогой вглядываясь в темную столовую.

– Это я, – и на пороге кабинета возник дон Висконти собственной персоной.

Вряд ли я могла выглядеть более испуганной и пораженной, если бы пол разверзся подо мной, и наружу через щель полезла пахнущая серой нечисть, а деревянные полы стали обугливаться от языков адского пламени. Я слглотнула комок, образовавшийся в горле от сильно подскочившего туда сердца, и запихнула сердечный механизм обратно в грудную клетку, где он забился, как пойманная птичка. Вот уж кто действительно был пойман, так это я... «Спокойствие, только спокойствие», – как говорил один тип с пропеллером. О, ему конечно, было хорошо, этому типу, ведь он только и делал, что ел варенье... Что бы с ним было, увидь он перед собой этого буйнопомешанного? Ибо из-под низкого лба Висконти на меня смотрели глаза сумасшедшего, он был возбужден, словно решился на отчаянный шаг.

— Чем обязана? — сухо и холодно произнесла я, еле справившись с волной страха.

— Вы не пришли сегодня на службу... — дон Висконти явно ожидал увидеть еще кого-то в комнате и был удивлен и обрадован, застав меня одну.

— Я неважно себя чувствую, — зачем-то объяснила я и действительно почувствовала, как по спине пробежал неприятный озноб. — А что вас заставило отложить разговор с Богом?

— То, что его отложили вы. Я подумал, раз уж мы пообещали друг другу быть всегда вместе, в горе и радости, пока смерть не разлучит нас, то я должен быть рядом с вами, — он явно старался, чтобы его речь звучала спокойно, но слова были налиты свинцовой тяжестью. Каждый шаг, который он делал мне навстречу, вызывал болезненный, бешеный кульбит моего сердца. А улыбка показалась и вовсе оскалом радостного садиста, готовящего неприятную пытку.

— Напрасная забота, — пожала я плечами. — С чего вдруг такая обеспокоенность моим состоянием? Помнится, совсем недавно вас устраивало то, что вы вдовец, и воскрешение жены вам явно пришло не по вкусу.

— Вы до сих пор не можете мне этого простить, не правда ли? — Николо Висконти, не дожидаясь приглашения, сел в кресло и развалился в нем, посматривая на меня, как хозяин на слугу. Почувствовав себя глупо, я тоже села, хотя внутренний голос (или голос донны?) кричал: «Беги!»

— Конечно, и еще то, что вы соблазнили мою сестру!

Висконти расхохотался.

— Соблазнил! Я!

Его веселье удивляло.

— Я как раз пришел рассказать вам, сударыня, скольким вы мне обязаны и какой на самом деле была Клементина. Эта девчонка была совершенной противоположностью своей сестре. Если донна Анна была ангелом, сошедшим в этот мир случайно и воплотившимся в смертную женщину, то Клементина была сущим дьяволом, волчицей в овечьей шкуре. Когда я женился на донне, я женился по любви, меня привлекал этот ангелочек без крыльев, но вдобавок к нему я оказался отягощен чертенком Клементиной, которая, скучая в Неаполе, вдруг вбила себе в голову, что влюбилась в меня. Я мужчина, сударыня, сопротивляться женским чарам мне не под силу, особенно когда меня преследуют в собственном доме днем и ночью со страстью Везувия, не утихающей ни на миг. Это она соблазнила меня, маленькая колдунья, да так, что какое-то время было очень удобно жить с ними двумя, с огненной страстью одной и холодной покорностью другой. Донна Анна была прекрасной супругой, не могу сказать ничего против нее, и я жил бы так и дальше, но Клементина вдруг захотела избавиться от сестры.

«Подумай только, — говорила она, — мы больше не будем прятаться и выискивать скучие минуты для встреч, нам будет принадлежать вся жизнь».

Я не думал, что она решится на убийство сестры... Когда они пропали, я решил, что они действительно погибли, но потом, когда она появилась, я понял, что она все же сделала то, о чем мечтала. Не старайтесь убедить меня, что вы донна, — вдруг сказал он, поднимаясь с кресла и прохаживаясь по комнате. — Я знаю, что это не так.

Он был возбужден, оживлен, словно готовился к чему-то. Мне было неудобно следить за ним, и я тоже поднялась.

— Едва вы появились, я понял, чего хотят от меня дяди Анны. Денег. Наследства, которое она оставила в моих руках. Для этого им понадобилась женщина, похожая на Анну, и вы подходите на эту роль как нельзя лучше. Вы прекрасно подготовились, за одним исключением: вам неизвестно, как относилась ко мне Анна, и по одному жесту, по одному взгляду, брошенному на меня, я бы мог догадаться, что это она.

Я молчала, потому как утверждать, что я — Анна, казалось сейчас несусветной тупостью.

— Итак, вы незнакомка, с другим именем, с другой фамилией, претендующая на богатство, размеры которого вам, наверно, неизвестны. Я тоже не беден, но и не столь богат, ведь

теперь вам принадлежит и половина, предназначавшаяся Клементине. Но вам невдомек, сударыня, что вы, сыграв свою роль и добившись развода, станете не нужны герцогам д'Эсте, и они, уплатив вам скромное жалование, отправят вас восвояси. Я же предлагаю другой вариант.

Он остановился напротив.

– Какой же? – спросила я, с трудом найдя в себе возможность говорить. Он парализовал меня взглядом, возвышаясь надо мной, словно змея над кроликом, и мне вдруг очень захотелось, чтобы в дом вошел хоть кто-нибудь, потому что я казалась себе совершенно беззащитной перед этим мужчиной. В тот момент я пожалела, что, вопреки указанию Августа, не носила кинжала.

– Вы красивы, – он схватил меня за подбородок и резко повернул лицо к свету. Его пальцы надавили на щеки, отчего губы приняли форму утиного клюва. – У вас миленькая мордашка, и вы похожи на мою жену, и формы у вас, что надо, – он бесцеремонно пощупал мою грудь, в то время как я пыталась освободить лицо. Я гневно замычала и резко одернула его руку вниз, отступая на шаг, задыхаясь от возмущения.

– Как вы смеете!

– Вы могли бы продолжать играть свою роль и жить припеваючи, если бы согласились жить со мной. Вы наверняка бедны, раз пошли на участие в подобном фарсе, подумайте хорошенько!

– Вы все подсчитали, не правда ли? – негодяя, воскликнула я. Голос обрывался от гнева, я была обозлена. – Думаете, я шлюшка? Думаете, мне заплатили? Решили перекупить?

– Разве нет? – спокойно спросил Висконти. – Я заплачу куда больше. И вы получите благородного мужа впридачу.

Я едва сдержалась, чтобы не засмеяться. Благородство так и прет!

– Вам нужна я, дон Висконти, или деньги донны? Откуда мне знать, что вы не убьете меня, останься я вашей супругой?

– Мне нужно и то, и другое. А убивать вас мне незачем, более того, я уже спас вам жизнь.

– Что?

– Это я поменял бокалы, пока вы с Клементиной несли блюдо с фруктами. Она сразу поняла, что спорить с тем, донна Анна вы или нет, бесполезно, как только увидела вас. Могло возникнуть слишком много вопросов, благоразумнее было вас признать. Вы даже украли ее идею с отшельником, она не раз повторяла, что это была именно ее идея – чудесное спасение в хижине. Я не знаю, как вам это удалось.

У меня озnob пробежал по коже. Эту историю придумал Герцог!

– Что и говорить, вы копия моей жены. Даже интересно, во всем ли вы так похожи, – Николо с любопытством посмотрел на меня и продолжил разглагольствовать: – Она вынудила меня признать вас женой, стала вашей подругой, вы стали доверять ей. При этом она практически у вас под носом была моей любовницей и строила планы убийства. Но меня всегда пугала ее страсть и жестокость. Признаюсь, я побаивался болезненного блеска ее черных глаз, когда она расписывала возможные варианты этого убийства. Я посоветовал самый человечный из тех способов, что она предлагала, но вдруг осознал, что если однажды она разлюбит, то поступит со мной так же жестоко. И тогда я решил, что сперва должен устранить ее, а уж потом решить вопрос с вами. Поэтому, когда она подсыпала яд в ваш бокал, я переставил их местами, воспользовавшись тем, что она отвлеклась. Она поняла, что это я убил ее, когда посмотрела на меня перед тем, как испустить дух. Мне стало жаль тебя, девочка моя, пастушка!

– Какая еще пастушка! – у меня голова шла кругом.

– Ты наверняка бедная девчонка!

– Я донна Анна Висконти д'Эсте!!! – вдруг прогремела я, да так, что дон Висконти на секунду обомлел. – А вы мерзкий негодяй, да к тому же убийца моей сестры!

– Я спас вам жизнь, донна! – запротестовал Висконти.

– Вы не горели желанием спасать меня, когда я просила о помощи!

– В тот момент мне показалось, что избавление от вас обеих будет неплохим выходом. Однако же вы живы!

– Простите великодушно, что не желаю лезть в могилу следом за вашей любовницей!

Мне казалось, что он сходит с ума вместе со мной. Мы носились по комнате, разъяренные и отчаянно жестикулирующие, и любой, кто увидел бы нас в тот момент, мог, прищелкнув языком, сказать: «Ну, чем не пара! Милые бранятся, только тешатся!» Казалось, что мое сопротивление еще больше разъяряет Висконти, и он уже окончательно сомневался в том, примут ли я предложение стать содержанкой, и его хорошее настроение улетучивалось на глазах. Он мрачнел и зверел, но я тоже была крайне взвинчена и не понимала, чего может стоить мне его гнев.

– Ты донна Анна?! – взревел он, наконец.

– Да!!! – крикнула я ему в лицо.

– Ты моя жена?! – продолжил он, подступая.

– Да!!! А вы негодяй!!!

Он зажал меня в угол и, схватив в свои лапы, пытался обнять. Я упиралась руками в его грудь, пытаясь оттолкнуть. Дон Висконти снова схватил меня больно за волосы и прижал к себе. От него пахло потом и луком, я отвернулась, брезгливо морщась.

– Как хочешь, – пробормотал он, целуя меня в шею, – донна Анна так донна Анна. Хочешь быть моей женой, тогда будь покорной, как она. Если ты моя жена, то почему отвергаешь меня?

– Вы сами прекрасно понимаете, почему! После того, что вы мне рассказали здесь, после того, как предлагали постыдную роль содержанки, я не могу и не хочу быть рядом с вами! Я потребую развода!

– Ты не посмеешь! – он засмеялся. Я выскочила из угла, куда он меня зажал, и бросилась к выходу, но он одним прыжком преградил мне дверь.

– Куда-то направляемся, донна?

Я испугалась. Отступив к столику, схватила огромный бронзовый подсвечник и заняла в оборонительную позицию.

– И вы что же, убьете меня, донна? – шагая ко мне с раскрытыми руками, спросил Висконти. – Неужели у вас поднимется рука на безоружного человека?

– Если вы нападете, клянусь, я вас убью, – сказала я.

Он приблизился вплотную, а я стояла с этим подсвечником, словно приклеенная к полу, не имея сил отступить назад. Все так же широко раскрыв руки, он наклонился, подставив голову под удар.

– Бейте, – приказал он.

Я вопросительно уставилась на него.

Он повторил:

– Бейте!

Я не могла пошевелиться, чувствуя себя полной дурой с этим подсвечником в руках. Он, воспользовавшись моей растерянностью, выхватил подсвечник и отбросил в сторону. Бронзовый канделябр с оглушающим грохотом упал на пол.

– Есть только один способ проверить, моя ты жена или нет... – пробормотал он мне на ухо, обхватывая за плечи руками. Я сопротивлялась, но тщетно: он подхватил меня и с размаху бросил на диван. От сильного удара головой о подлокотник в глазах на мгновение потемнело. Я закричала, ощущив тяжесть его тела на себе, начала отбиваться, зрение вернулось, и я увидела, как он ослабляет свой ремень.

– Нет! Пожалуйста! – слезы щипали щеки, голос охрип, сил хватало лишь на то, чтобы бесполезно трепыхаться под ним.

Навалившись на меня, он попытался зажать мне рот рукой, чтобы приглушить отчаянные вопли, но я укусила его за палец, и он на мгновение отпрянул, тут же снова бросаясь в атаку. Но той секунды мне хватило, и я, оттолкнув его ногами, ускользнула.

«Дрянь!» – тряся раненой рукой, заорал он.

Затягивая ослабленную шнурковку на груди, не веря своей удаче, я бросилась с криками о помощи к входной двери, но даже не успела выбежать из комнаты, как Висконти снова сбил меня с ног.

– Моя маленькая! – скорее кусая, чем целуя, мне шею и грудь, бормотал он. Потом схватил за волосы и приблизил мое лицо к своему.

– Ты не моя жена, – тихо сказал он, целуя меня. – Она всегда любила, когда я был жесток с ней. Она получала от этого удовольствие, – прошептал он мне на ухо, и я содрогнулась. Его рука поднимала юбки, он тащил меня к дивану. – Не брыкайся так, милая!

– Пусти, пусти меня! – кричала я, лягая его, что есть силы ногами, прекрасно понимая, что меня уже ничто не спасет. И в момент, когда я уже совсем отчаялась, раздался громкий голос:

– Отпустите ее!

Николо повернулся вместе со мной, и я, болтаясь у него в руках, пытаясь отцепить его руки от талии, увидела стоящего в дверях герцога Бургундского. Я, наверно, имела тогда жалкий вид: растрепанная, с почти раскрытым грудью, измятым платьем, испуганная и заплаканная.

– Не вмешивайтесь, сударь! – зарычал Николо. – Это моя жена! У меня на нее есть все права!

Герцог бросил на меня взгляд, значение которого я не поняла, и испугалась, подумав, что он послушается Николо.

– Гийом, умоляю вас! – хрюплю крикнула я. Одного моего возгласа было достаточно, чтобы герцог решительно вошел в комнату.

– Отпустите ее, – ледяным тоном повторил он.

Висконти отбросил меня на диван и взялся за меч. Герцог спокойно обнажил свой. Рывком затянув на груди шнурки, я бросилась между ними.

– Нет! Вы с ума сошли! Прекратите! Гийом, – я с ужасом представила, как они будут крошить друг друга и мебель в этом доме. – Гийом, ради меня, умоляю, уберите меч!

– Ну же, герцог! Что же вы колеблетесь! – Висконти, казалось, радовалась перспектива драки.

Я, умоляюще глядя в лицо герцога, коснулась его плеча и, скользнув по руке, дотронулась до кисти, сжимающей меч. У меня в голове в тот момент была такая мешанина, что мысли, словно фары далеких машин, мелькали и исчезали в темноте. Вся эта ситуация казалась и страшной, и смешной, и невероятной одновременно, и я не знала, читаю ли роман или действительно стою между двумя вооруженными мужчинами, сдерживая порыв герцога заступиться за мою честь.

– Уберите меч, – произнесла я, встретившись с ним взглядом. Меня била сильная дрожь. Долго я не продержусь.

– Донна Анна!!! – раздались крики и топот, в комнату вбежали конюх, Вадик и Катя, они своим появлением прервали дуэль, и герцог, подчиняясь моей просьбе, убрал меч в ножны.

– Я вижу, что теперь, донна Анна, вы оказываете внимание герцогу, – слышаво протянул Висконти.

Герцог хотел было вновь броситься на него, возмущенный, похожий на величественного льва с косматой гривой, но я уже крепко держала его руку, сжимавшую рукоятку меча. Повернувшись к Висконти, на глазах у изумленной публики, вне себя от гнева, дрожа от пережитого потрясения, я процедила:

— Замолчите, Висконти! Вы и так показали себя трусом и мерзавцем, напав именно тогда, когда знали, что я буду одна. Я еще очень мягко поступаю, но прощать вас впредь не намерена. Я потребую от короля и Церкви права стать независимой от вас и позабочусь о том, чтобы никогда больше вы не прикоснулись ни ко мне, ни к моему имуществу. Это дом отныне закрыт для вас. Убирайтесь прочь!

Висконти побледнел от ярости и, скрипнув зубами, вышел. Я медленно повернулась к герцогу, держа его за руку, скорее, чтобы не свалиться самой, нежели чтобы остановить его.

— Благодарю вас, сир, за помощь и благородную выдержку. Отныне вы мой друг, и я прошу у вас прощения за то, что была порой так суха с вами. Я боюсь всех, потому что не могу доверять даже очень близким людям. Как видите, они порой оказываются чудовищами, — я все еще сжимала на груди ткани платья, чувствуя себя невыносимо жалкой в том положении, в каком оказалась.

— У вас, донна, прекрасные друзья, — деликатно глядя в сторону и придерживая за руку, пока меня не прижала к себе заботливо Катя, сказал герцог Бургундский. — Я пришел сюда, потому что вместе с вашим приглашением на вечер мне передали записку, в которой некто просил заступиться за вас. Я бросил все, донна, и пришел вовремя.

— Записка? — Катя, одной рукой поглаживая меня по спине, взяла из рук герцога листок, на котором было коряво написано: «Донна Анна в беде. Если вас действительно беспокоит ее судьба, прошу вас, приезжайте как можно скорее. Не медлите, герцог. D.C.R.».

— Опять этот таинственный D.C.R., который все о нас знает. Совершенно непонятно, как он понял, что Висконти хочет причинить Анне вред, — задумчиво сказал Вадик, глядя на записку так пристально, будто от его взгляда на бумаге должен был пропасть портрет моего анонимного застуপника.

— Достаточно было увидеть Висконти, чтобы понять, что он не собирается со мной вышиванием заниматься, — я поежилась.

— А может, это она? С чего ты взял, что это мужчина? — возразила Вадику Катя.

— Я, пожалуй, оставлю вас, и если ваше приглашение, донна, остается в силе, то вечером я приду проведать вас.

— Приходите, герцог, — в первый раз искренне улыбнувшись ему, ответила я, прячась тут же у Кати на плече.

Через некоторое время, приведя себя в порядок и немного передохнув, я спустилась вниз к Кате и Вадику. Друзья, шумно ругаясь, выжимали в столовой сок из апельсинов.

— Ты попала мне в глаз! — орал Вадик, жмурясь, а Катя прыгала вокруг него с полотенцем, смоченным в воде.

— Прекрати орать и вертеться, я вытру тебе!

— Что? Мой глаз?!

Завидев меня, они немного успокоились. Вадик помог мне сесть за стол, чинно протянул первый стакан сока. Я была польщена таким вниманием. Видимо, сцена несостоявшегося изнасилования однокурсницы произвела на Вадика впечатление. Так и оказалось, только несколько иначе, чем я предполагала. Едва мы втроем уселись за стол, а Николетта, шумно ворча по-итальянски, убрала остатки апельсиновой бойни, Вадик произнес:

— Знаешь, а ты, когда Висконти и герцога разнимала, была похожа на картину, с этими, как их, самаритянками...

— Сабинянками, — поправила Катя.

— Ну да, теми, что римлян со своими мужьями разнимали, принеся детей на поле боя. Там такая блондинка в центре картины стоит, раскинув руками, полуголая, так вот...

— Можешь не продолжать, — вздохнула я. Он был неисправим! Даже после такого стресса при разговоре с ним хотелось смеяться.

— Я только хотел сказать, ты совсем неплохо смотрелась! — в глазах Вадика искрился смех, хоть он и старался казаться серьезным.

— Дай мне слово, что больше не останешься дома одна, — сказала Катя. — Ты вечно находишь приключения...

— Да будете просить — одна не останусь! — решительно сказала я.

На следующий день я сходила к отцу Джакомо, рассказала ему о нападении Висконти и наконец убедила его в необходимости развода. Теперь меня ждал долгий и мучительный процесс, а ведь нужно было торопиться: со дня на день все должны были отплыть в Египет, шли последние приготовления. По всему острову разбирали ранее сложенные на берегах бочки с вином, поставленные друг на друга, и их было так много, что издалека эти склады напоминали здания. Когда мы гуляли по окрестностям города, то замечали на полях словно нарочно сделанные горки с росшой на них густой травой. Это оказались припасы ячменя и пшеницы, которые насыпали на поля, накапливая королевский резерв. Со временем от дождя, долго поливавшего зерно, оно проросло, и видна была только зеленая трава. Теперь, когда его собирались везти в Египет, с этих гор снимали верхнюю корку с зеленою травой, и пшеница и ячмень оказались такими свежими, будто их недавно обмолотили. Король готовился к походу несколько лет, основательно запасаясь средствами и провиантом.

— Она была извращенкой! — сделала вывод Катя, когда я поведала ей о словах Висконти, что до сих пор звенели в ушах: «Она всегда любила, когда я был жесток с ней». Про совпадение легенды с отшельником я просто не могла рассказать друзьям. У меня на сердце скребли кошки от всей этой истории с близнецами. Не хватало еще, чтобы и ребятам все это показалось таким же странным и подозрительным, как и мне. Но я знала, о чем спрошу Герцога, как только увижу, и знала, что сделаю все, чтобы этот разговор был для него не из приятных.

— Возможно, ты не права, многие женщины, которые по жизни являются воспитанными, милыми и сдержанными, влюблются в грубых и никчемных мужчин, потому что восхищаются их возможностью выплескивать эмоции, не скрывая их.

— О, да ты просто знаток души Анны! — иронично воскликнула Катя. Я смутилась. — Насколько ты похожа на ту, кого играешь, Ольга? Тебе нравятся такие мужланы, как Висконти?

— Такие, как Висконти, мне не нравятся, и вообще, я не представляю себе отношений с мужчиной этого времени. Ведь это же прошлое, Катя. Здесь все немного не по-настоящему! Ведь это все было очень давно...

— А с мужчиной нашего времени? Ты, по-моему, к себе ни тех, ни других не подпускаешь.

— Они сами не подходят, — возразила я.

— Мне все это кажется сном, и я, всякий раз ложась спать, надеюсь проснуться в Москве. А когда засыпаю по-настоящему, мне снится универ, преподы, родные, и кажется, что там продолжает идти наша настоящая жизнь.

— Неплохой у нас коллективный сон получился, — усмехнулась я. — Меня вот уже один раз чуть не убили и один раз чуть не изнасиловали. Страшно подумать, что будет дальше...

Я сняла с ног туфли и прошлась по мягкому ковру босиком, разминая уставшие ноги. Мы долго гуляли по полям в то утро. Поймав снова свое отражение в зеркале, я вдруг удивленно уставилась на себя, словно впервые увидела. Женщина, которая стояла перед мной, была печальна, темно-зеленое платье заставляло ее светлые волосы ярче блестеть в солнечном свете.

«Тебе никогда не выйти из Зазеркалья, Анна», — вдруг грустно подумала я. Отражение слегка кивнуло.

— Как думаешь, мы еще долго здесь пробудем? — спросила Катя, кладя на стол ожерелье. — Я очень хочу домой, уже начинаю забывать, каково это, жить в XXI веке.

— Как думаешь, донна Анна любила герцога Бургундского хоть немного? — поменяла я тему, все еще вглядываясь в свое отражение.

— Почему ты спрашиваешь? — я поймала в зеркале Катин изучающий взгляд.

— Просто интересно, — пожала я плечами. — Я все больше начинаю задумываться над тем, какой именно была донна Анна, почему она вышла замуж за Висконти, а не за герцога... Подозревала ли о связи мужа со своей сестрой? Или для нее это действительно было неожиданностью? — я поежилась, представив похожую на меня женщину в руках Клементины. — Мне так жаль герцога, потому что он не знает, что донна, в которую он влюблен, давно мертвa...

— Мне никого не жаль, — ответила Катя, поднимаясь и подходя ко мне, чтобы помочь расшнуровать платье. — Они же все давно мертвы, Ольга, подумай над этим. Ты переживаешь из-за покойников!

— Ну, для покойников они довольно шустры, — возразила я.

— Милые дамы! — передразнивая Герцога д'Эсте, произнес Вадик, влетая с горящими от радости глазами к нам. — Перед вами стоит будущий рыцарь! Еще немного, и герцог Бургундский посвятит меня в рыцари, и я стану сэром.

— Поздравляю! — удивленно приподняв брови, сказала Катя. — Только мы скоро надеемся сlinять из этого временного измерения. Вас это не пугает, мой друг?

— Нет, не пугает, тем более что, судя по всему, нам придется ехать вместе со всеми. Отплытие назначено через пять дней. Вот так. Готовьте ваши саквояжи, сударыни!

— Как со всеми!

— Как через пять дней!

— Клуши мои! — ласково беря нас за плечи и усаживая на место, сказал Вадик. — Ну, не смогут донну развести с благоверным за пять дней, сейчас все о другом думают. Значит, единственный способ — ехать со всеми и доканывать Висконти там.

— Но Герцог и Август... — начала я, но Вадик прервал меня:

— Они велели тебе развестись с Висконти. Значит, ты все равно последуешь за войском. Может, они успеют к нам присоединиться, если же нет, то они знают, куда мы направляемся, и догонят нас.

— Да кто же нас возьмет? Ведь мы же женщины!

— Неужели вы думали, что королева и графини, а также все, кто последовал за своими мужьями, останутся на Кипре? Они тоже едут в поход! Это продвижение французов в Египет, которое не снилось Наполеону даже в самых кошмарных снах! Женщины, музыканты, дети — все едут на курорт. Египетские пляжи сейчас очень популярны.

— Но как мы поедем? На каком корабле? С кем? Надо было позаботиться обо всем заранее! — Катя захлопотала, открывая книги, куда скрупулезно записывала наши расходы. Вадик закрыл книгу, нагнувшись к ней.

— Не о чем беспокоиться, я уже обо всем позаботился и нашел нам неплохого туроператора! Все будет чики-пики.

— Именно это и внушиает мне беспокойство, — глядя на него, вздохнула Катя.

Конечно, то, что он обо всем позаботился, беспокоило Катю не зря. Вскоре выяснилось, что ничего не смыслящий в подобных делах Вадик перепоручил все заботы по подготовке герцогу Бургундскому. Корабль герцога с пятьюдесятью рыцарями на борту, их слугами и несколькими семьями оказался нашим домом на три дня путешествия. Нам с Катей была отведена просторная каюта, которая, как я подозревала, принадлежала герцогу, но тот упорно это отрицал. Вадик поселился вместе со всеми рыцарями под навесом и, казалось, тащился от этого.

Единственное, что успокаивало меня, это то, что на борту не было ни Висконти, ни Анвуйе, это вселяло оптимизм и веру в будущее. Стоит отметить, что после всего происшедшего

герцог никак не изменил своего отношения ко мне, был все так же порядочен и учтив, не позволяя себе больше, чем разрешал бы кодекс рыцарей. Он поклонялся мне необыкновенно красиво, его ухаживания не походили на грубое откровенное домогательство Анвуайе. Я начинала понимать, что кодекс рыцарей, хоть и считался обязательным для всех, был скорее врожденным благородством некоторых из них, нежели результатом обучения. Между Анвуайе и герцогом Бургундским пролегала огромная пропасть, но таких, как Селир, было, к сожалению, куда больше. Однако под строгим присмотром герцога даже самые буйные и отчаянные головы не смели приблизиться ко мне, и постепенно герцог Бургундский стал еще одним щитом, за которым я могла спрятаться в случае беды.

После первой неудачной попытки выступить в мае теперь все основательно готовились к отъезду, стекаясь в Лимассол. Из Никозии мы уезжали в числе последних, уже после того, как ее покинул король. В самом портовом городе остановиться было негде, и мы разбили шатры на небольшом холме, откуда открывался вид на море и порт, ощетинившийся тысячами мачт. Это было грандиозное зрелище: казалось, что корабли стоят вплотную друг к другу, так много их было. Первое выступление, произошедшее еще в начале мая, в результате которого корабли христиан были рассеяны по морю бурей, послужило на руку мусульманам: султан приказал укрепить главные портовые города в дельте Нила – Дамьетту и Александрию. Галеры-разведчики, наведавшиеся туда накануне, принесли неутешительную новость: теперь крестоносцев ждут подготовленные к осаде города.

Глава 13

Мы узнавали теперь все новости очень быстро и были в курсе событий, потому что отряд герцога расположился рядом с нами, и Вадик постоянно рассказывал о подготовке к отъезду. Мы же, пока все мужское население было занято горячечными сборами, напоминавшими подготовку невест к свадьбе, тратили свое время на долгие прогулки в сопровождении отца Джакомо и охраны, которую назначил герцог, не желая оставлять меня без защиты.

Отец Джакомо поддерживал и полностью был на моей стороне после того, как я рассказала про нападение Висконти. Он активно убеждал архиепископа де Бове, главного духовного сопровождающего в походе после римского легата, в необходимости развода. Но архиепископ оказался человеком упрямым и крайне вредным. Он меня ужасно раздражал, приглашая каждые три дня к себе и уговаривая вернуться к мужу, причем его вовсе не смущил тот факт, что Висконти напал на меня – напротив, виновной оказалась я, поскольку отказала мужу в законном праве обладать мною. Это настолько вывело меня из себя, что я заметила, что он, как лицо духовное и связанное обетом целомудрия, не может рассуждать о том, что является частью жизни простых людей. Я постаралась помягче выразить свою мысль – если ни хрена не смыслишь в семейных делах, не фига читать мне нотации – но, кажется, даже смягченная форма крайне возмутила де Бове. Прежде чем я успела сообразить, что совершила ошибку, у донны Анны появился новый враг, который из-за своей мстительности и упрямства оказался еще опаснее, чем ее супруг. Понимая, что действую на архиепископа, как красная тряпка на быка, я постаралась попадаться ему на глаза еще реже, чем прежде, но, увы, практически весь процесс развода зависел именно от него.

Я понимала, что развестись с Висконти – дело практически проигрышное. Церковь могла признать недействительным лишь тот брак, процедура заключения которого была нарушена. Но брак Анны и Николо был совершен при свидетелях, поэтому был законен. Я могла сказать, что меня к нему принудили, но это было сложно доказать. Еще одним вариантом получения развода был аргумент импотенции мужа, но с этим, как все знали после скандала в моем доме, проблем у него не было. Тот факт, что он грубо обошелся со мной при свидетелях и был любовником моей сестры (мы нашли свидетелей среди слуг), а также отказался сначала при свидетелях от меня, давал мало оснований для оспаривания брака. Я знала, что развести нас не могут, но нужно было добиться официального разрешения на отдельное и независимое проживание, что было теоретически возможно.

Мы каждый день поднимались с Катей на небольшую скалу, чтобы оттуда полюбоваться кораблями. В основном это были галеры, с многочисленными веслами, которыми они перебирали, словно щупальцами, ползая по поверхности воды. Они были сделаны в совершенно разных городах Европы и все были своеобразны и оригинальны: каталонские, нарbonнские, марсельские смотрелись чуть попроще, чем те, что были построены в Генуе, Пизе и Венеции. Большинство из них было сделано на заказ для похода и оплачено Людовиком, но были и наемные суда и даже частные, как то, на котором предстояло плыть нам. Даже издалека до нас доносился шум человеческих голосов: корабли один за другим заполнялись провизией, и некоторые уже выходили из порта, чтобы встать невдалеке на рейде и не мешать остальным кораблям передвигаться по бухте. До нашего отплытия оставался один день, когда, по воле судьбы, в нашей компании появился еще один персонаж, который очень скоро стал всеобщим любимцем.

Когда мы с Катей, отцом Джакомо и Николеттой гуляли по пляжу, то услышали жалобный плач, который привлек наше внимание. Было непонятно, кому принадлежит голос: зверю, птице или младенцу, но крики были такими жалостливыми, что мы бросились искать их источник.

На берегу среди высоких зарослей тростника стояла одинокая жалкая маслина – именно к ней привел нас плач. Едва мы подошли, Катя вскрикнула, показав на отвратительную картину: в песке и пыли, среди примятой травы, валялись растерзанные кошка и котенок. На них, должно быть, напала дикая собака или еще какой-нибудь голодный хищник и напала довольно давно – вокруг трупов тучами вились мухи и пахло падалью. Но крики, раздававшиеся с дерева, не прекращались. Подойдя ближе, сквозь редкую листву мы заметили маленького котенка, который жалобно плакал.

Один из слуг, что охранял нас, по моей просьбе снял малыша с дерева. Пушистый комочек опустился на мою ладонь и прижался к ней. Он был совсем маленьким, кремового цвета, с темно-коричневыми ушками, его глазки открылись совсем недавно, ходил он еще покачиваясь, а коготочки у него были совсем мелкие.

Картина произшедшего была ясна: мать, видимо, перетащила его сюда, спасая от опасности, и пошла за вторым котенком, но, возвращаясь, не успела вскочить на дерево... Сколько просидел здесь этот малыш, сказать было трудно, и мы поспешили напоить его козьим молоком, оставшимся с завтрака. Малыши всегда восхищают: с ними хочется играть, общаться, их полюбить проще, чем взрослых. Поэтому он сразу всем понравился, и я захотела его оставить. Сразу же стала проблема имени.

– Назовите его Артуром, – предложил Вадик. – Получится, что он с нами путешествует!

– Что за чушь! Надо какое-нибудь другое имя, – сказала я, гладя котенка по голове.

– Тогда Вигенциторикс! – выпалил Вадик.

– Не паясничай! – Катя взяла у меня из рук котенка и погладила его. – Он вовсе не хотел тебя обидеть, малыш! Плохой дядя!

– Логарифм! – напрягшись, выпалил Вадик.

– Да ты что! – я пришла в ужас. – Никогда не любила математику, а ты хочешь обозвать логарифмом это красивое создание.

– Точно! – озарило Катю. – Мы ж лингвисты, так давайте его назовем каким-нибудь термином! Прикольно будет!

И тут, напрягая память, мы начали разбирать самые страшные слова из нашей непростой студенческой жизни.

– Неологизм! Вульгаризм! Антоним! Культя звука! Интонация! – выеживался Вадик.

– Синтаксис! Диалект! Говор! Заемствование! Инфинитив! Историзм!

– Историзм – прикольно, подошел бы по обстоятельствам, но не звучит.

– Тогда эллипсис! – предложил Вадик.

– Ты хоть знаешь, что это такое? – спросила у него Катя.

– Знаю, но забыл, – не растерялся Вадик. – Ладно, назови его Синтаксис, и дело с концом.

Тем более, что на кис-кис похоже. Отзываться будет.

И мы назвали его Синтаксисом.

Второго июня мы свернули шатры и прибыли в порт, где наши вещи грузили на парусный корабль герцога.

– Как думаете, – держа на руках испуганного Синтаксиса, спросила Катя, – а Герцог д'Эстен найдет нас в Египте?

– Должен, – успокоил ее Вадик. – Он же поймет, что мы были вынуждены поехать вместе со всеми.

Герцог Бургундский, Вадик, остальные рыцари – все были при параде, одежда повторяла цвета их гербов, начищенные шлемы блестели на солнце, даже лошади заводились на корабль, накрытые попонами, на которых повторялся рисунок одежды хозяев.

Три больших королевских судна уже отошли от берега, когда мы закончили посадку. На одном из них был король со своей свитой. Королевские корабли носили названия «Сент-

Эспри», «Мон жуа» и «Парадиз», что в переводе означало «Святая надежда», «Моя радость» и «Рай», а корабль герцога Бургундского назывался «Модена» – скромное, практически никому не понятное название. Только мне оно говорило о многом: Модена – это город, где родилась донна Анна. Значит, все эти годы после разлуки с донной герцог не забывал ее... Какая же, наверно, необычна была эта женщина, раз могла привлечь к себе такого благородного рыцаря, как Гийом Бургундский!

Когда перед нами раскинулось море, возглас восхищения не мог не вырваться у меня из груди: вокруг, большие и маленькие, плыли галеры и парусные суда. Их было около двух тысяч, и мы все уходили, словно стая величественных лебедей, за горизонт.

С соседних кораблей доносились приказы капитанов, все шли в одной эскадре, и совсем не чувствовалось, что мы едем воевать: такое ощущение, что все просто решили совершить прогулку по морю.

Катю мучило от крыс, шныряющих по палубе. Просто удивительно, как эти грызуны умудрились проникнуть на корабль в таком количестве. Успокоил Катю Вадик, произнеся вдумчиво:

– Ты, Кать, не переживай, ведь если кругом крысы, то значит, корабль еще плывет...

Катя не нашлась, что ему ответить, но охать при виде крыс перестала.

В предзакатный час все паруса с красными крестами окрасились в нежно-розовые и золотистые тона, корабли приняли облик молчаливых мифологических животных, сходство со зверьми придавали и причудливые носовые украшения, которые словно тянули за собой весь корабль, устремляясь вперед. Облака, рядами уходящие вдаль, были раскрашены в фантастические цвета: глубокий фиолетовый переходил в синевато-фиолетовый, тот – в дымчато-фиолетовый, голубой, потом в серый, потом вспыхивало золото, переходящее во все оттенки красивого и затем снова возвращались фиолетовые тона. За угасанием неба можно было наблюдать бесконечно долго, и наша флотилия уходила вдаль, как будто взмывая к небесам, весла размежеванно двигались по краям кораблей, словно крылья, и мы ускользали от реальности, скрываясь в неизвестность и легенду.

– «Армада уходит в небо», – словно прочитала мои мысли Катя, стоявшая рядом.

– Чем закончится этот крестовый поход? – спросила я Вадика. Тот пожал плечами.

– Не помню. Но, по-моему, ни один из походов не принес ничего Европе.

– Только бы они продержались, пока мы с ними. Если на нас нападут эти жестокие мусульмане, то не станут разбирать, кто есть кто, а поубивают всех, – Катя поежилась.

– Да подожди ты о мусульманах переживать, – добродушно сказал Вадик, – ведь не доплыли еще...

Катя метнула на него убийственный взгляд, но промолчала; облокотившись на фальшборт, она смотрела, как под кораблем с шорохом расходятся волны, как летают зигзагами чайки с криками, то поднимаясь, то падая вниз. Они охотились за пищевыми отходами, которые кок выбрасывал за борт.

– Так хочется сочинить стихи, послушать мелодию, нежную, как этот закат, – задумчиво прошептала я, с наслаждением позволяя ласковому вечернему ветерку, нагревшемуся за день, играть с волосами. Сама я куталась в теплый плащ, держась рукой за фальшборт. Корабль мягко качало, от свежего морского воздуха кружилась голова, глаза слипались.

– Посмотрите, – Вадик указал на небольшие лодки, сновавшие между кораблями: – сообщение у них более чем налажено.

– Плынут друг другу в гости, – улыбнулась Катя.

– А эта лодка направляется к нам, – Вадик указал на одну из лодок, с которой обменивался знаками боцман. Я сонно проводила взглядом скрывшуюся за другим бортом корабля лодку. Там ее, кажется, шумно встречали, но я не проявила любопытства. Великолепный пей-

заж так завораживал, что просто не хотелось отрываться от него и вновь общаться с людьми. Достаточно было тех скучных фраз, которыми я обменивалась с друзьями; я не хотела вспоминать о том, где нахожусь, с кем, не хотела думать ни о чем другом, кроме того незабываемого заката.

Но шум приветственных фраз, голос герцога Бургундского отвлекали нас, и мы прошли вслед за Вадиком посмотреть на гостей.

Герцог, повернувшись ко мне, показался таким довольным и счастливым. На борт поднимались и наши знакомые, и те, кого мы видели впервые. Но радостный блеск, мелькнувший в зрачках седеющего льва, явно предназначался мне. Только позже я поняла, что впервые появилась перед ним с непокрытой головой, волосы разевались вокруг меня светлым ореолом, и герцог задумчиво наблюдал их парящий полет в слабом дыхании шаловливого вечернего ветра. В тот вечер герцог словно помолодел, и если бы не перец с солью в его волосах, я бы сказала, что передо мной стоял юноша. Впрочем, Гийому было тогда около тридцати семи лет, не больше, но тяготы жизни уже наложили на него свой отпечаток. Седина придавала его образу благородство, мудрость, величие. Он больше походил на короля, чем на его вассала.

Мы сидели на палубе: рыцари прямо на полу, женщины и более знатные сеньоры на принесенных из всех кают стульях и креслах. На мачтах возле нас матросы укрепили горящие факелы, их свет отражался в парусах, а если поднять голову выше, еще можно было разглядеть темнеющее небо и фиолетовые облака, гаснущие на небосводе. Загорались звезды.

В романтической обстановке возвышенных бесед, что велись в нашем кружке, лица окружающих меня людей казались печальными. И уж никак не походили их разговоры на распущенную ругань рыцарей, в компании которых мы совершили свое первое плавание из Неаполя на Кипр. Не знаю, сдерживало ли на этот раз наших кавалеров присутствие дам, или же то было общество более воспитанное. Однако, присмотревшись к нашим гостям, я узнала оруженосца, который так часто болтал с Николеттой, и его рыцаря – уже пожилого сеньора, довольно полного и неповоротливого, но, видно, очень доброго, заключила я, поскольку он постоянно вовлекал в беседу скромного и застенчивого юношу. Это было необычно, поскольку, как правило, оруженосцы помалкивали и учились искусству изящных бесед, прислушиваясь к остальным.

Когда в беседе возникла пауза, и все умолкли, полный рыцарь подтолкнул локтем оруженосца, и тот, смущаясь, достал из чехла лютню и заиграл торжественную музыку, которая как нельзя лучше подходила к тому вечеру. Но хозяин его, видно, остался не совсем доволен игрой.

– Что же ты, мальчик, язык проглотил? – спросил он, прервав через некоторое время игру оруженосца. – Спой нам что-нибудь!

Оруженосец побледнел и, опустив свой инструмент на пол, сказал, понурив голову:

– Смею ли я петь перед тем, кого прозвали Мастером среди трубадуров? Как может звучать мой голос, когда я буду знать, что Он вниМАЕТ мне, а не я Ему? Довольно того, что я своей игрой оскорбил его слух, а петь должен только Он.

– Но ведь ты знаешь, милый мальчик, что тот, кого ты по доброте назвал Мастером, уже давно не поет, – улыбнулся герцог Бургундский, посмотрев на де ла Марша.

– Да, – печально подтвердил граф, – ему на горло наступила изящная туфелька, и с тех пор ни одна песня не может сойти с его уст.

– А руки его так давно не держали инструмент, – продолжил герцог, – что не ему судить, плоха твоя игра или нет. Лично мне кажется, что ты играешь превосходно.

Я не могла избавиться от чувства, что весь этот разговор имеет отношение ко мне – все то и дело осуждающие посматривали на меня, хотя, возможно, то была игра света полыхающих факелов. Кто из присутствующих был Мастером, я не поняла, потому что лица всех выражали одинаковую скорбь и тоску. Но оруженосца этот разговор, видимо, приободрил, и он запел,

взял снова в руки инструмент, одну из «песен утренней зари» – о прощании влюбленных на рассвете, когда расставание неизбежно, а они не хотят разлучаться. Мне эта песня напомнила прекрасную сцену из «Ромео и Джульетты», где влюбленные спорят, кто поет за окном – еще ли это песня соловья или уже вьется над садами жаворонок.

Мальчик пел очень хорошо, нежно, и его голос был тонок, как у девушки. Он нарочно делал его более женским там, где пела дама, и менял на более глубокий, если отвечал ее кавалер. На соседних кораблях, мимо которых мы проплывали, словно обгоняя друг друга, можно было различить прогуливающиеся по палубе фигуры, откуда-то издалека раздавался хор, поющий гимны Деве Марии.

Многое, что казалось глупым, странным, неприемлемым в этом мире, в тот вечер растворилось во мгле, окутавшей нашу армаду, и остались лишь люди, такие же, как и в далеком будущем – немного грустные, немного веселые, но люди, а не доисторические ящеры, как мне казалось прежде. Я не чувствовала своего превосходства над ними, больше не было гордыни и легкого презрения, наоборот, я восхищалась их изящными речами и тонким музыкальным даром, легкостью, с которой они цитировали мудрецов прошлого, их даром складывать прекрасные песни и радоваться каждому дню. Дни здесь казались длиннее, чем в Москве, за день они успевали и отстоять долгие месссы, и потренироваться, и повеселиться. Мне казалось, что я сплю меньше, но усталости от этого не ощущала. Теперь с болью я вспоминала современных мне людей, их невнимание к окружающим, поглощенность своими мыслями, угрюмые лица, вечную спешку. Здесь не торопились никуда, и от этого даже дышалось легче.

Посмотрев на Катю, я увидела, что она мило беседует с одним из рыцарей. У него была густая светлая борода, длинные пшеничные волосы, забранные в тугой хвост. Они очень вежливо, но не без доли легкого флирта, обсуждали песню, которую только что закончил петь оруженосец. Их не было слышно в общем гуле голосов, поэтому я ограничилась лишь наблюдением за их мимикой и жестами. Катя рассказывала что-то, плавно водя кистями рук в воздухе, а он, опустившись на одно колено, внимательно следил за ней, почтительно глядя ей в лицо. Катя была в тот момент чудо как хороша. Я повернулась и поисками глазами Вадика, он-то должен был заценить сцену, но Вадик на ломаном французском – вот бы его слышала наша француженка! – пытался объяснить де ла Маршу устройство определенного вида катапульты, которую он видел на Кипре. Разглядывая их, я вдруг встретилась взглядом с герцогом Бургундским, и мне показалось, что в его глазах блестят слезы. Что с ним? Почему он вдруг так печален? Куда делась его радость, с которой он встречал гостей?

Я опустила взгляд и медленно поднялась с кресла, скрываясь во мрак ночи, плотным кольцом обступивший нашу компанию. Радость от приятного вечера покинула сердце. Я решила еще немного погулять по кораблю, а потом спуститься в свою каюту.

Облокотившись на фальшборт, я жадно вдыхала свежий воздух, который на море совершенно другой, нежели на суше, и сильнее куталась в плащ. Услышав шаги, я обернулась – ко мне приближался тот самый оруженосец, что пел нам. Он остановился невдалеке, словно не решаясь подойти ближе.

– Что с вами, сударь? – ласково спросила я его. – Вы тоже решили погулять в темноте?

– Донна, – тихо сказал оруженосец, – у меня для вас письмо с того корабля, где мой господин и я путешествуем. Но я не решаюсь отдать вам его.

– Почему? Там есть что-то, что может огорчить меня? – любопытство начинало овладевать мною.

– Не знаю, но боюсь, что вы осудите меня за то, что я взялся доставить его.

– Не вижу причин для осуждения, – я пожала плечами. – А вы, сударь, ничего не хотите передать моей служанке?

Моя вольность смущила парня.

– Донна! – тихонько воскликнул он, словно осуждая меня.

– Давайте письмо, – желая отрезать себе язык за болтливость, сказала я. Надо же так опростоволоситься! Стремясь смягчить неловкость, я заметила:

– Николетта себя очень плохо чувствует с самого начала плавания и не выходит из каюты. Учитывая то, что вы с ней общались в нашем прошлом путешествии, я подумала, что вы захотите пожелать ей выздоровления, только и всего.

– Мы все в руках Божьих, мадам, – смириенно заметил оруженосец. Спорить с ним было бессмысленно.

Я развернула письмо и с первых же слов, почти только по корявому почерку, поняла, от кого оно. А кто же еще мог писать такие отвратительные, безвкусные, с претензией на изящность слова? Кто еще мог желать, чтобы «Голубка» (я) «сбросила бы свое оперенье»? Представив себе ощипанную голубицу, я закусила губу, чтобы не засмеяться. Но остальные фразы были еще более отвратительны. Впервые в жизни я с удовольствием порвала письмо на мелкие клочки и отпустила кусочки бумаги за борт, желая в душе пустить туда же и дерзкого автора. Оруженосец понял по моему возмущенному виду, что письмо пришло мне не по вкусу.

– Мне не стоило передавать его вам? – спросил он.

– Да, нужно было порвать его и выбросить, едва оно попало вам в руки. Впредь, мой друг, поступайте именно так. Я прошу вас больше не доставлять мне письма от этого рыцаря.

– Я рад, что вы так поступили, – вдруг отважился юноша. – Сир Анвуайе не очень хороший человек.

– Это не вам судить, – отрезала я, посчитав, что он слишком распускает язык, и парень умолк, отступив в темноту.

– Не вижу оснований для беспокойства, Ваше Преосвященство, – возразил Людовик, закрывая шкатулку, куда только что убрал перо и чернильницу. – Вы сгущаете краски.

– Все знают, Ваше Величество, что женщина, про которую говорят, не может быть чиста во всем. Я уверен, донна Анна не исключение. Подумайте, она постоянно становится центром необычных происшествий: то нападение разбойников в лесу, то ненависть со стороны сестры, то обвинения со стороны мужа... – в голосе архиепископа де Бове звенел еле сдерживаемый гнев. – И вы так легко отказались от моего предположения о том, что она еретичка, только поговорив с ней.

– Это еще раз подтверждает, что эта женщина очень несчастна в жизни. Но вместе с тем она остается отзывчивой и уверенной в себе. Я бы на вашем месте восхитился подобной стойкостью.

– Эта женщина опасна. И меня не восхищает отсутствие в ней слабости, а пугает. Подумать только, ведь ее не останавливают даже священные устои брака! Эта женщина вознамерилась добиться развода и делает все, чтобы предать это наибольшей огласке. Если мы дадим ей развод, кто сможет гарантировать, что на следующий день тысячи жен не захотят уйти от своих супругов? Она извращает священные понятия брака и семьи!

– Но вы же знаете, Ваше Преосвященство, что здесь ситуация совсем другая. Дон Висконти сам отрекся от нее, ходили слухи о его связи с сестрой донны Анны, и потом, это скандальное нападение на донну в ее доме... – Людовику не нравилось повторять сплетни, он прекрасно знал, что все это известно архиепископу де Бове. Но тот был так агрессивно настроен по отношению к Анне, что король посчитал своим долгом вступиться за нее.

– Нет, сир, нет! Мы не должны потакать таким, как она, – напротив, их надо держать в строгих условиях и ограничивать их свободу. Женщины, подобные донне Анне, должны сидеть дома под замком, а не разгуливать среди народа, разлагая других своим влиянием.

– Что же вы предлагаете? Посадить свободную и самостоятельную женщину под замок? – король посмотрел из окна каюты на голубое небо.

— Я предлагаю отказать донне Анне в разводе и обязать ее жить с мужем, если же она откажется, то вынудить ее уйти в монастырь. Но на свободе она опасней и тысячи демонов. Я не ручаюсь за духовное спокойствие вашего воинства, если среди него будет эта женщина. Посмотрите, о ней уже все говорят: она путешествует не с мужем, а на корабле герцога Бургундского! Они ведь были знакомы еще до ее замужества! Разве это не оскорбляет ваш слух, сир? А как она говорит с мужчинами? Как с равными, без смирения в голосе, не опуская глаз! Она посмела противоречить даже мне! Все вы находитесь под влиянием ее чар, поэтому воспринимаете ее не так, как должно, но меня, слава Богу, ими не обмануть, не прельстить. Эта женщина лицемерна и лжива, и уверен, это настоящий ящик Пандоры в нашем походе. Мы еще погорюем по ее милости. Сир, прошу вас, вмешайтесь в это дело сейчас, пока не поздно!

— Хорошо, — вздохнув, ответил король. — Я разберусь в этом, как только у меня появится свободное время. Но сейчас, Ваше Преосвященство, я хотел бы, чтобы вы поговорили с ее духовным отцом и испросили его мнения об этой женщине. Думаю, что такой уважаемый человек, как отец Джакомо, ничего от нас не скроет, и вы еще раз понаблюдаете за донной Анной.

— Хорошо, сир, я исполню вашу просьбу, — архиепископ недовольно сжал кулаки: он надеялся на более быстрый исход дела.

Глава 14

На второй день плавания Николетте сделалось только хуже. Она ничего не ела и лежала на кровати, не в силах подняться, ее мучило и укачивало. Мы с Катей предоставили служанке возможность отдыха и очень повеселились, обучаясь искусству одеваться без помощи прислуги. Наряды дам были довольно просты по сравнению с теми корсажами и широкими юбками, что ждали их в будущем, но с непривычки одеваться было непросто.

Особое место в жизни средневекового человека занимала нательная рубашка. В XIII веке вошло в моду расшивать рубашки золотыми и серебряными нитями, жемчугом. Иногда из тщеславия сорочку, расшитую итальянским шелком и жемчугом, выставляли на всеобщее обозрение: проймы углубляли, открывали декольте, делали дополнительные разрезы в одежде. Церковь осуждала подобные наряды, но рубашка все же проглядывала в костюмах, и скрытые узоры невольно разжигали воображение. Женская сорочка имела небольшие отверстия по бокам, на уровне талии, в которые вставлялась шнуровка, – с её помощью рубашку затягивали, делая фигуру более стройной. В мужском костюме рубаха прикрывала колени, а в женском – доходила до щиколоток. Сорочкам приписывалось большое значение в жизни владельца. Считалось, что через рубаху можно околдовать и приворожить человека, во время болезни в рубашке не ложились спать из страха заразить ее, расставались с рубахой неохотно, предпочитая до бесконечности латать ее и перешивать. Рубашками обменивались в знак побратимства и любви.

Преданность сорочке невольно порождала вопрос о гигиене и чистоте. Увы, вынуждена признать, что люди в Средние века мылись очень даже нечасто. Это приносило больше всего неприятностей нам, привыкшим к чистоте и приятным запахам. Мы с Катей старались мыться чаще и чаще менять сорочки, заставляя Николетту привыкать к тому, что наши нательные рубашки должны пахнуть свежестью, а не потом.

Под сорочку надевались тонкие штаны, доходившие до щиколоток, а к ним подвязывались чулки. На ноги надевались либо туфельки, либо деревянные сандалии на высокой платформе, в которых было очень удобно ходить по грязи.

На сорочку надевали верхнее платье, котту. В меру широкая и длинная, котта шилась из яркой материи: в XIII веке предпочитали зеленый, голубой и красный цвета; если мужская котта могла быть длиной до щиколоток или до середины икр, то женская не только полностью закрывала ноги, но и имела небольшой шлейф. У любой котты были длинные узкие рукава, которые шнуровались от локтя до кисти или же пристегивались на множество мелких пуговиц, что было практичнее и, учитывая красоту и изящество исполнения пуговиц, декоративнее. Пуговицы переливались светом драгоценных камней, эмали, блеском благородных металлов. Были и такие фасоны, в которых рукава надевались и пристегивались отдельно у плеча, это давало возможность к одной котте надевать разные рукава, по настроению.

Мы с Катей ни разу не были этому свидетелями, но Герцог д'Эсте рассказывал, что, поскольку фасоны и покрой рукавов для мужской и женской одежды были одинаковы, ими охотно обменивались влюбленные, а на турнирах, постепенно превращавшихся в увлекательный спектакль, восторженные зрительницы прилюдно срывали с себя рукава и дарили их вместе с лентами и кошельками особо приглянувшимся бойцам. Увидеть это у нас возможности не было, так как во Франции рыцарские турниры находились под строжайшим запретом короля.

Поверх котты обычно надевали сюрко. Их шили из наиболее ценной материи: тафты, драпа, тисненного бархата и чистейшего китайского шелка. По покрою сюрко было похоже на котту, но имело больший объем, иногда за счет клиньев, которые вставлялись в юбку. Оно деликатно обрисовывало только плечи и руки, а к низу постепенно расширялось и ложилось ровными складками. Женское сюрко могло шиться со шлейфом, в который плавно переходила

спинка и который приходилось придерживать рукой. Шлейф и удлиненную по бокам юбку часто подбирали и закалывали на бедрах, показывая нижнее шелковое платье. Имея дело с однообразными покроями и формами, женщина могла проявить свою фантазию и изобретательность благодаря разнохарактерности самих драпировок. Тут не было равных Николетте, которая иногда так ловко драпировала меня, что даже самая неуклюжая походка становилась летящей и плавной, а разнообразие драпировок, подчас преображавших самые обыденные пластиа, вызывало зависть у дам.

Ткань была либо однотонной, либо украшена типичным европейским орнаментом – в виде ритмично повторяющихся мелких, незамысловатых рисунков. Россыпи квадратиков, звездочек, кружков, стилизованных цветков покрывали как плотные, так и самые тонкие материи. Тело, со всеми его индивидуальными особенностями, выявляло себя в движении, поскольку мягкая ткань обволакивала его, реагируя на каждый жест и даже вздох. Так же в моде были сквозные детали – своеобразные окошки, разрезы на платье, куда вставлялась цветная подкладка.

Потратив целое утро на пристегивание рукавов и прически, мы с Катей вышли на палубу только к одиннадцати часам. Вадик уже вовсю тренировался с герцогом Бургундским, который вяло отбивался от прытких нападок Вадика, напоминая огромного льва, лениво гоняющего хвостом мууху. Вадик уже весь взмок, прыгая вокруг рыцаря, а тот так и не сдвинулся с места, лишь изредка поворачиваясь то вправо, то влево. Приблизившись к де ла Маршу, который рядом с остальными рыцарями, смеясь, наблюдал за сражением, я заметила:

– Похоже, мой друг не слишком знаком с искусством битвы.

– Ну, что вы, донна Анна, – приветствуя меня, поклонился граф, – он очень даже неплох, вот только герцог очень сильный воин. Вашему другу повезло, он многому научится.

– Герцог невесел, – заметила я, – разве плохие новости омрачили его?

Де ла Марш очень странно посмотрел на меня, в его взгляде мелькнул на мгновение холодок.

– Вы не можете не знать, почему мой друг так грустен, донна Анна, разве может он веселиться после вчерашнего?

Я задумалась: что могло огорчить герцога? Его давняя любовь к донне и моя холодность? Но этот диалог происходит каждый день и тут нечему обижаться... Разве что... Закусив губу, я вдруг испугалась: а если герцог узнал, что мне доставили письмо с другого корабля? Это было ужасно, ведь я скомпрометировала честь донны! Неизвестно, что думает обо мне сейчас этот сумрачный рыцарь, измученный ревностью и догадками. Но я не представляла, как можно изменить ситуацию – признать, что мне доставили письмо, было выше меня. Ах, если бы Герцог был здесь! Уж он бы подсказал, как уладить это дело! Но ведь не только герцог Бургундский, но и де ла Марш знает о письме! И еще неизвестно скольким людям разболтал об этом оруженосец! Проклятый мальчишка! Болтун и сплетник! И как я могла симпатизировать ему?

Я сжала кулаки. Что они все сейчас думают об мне? Позор какой! Ну и влетит мне сегодня от отца Джакомо! Я с ужасом приготовилась выслушать длинную лекцию о том, как нужно вести себя благородной даме. «Ваша несдержанность удивляет меня, дочь моя, – уже звенело в ушах, – вы ставите себя в крайне невыгодное положение. Что подумают о замужней женщине, которая не только отказалась путешествовать рядом со своим супругом, но и принимает письма от других мужчин? Распущенность вам не к лицу, донна. Такой вы раньше не были».

Понуро направилась я к священнику, готовая принять на себя весь удар религиозной стихии. Но, вопреки моим ожиданиям, отец Джакомо ни словом не упомянул о письме. Мы разговаривали о совершенно других вещах, и тут меня начало мучить желание самой рассказать о том, что я получила письмо от Анвуайе и разорвала его. Мне хотелось услышать мнение

священника, чтобы понять, насколько тяжек в глазах окружающих мой поступок. Отец Джакомо выслушал меня, скорбно качая головой.

– Очень хорошо, что ты рассказала мне об этом, дочь моя. Впредь будь осторожнее, не подвергай опасности свое добре имя. Честь женщины легко замарать одним только словом, а чтобы смыть это пятно, потребуется много сил. Не рискуй понапрасну.

Я пообещала быть умнее и внимательнее, но утаила от священника, что все знают о полученным письме. То, что он не стал осуждать меня, придало мне сил. Я на миг забыла, насколько либеральнее, по сравнению с иными служителями церкви, был мой духовный отец. Мне казалось, что все поймут, что я невиновна, а герцог со временем успокоится и забудет об этом происшествии.

Второй день плавания прошел мучительно: герцог, хоть и пытался казаться веселым, был задумчив, но остальные ближе к вечеру уже спокойно смотрели на меня, я не чувствовала осуждения во взглядах. Вечер мы встречали вчетвером, стоя с де ла Маршем на носу корабля, несясь вперед между волнами и небом, испытывая чувство головокружительного полета. Мы весело болтали, вспоминая события накануне отъезда, как граф Пуатьерский вернулся во Францию и должен был приехать к нам уже в Египет, потом Вадик вдруг прервал графа и сказал, как видел сегодня герцога с лютней, и немного иронично описал, какой испуганной и маленькой выглядела лютня в огромных руках сильного герцога. Де ла Марш вдруг резко оборвал его:

– Вы, сир Уилфрид, возможно, не знаете, но герцог Бургундский прекрасно играет на музыкальных инструментах. Когда-то очень давно он еще и пел, и ему не было подобных среди певцов Юга.

– Так это его вчера назвал мастером оруженосец? – спросила я и осеклась, увидев, как злится граф.

– Вам ли этого не знать, донна Анна? – сухо бросил он. Я умолкла.

Катя задала вопрос, который не осмелилась задать я:

– А почему же он перестал петь?

Я, осмелев, подняла глаза на графа и увидела, что он все так же гневно смотрит на меня.

– Он был лучшим из лучших, мадам, песни любви лились из его уст, но он посвящал их только одной... только ей он пел и играл. Музыка спасала его от боли безответной любви, и он служил своей Прекрасной Даме, не смея коснуться и шлейфа ее платья, прося лишь разрешения воспевать ее в своих песнях, – граф говорил отрывисто, словно бросая мне в лицо сухие слова. – Но эта бессердечная Дама не ценила красоты песен, не понимала стремления творить, которое владело этим человеком. Она стала невестой другого и из тщеславия взяла с герцога слово никогда больше не петь любовных песен, наступила на горло самому лучшему трубадуру нашего времени!

– Как жестоко! – воскликнула Катя. – Она же не имела права!

Я почувствовала, что ненавижу донну Анну, ненавижу всей душой, и самым ужасным было то, что я ощущала ее вину, как свою. Не отрываясь, словно желая быть наказанной вполне, я смотрела в лицо де ла Маршу, принимая на себя весь поток его гнева. Это была мощная волна, от нее, казалось, дрожал воздух вокруг.

– Да, вы правы, та женщина не имела права лишать человека единственной радости в жизни. Она лишила его всего: любви, дружбы, творчества, песен. Она заставила его поклясться, он послушно умолк навеки и стал легендой еще до своей смерти. Он всегда поклонялся ей и не мог предположить, что расставание с музыкой окажется таким тяжелым. Но она уехала, и он остался в пустоте и безмолвии.

Катя быстро взглянула на меня и все поняла. Мне казалось, что от стыда за Анну и от жалости к герцогу горят щеки, но все, что оставалось, это смирно принимать на себя праведный гнев де ла Марша. Никогда еще я не видела его таким злым и агрессивным, особенно по

отношению к даме. Наверно, он действительно был хорошим другом герцога и не понаслышке знал, как тот мучается. Как же больно было вчера герцогу выслушивать оруженосца! Как жаль, что я не знала об этом раньше!

Да так ли безгрешна и невинна была донна Анна, как рассказывал Герцог д'Эсте? Сотворить такое с любящим тебя человеком казалось мне жестоким и бессердечным поступком.

Чуть позже совсем другая мысль озарила меня: никто не знал о письме Аннуайе – это страдания герцога заставляли всех с осуждением смотреть на донну! Я избегала герцога Бургундского, считая, что мое отсутствие поможет ему успокоиться, и отважилась выплыти на палубу только к закату. Герцог встретил меня, как всегда приветливо.

– Донна Анна, вы плохо переносите плавание? – спросил он, целуя мне руку.

– Моей служанке нездоровится, – ответила я, улыбнувшись как можно более тепло и сердечно. Мне казалось, что если я буду с ним мягче и любезнее, то как-то смягчу урон, нанесенный ему донной Анной.

На руках у меня спал Синтаксис, герцог взял его руками, одетыми в перчатки с огромными отворотами. Котенок от удовольствия выпустил маленькие коготочки, и они плавно впились в кожаную перчатку.

– Какое красивое, грациозное, беззащитное существо! – гладя малыша, произнес задумчиво герцог. – Но он может причинить боль, даже не задумываясь об этом. Для него это выражение привязанности, любви, это заложено в его природе: жестокость – часть его существования...

Я молчала, перед этим высоким и нежным человеком я чувствовала себя маленькой девочкой. Вдруг захотелось, чтобы герцог погладил по голове меня, а не Синтаксиса, нагло хрюкающего у него на ладони.

– Герцог, вы когда-нибудь видели что-нибудь подобное? – к нам подбежал запыхавшийся рыцарь-блондин, тот, что разговаривал накануне с Катей. Оказалось, что он прибыл к нам на лодке, чтобы показать необычный улов. На палубе, в круге сбежавшихся людей: рыцарей, дам, слуг (матросы смотрели на добычу сверху, повиснув на реях и канатах) – лежало причудливое существо. Оно одинаково пугало и завораживало, не верилось, что такое чудовище существует на самом деле.

Трехметровое матовое тело с огромной раной на брюхе казалось мягким. Хвост рыбы был длинным и узким, тело бледно-розового цвета, с серыми плавниками. Морда была отвратительной: ее венчал устремленный вперед приплюснутый рог над огромной раскрытой пастью, украшенной тоненькими и очень длинными зубами.

– Это акула? – тихо спросил Вадик, дотронувшись носком сапога до рыбьего хвоста. – Если бы я не знал о прекрасной экологии в XIII веке, я бы сказал, что это мутант.

– Боже мой, неужели такие существуют? – послышалось от одной из дам.

Да, матушка-природа явно расстаралась не на шутку, создавая существа, подобные этому. Маленькие мутные глазки, казалось, еще хищно блестят, глядя на нас, но Жоффруа де Базен (я наконец узнала имя этого блондина) заверил нас, что они умертили монстра часа два тому назад, для верности вытачив у него внутренности. Наши взгляды постоянно возвращались к акуле: клинок на голове, острые клыки, огромная пасть, розовая окраска – все поражало нас в этом уроде. Отец Джакомо, увидев распростертное на палубе тело, рассудил, что это благое предзнаменование и наш поход увенчается успехом. Было забавно смотреть, как возликовали все вокруг. Рыбу решено было отвезти на «Монжуа», где тогда находился король, и показать ему находку.

Скоро весть распространилась практически по всем судам, и нужно было видеть, как замелькали на волнах лодки с любопытствующими пассажирами – наверно, в тот вечер акула стала гостьей на доброй половине больших судов, следовавших в караване.

Настал третий день путешествия. Он был ветреным и ненастным, солнце то и дело исчезало за облаками, становилось прохладно.

– Мы как будто на север едем, а не в Африку, – закутываясь плотнее в меховую накидку, пробурчала Катя.

– Если бы можно было писать на русском, я бы вела дневник о нашем необыкновенном путешествии. Неужели, если мы расскажем о нем, когда вернемся, нам никто не поверит? Было бы здорово в подтверждение слов достать древние листы с чернильными записями и зачитать наше приключение.

– Никто не поверит. Но если хочешь, можешь писать на французском, – язвительно заметила Катя.

– Ты еще предложи на латыни писать, – хмуро ответила я. Манишка трепала меня по щекам, раздуваясь словно парус, но ее плотно прилегающие к ушам ткани спасали голову от холода. Мы весь день провели в каюте, играя в шахматы, болтая и рисуя, потому что больше заняться было нечем. Потом Катя углубилась в чтение книги, а я задремала в кресле возле кровати, на которой, бледная и изнеможденная от вынужденного трехдневного поста, лежала Николетта.

Ближе к вечеру, когда солнце опустилось к морю, и его золотые блики играли на огромных черных волнах, качающих наши корабли, к нам в каюту вбежал Вадик.

– Африка! Африка! – закричал он, закрыв за собой дверь, и прошелся на руках по комнате. Синтаксис спрыгнул у меня с коленок и зашипел, от страха забившись под кресло.

Катя, не дожидаясь меня, выбежала вслед за Вадиком на палубу, я провозилась с плащом и, выйдя из кормового отсека, поднялась на носовую часть судна, где стояли все рыцари, молясь на коленях об успехе похода. Преклонив колена, перекрестившись и поцеловав распятие у священника, читавшего молитву, я, таким образом, преодолела последнюю полосу препятствий, отделяющую меня от смотровой площадки.

Приложив руку ко лбу козырьком, я наблюдала вместе с остальными золотисто-красную неровную полосу африканского континента. Что ждало меня, Катю, Вадика, герцога и тех, кого мы знали по имени или в лицо, на этом загадочном материке? Ведь многих там, бесспорно, ждала смерть, боль, слава, победы и поражения…

Все молча смотрели на горизонт, и радость первых минут пропадала, сменяясь тревогой и мучительным ожиданием. Мы как один спрашивали небо: что ждет нас дальше? А небо темнело и хмурилось, паруса рвались и бились, словно испуганные птицы, которых держат за лапки. Ветер насвистывал зловещую песенку, гуляя среди мачт, и я вдруг вспомнила хищный блеск мертвых глаз акулы. Солнце угасало, топя свои лучи в черной воде, и безысходность в обнимку с обреченностью веяли над нами в белых одеждах. Кто-то сказал «туман», где-то раздавались приказы убрать паруса. Стемнело практически за пять минут, тьма окутала все корабли, огней не было видно, налетевший ветер задувал факелы и светильники, с воем и стуком перекатывал по палубе предметы. Спотыкаясь и пошатываясь, мы добрались кое-как до кают, и, войдя внутрь, стали испытывать еще больший страх, чем снаружи. Корабль качало, и неизвестно было, справится ли он с ненастьем, поэтому казалось спокойнее держать ситуацию под контролем, находясь на палубе, а не сидеть в каюте и не вздрагивать всякий раз, представляя, что мы уже опускаемся на дно. Было страшно, но единственное, что стояло в те мгновения перед глазами, была золотисто красная полоска берега на горизонте, к которой мы так или иначе приближались.

Что ждет нас там, на твердом берегу?

И в наступившей тишине, когда каждый из нас остался наедине со своими мыслями и страхами, сидя возле Николетты, в темноте я услышала ее слабый голос:

– Боже, храни нас!

Часть 2. Совершенный Крестоносец

Глава 1

Флот крестоносцев встал на якорь возле берегов Египта утром 4 июня 1249 года. Многие корабли после сильнейшей ночной бури находились в плачевном состоянии: паруса оборваны, весла разбиты в щепки, у нескольких галер повреждено рулевое управление. Следя в трех лье от берега, флот христиан плыл, не спеша, вдоль суши, пока король, созвав к себе всех своих баронов и маршалов, принимал решение о дальнейших действиях.

Собрание баронов при короле было событием необычным для Средних веков, но Людовик IX считал, что решения о судьбе похода он должен принимать сообща со всеми, потому что от этого зависели жизни слишком многих людей. Такие советы очень быстро вошли в привычку, бароны стали больше доверять ему, потому что он выслушивал их и никогда не осуждал предложенное. Можно сказать, что король был очень тонким психологом, изобретя прием «мозгового штурма» задолго до официального рождения психологии. Его вассалы имели право высказывать любые предложения и идеи, а потом король выбирал из них наиболее приемлемые, и их снова обсуждали, приходя к единственному решению. Таким образом, рыцари не просто подчинялись приказам короля, но и понимали необходимость и обоснованность того или иного действия, что делало исполнение более эффективным, поскольку подразумевало внутренний контроль и самоотдачу «самостоятельно» принятому решению.

К «Монжуа» стекались люди, на палубе толпился пестрый народ: рыцари надели на себя гербовые одежды, и теперь собрание напоминало яркий карнавал. Возле «Монжуа» на якоре стояла «Модена», на которой проходила служба, и верующие просили небо подсказать королю наиболее мудрое решение.

Совещание не продлилось долго – все единодушно решили, что на следующее утро высадятся на сушу и осуществлят первую атаку. Король повелел подготовить все галеры и мелкие судна и на следующее утро подняться на них всем, кто сможет там поместиться. Крупные суда должны были оставаться на месте и ждать результатов атаки. Король посоветовал всем исповедаться и составить завещания, уладить нерешенные споры и дела, ведь только Господу известно, кому суждено погибнуть завтра, а кому спастись.

Подготовка к бою началась. Это был праздник для всех рыцарей: они наконец-то займутся тем, ради чего отправились в путь еще в прошлом году. В них кипела энергия и желание поскорее ввязаться в бой. Ночью во время бури многие суда отстали или ушли в сторону, и поэтому дозорные, сидящие в специальных корзинах на верхушках мачт, словно аисты в больших гнездах, не прекращали высматривать отставшие корабли. Рыцари время от времени спрашивали их, не видны ли суда их товарищей, и переклички не смолкали целый день, полные шуток и забавных комментариев.

Однако дозорные не зря были начеку: вскоре на горизонте появились четыре галеры сарацин; видимо, они приплыли, чтобы убедиться, что это флот короля подошел к берегам Египта. Золотые лилии на голубых флагах мигом заблестели на солнце, взмыв практически на всех кораблях. С тревогой следили пассажиры больших кораблей, как христианские галеры окружили суда сарацин – завязался бой. На кораблях стоял ужасный шум, все переживали и болели за своих, от солнечных бликов на воде слезились глаза, но люди упорно следили за боем. Три галеры пошли ко дну почти сразу после того, как их окружили, но четвертая уходила от христианских кораблей, и раздосадованные возгласы рыцарей заполняли пространство между небом и водой. Некоторые из них были мечами о щиты, и грохот заглушал все остальные звуки. Дамы закрывали руками уши, крысы разбегались прочь, собаки с воем убегали в каюты, поджав хво-

сты. Но галера все равно ушла от преследования и сообщила гарнизону Дамьетты о прибытии французского короля.

С берегов Египта донесся шум – звонили в колокола на дозорных башнях, созывая воинов, и уже к полудню христианский флот увидел отряды султана, наводнившие берег. Это было великолепное зрелище: среди воинов выделялся полководец в доспехах из золота, каждое его движение заставляло гореть и переливаться его панцирь в лучах солнца. Воины султана дули в рога и били в литавры, и христиане не без страха прислушивались к этим звукам.

Жоффруа де Базен схватился рукой за деревянную лестницу, которую ему подавали с «Модены». За последнее время он бывал на этом корабле, пожалуй, чаще, чем на своем, но это даже радовало его. На корабле герцога Бургундского собралось приятное общество, присутствие дам смягчало характер мужских бесед, а на той галере, где путешествовал де Базен, путешествовали рыцари-одиночки, настолько разные между собой, что избегали общения друг с другом.

Жоффруа поднялся на корабль, снял шлем, затянул потуже хвост на голове, поправил пояс. Герцог Бургундский уже спешил к нему вместе с маршалом де ла Маршем, протягивая приветственно руки. Жоффруа бросил взгляд за спины друзей: там появились дамы со светлыми и радостными улыбками.

Среди них были жены рыцарей, путешествующих на корабле, например Маргарита де Бомон, очень высокая и худая женщина. Если бы Господь не наделил Жана де Бомона двухметровым ростом, редкий мужчина отважился бы жениться на Маргарите, потому что она была всего на несколько сантиметров ниже своего мужа. Была здесь и Катрин Уилфрид, жена одного англичанина, что состоял в оруженосцах у герцога, но тот так почтительно обращался с ним, что все уже давно считали Вильяма Уилфрида рыцарем. Катрин была удивительно чутким собеседником и проницательной женщиной – в этом Жоффруа убедился, поговорив с ней на одном из вечеров на «Модене». Чего не мог понять Жоффруа, так это как Вильям мог служить графине Артуасской, выставляя в не лучшем свете такую редкостную женщину, как Катрин. Да любой мужчина гордился бы такой спокойной и благородной женой! И вот, наконец, предмет всех разговоров и сплетен по всему Средиземному морю – вслед за своей подругой появилась донна Анна Висконти.

Эта женщина была, по выражению одного из друзей де Базена, редкой жемчужиной, что вез на своем корабле герцог. О ней говорили много, и все слухи настолько противоречили друг другу, что слушатель не знал, кому и верить.

Прежде всего бросалась в глаза скромность, с которой одевалась донна Анна. При том, что это была очень богатая и знатная женщина, она избегала излишних деталей и драпировок, пальцы ее никогда не были унизаны перстнями – в лучшем случае их было два или три, на шее висел маленький крестик и медальон. Она часто прикрывала голову строгой манишкой, иногда украшая ее венком или диадемой. Но сегодня волосы ее были заплетены в косы, и она не стала закрывать их от взглядов остальных. При всей простоте в ней чувствовалась изюминка или тайна, секрет, который хотелось разгадать, а движения, мягкие и плавные, завораживали, и вслед ей всегда обрачивались.

Говорили, что она щедрая, добрая и в то же время скрытная и необщительная женщина. Ее неожиданное воскрешение, спор с мужем, гибель сестры, скандал, после которого она потребовала развода, – все эти события только запутывали того, кто пытался понять ее. Она словно в одно мгновение оказалась открыта всем и уязвима, теперь о ее личной жизни знали, судачили и сплетничали. Кто-то считал, что Анна коварна и хитра, что у нее есть любовник, и она просто хочет освободиться от мужа. Тот факт, что она путешествовала на корабле герцога, только поддерживал сплетни и слухи. Говорили, что ее любовник – это герцог, и что донна

потеряла стыд, но де Базену довольно было взгляда на донну, чтобы понять, что она не любит герцога.

Скорее всего, она путешествовала на его корабле, потому что там плыла ее близкая подруга Катрин. Донна напоминала де Базену наивного ребенка, который совершенно не представляет, что о нем думают остальные. Единственный человек, с кем донна проявляла женскую деспотичность, был несчастный герцог.

Жоффруа де Базен сообщил известие, с которым пришел от короля: на рассвете герцог и его рыцари должны будут присоединиться к норманнскому судну, на котором поедет король. Высадка состоится на западном берегу Нила на острове Гиза, где в 1218 году высадился Иоанн де Бриенн, король Иерусалимский. Герцог поблагодарил за сообщение и тотчас приказал рыцарям готовиться. Потом он пригласил Жоффруа отужинать в их компании.

– Не могу не принять ваше приглашение, герцог. Никто не знает, что нас ждет завтра, возможно, это мой последний ужин, в таком случае, я не знаю места лучше и компании приятней.

– Полноте, сир, вы просто пугаете нас, – засмеялась Катрин. – Уверена, у вас впереди еще немало вечеров, возможно, еще более приятных, чем этот.

Донна Анна сидела чуть в стороне от компании, с детской беззащитностью и испугом на лице слушала рассказы о сражениях. Время от времени она отвлекалась и смотрела на берег, где в темноте мелькали огоньки мусульманских гарнизонов. Ветерок выдернул из ее тугой прически несколько локонов, и они теперь ласково и мягко летали вокруг лица, движимые ночным ветром. Огромный пес герцога Бургундского медленно подошел к ней и поддел носом руку. Она резко повернулась, словно испугавшись, но потом ласково потрепала собаку. Едва она снова углубилась в раздумье, как собака снова просунула нос под ее ладонь. Тогда донна Анна принялась легонько гладить ее, и собака положила большую голову на колени, усевшись рядом. Де Базену показалось, что герцог Бургундский был бы не прочь поменяться местами со своим псом, так он смотрел на донну.

Темный берег с маленькими красными точками факелов внушал донне тревогу: даже если они выиграют завтрашний бой, придется снова сосуществовать с Висконти и Анвайе, а ей так не хотелось снова сталкиваться с ними. Анне казалось, что за эти дни корабль превратился в дом, в уютную раковину, в которой она была ограждена от любой опасности.

Де Базен не стал засиживаться допоздна, у него еще было много дел: он планировал, как и велел король, написать завещание и исповедоваться перед завтрашним боем. На корабле тушили факелы – все собирались пораньше лечь спать. Когда Катрин Уилфрид подошла к донне Анне, оказалось, что та уже спит, завернувшись в плащ, несмотря на то, что прямо в лицо ей светила луна. Ее решили не будить, и Вильям Уилфрид, взяв женщину на руки, отнес ее в каюту.

На следующий день на заре, пока еще яркое солнце не начало пригревать, на всех кораблях, что отправлялись к берегу, готовились отслужить мессу. На «Модене» начались сборы, рыцари надевали лучшие доспехи и гербовые одежды, выбирали оружие для боя.

Граф де ла Марш с осторожением пытался застегнуть на плече часть доспеха. Все его оруженосцы куда-то разбежались, и он, высунув от напряжения язык и скосив до ломоты глаза, подхватывал непослушные ремни, чувствуя, что еще немного, и он в гневе сорвет с себя наплечник. Неожиданно тонкие нежные пальчики забрали ремешки у него из рук и ловко закрепили защиту. Граф посмотрел на донну Анну с благодарностью:

– Доброе утро, – весело сказала она.

– Доброе утро, донна. Благодарю вас за помощь, просто не представляю, куда подевались мои оруженосцы. А вы сегодня рано проснулись.

— Рано заснула, вот и проснулась рано. Мне хотелось побывать с вами, пока вы не отправитесь в бой. Неужели нельзя высадиться в другом месте, — вдруг воскликнула она с тоской, — ведь эти сарацины только и ждут, чтобы наброситься на вас там.

— Не они нас ждут, а мы их, — поправил ее граф. — Не бойтесь, донна, для нас это дело привычное.

Пальцы донны бережно проверили остальные ремешки, чтобы они не развязались во время боя. Было такое ощущение, будто она специально мешкает, не решаясь отойти от него.

В это время из каюты вышел герцог Бургундский и удивленно уставился на необычную сцену: донна Анна, бледная и взволнованная, в белой манишке с развевающимися краями, держала руки на плече графа и тихо перебирала пальцами ремни его доспеха. Они разговаривали тихо, глядя друг на друга и улыбаясь. Герцог почувствовал болезненный укол в сердце, но тут донна обернулась и с такой же нежностью, не вздрогнув и не смущившись, посмотрела на герцога. Что случилось с ней? Прежде она не позволяла себе так приближаться к мужчинам, а теперь в глазах нет ни тени прежней холодной сдержанности — она сдержанна, но в меру, и даже иногда нарушает все мыслимые правила.

— Доброе утро, донна, — сказал герцог, постаравшись, чтобы его голос звучал как можно более естественно. Он увидел, как де ла Марш из деликатности отошел подальше. Герцог надел на доспехи свою гербовую рубаху, и прежде, чем он успел сообразить, донна Анна сказала:

— Позвольте, я помогу вам застегнуться, я уже помогла графу и знаю, как это делается, — она взялась за защиту для плеча и закрепила ее на герцоге. Застегивая ремни один за другим, Анна не заметила, как приблизилась к нему.

— Вы будете сражаться? — спросила она тихо.

— Ну, конечно, — улыбнувшись, ответил герцог.

— Не ходите первым, — вдруг выдала донна, немного поколебавшись: — первые всегда погибают.

— Но ведь если все будут бояться, тогда никто не пойдет. Идя первым, я подаю пример остальным.

— И вам не страшно?

— Знаете, донна, боятся все, но, в отличие от трусов, храбрецы никогда не признаются, что им страшно.

Донна посмотрела на него как-то странно, испуганно и вместе с тем решительно.

— Я желаю вам удачи, герцог. От всего сердца.

Она пролепетала это и, опустив взгляд, густо покраснев, ушла в каютное отделение. Герцог не знал, радоваться ему или сердиться на нее, поэтому решил не мучить себя размышлениями на эту тему. Спустившись в лодку, он добрался до норманнского судна, отстоял мессу вместе с королем и поцеловал крест, который держал легат.

Король, заметно волнуясь, держась рукой за висящий на поясе меч, обратился к своим рыцарям с речью:

— Мои верные друзья, мои рыцари, верьте, мы будем непобедимы, если сплотимся в нашей любви. Ведь это по Божьему соизволению мы прибыли сюда, чтобы высадиться в столь сильно защищенной стране. Впереди у нас много испытаний и тягостных моментов, но я хочу, чтобы прежде всего вы сохранили в этом походе свою веру. Здесь, положа руку на сердце, я говорю вам: я не король Франции, я не Святая церковь, это вы являетесь тем и другим. А я всего лишь человек, чья жизнь закончится, как и жизнь других людей, когда того пожелает Господь. И что бы ни случилось, все пойдет нам на благо. Если нас победят, то мы станем мучениками, а если мы восторжествуем, то высоко вознесем славу Господа, славу Франции и славу всего христианского мира. Помните, рыцари, что наше дело — это дело Господа, и мы победим во имя Христа. Он восторжествует прежде всего в нас — что бы ни случилось. Он принесет славу, честь, благословение — не нам, но имени своему, ибо слава его не закончится никогда!

Когда корабль короля вслед за лодкой, на которой Жан де Бомон, Матье де Марли и Жоффруа де Сержин везли штандарт с изображением святого Дионисия, вышел вперед, за ним потянулись остальные галеры. Герцог обернулся: ему показалось, что на «Модене» он смог различить фигуру с белым покрывалом на голове, смотревшую им вслед.

В шлюпках и на галерах, сдерживая испуганных лошадей, горя жаждой борьбы и сражений, воины Христова войска напряженно следили за берегом – там их уже ждал неприятель. Когда они приблизились к острову на арбалетный выстрел, конные и пешие сарацины принялись обстреливать их, стрелы густо закрыли небо, и вода кругом забурлила. Рыцари отстреливались, торопясь поскорее пристать к берегу. Свист стрел резко разрезал воздух, раздавались удары стрел о щиты, возгласы раненых и умирающих.

Шлюпка Жана де Жуанвилля, сенешаля короля, достигла берега быстрее остальных кораблей и причалила прямо возле отряда сарацин, которые, едва заметив храбрецов, бросились вперед. Отряд Жуанвилля не растерялся: плотно воткнув острые концы щитов в песок и спрятавшись за ними, они выставили вперед свои длинные копья, и сарацины повернули лошадей назад, опасаясь наткнуться на оружие.

Едва сарацины заметили, что крестоносцы приближаются к берегу, пешие и конные воины мусульманской армии вошли в воду, чтобы атаковать приближающиеся лодки. Вода кругом кипела: сарацин было около десяти тысяч человек, арбалетчики христиан не успевали обстреливать противника, лавиной несущегося навстречу. Увидев, что сарацины уже поджигают их, многие рыцари, не дожидаясь команды, пешими с обнаженными мечами попрыгали в море. Дно было неровным, и вода достигала кому шеи, кому пояса, но вошедшие в азарт европейцы не замечали ничего. Король и его армия тоже бросились в море с криками: «Мон жуа Сен Дени!» С лодок и кораблей выводили испуганных лошадей. Рыцари поднимались в седла прямо из моря, и из-под брони у них каскадом выливалась вода. Арбалетчики так ловко прикрывали своих рыцарей, что практически никто из них не погиб и всем удалось сесть на лошадей. Король шел впереди с обнаженным мечом, его окружали пешие и конные рыцари. Когда эта масса вышедших из воды рыцарей обрушилась на берег, сарацины отступили. Хоругвь с изображением Святого Дионисия коснулась песков Египта.

Большие корабли, на которых тоже остались рыцари и оруженосцы, тем временем атаковали сарацинские галеры и заставили их уйти вверх по течению реки, очищая западные воды от неприятеля.

Когда «Модена» вместе с другими кораблями начала движение на сарацинские галеры, Вильям Уилфрид вместе с остальными оруженосцами и рыцарями перетащили пустые бочки и оставшиеся щиты на один из бортов корабля, устроив там своеобразную защиту для отряда арбалетчиков. Менее грузная и более маневренная «Модена» обошла «Монжуа» и «Парадиз» и приблизилась к одной из галер. Едва только расстояние позволило обстрелять сарацин, арбалетчики открыли огонь. Лучники галеры пытались ответить, но арбалетчики оказались надежно укрыты от стрел неприятеля. Спустя час на «Модене» и других кораблях рыцари дружно улюлюкали вслед уплывающим в спешке галерам. При подходе к Дамьетте с кораблей стало видно, что из города огромной толпой на битву отправляются все сарацины, и в самом городе царит непонятная суматоха и паника. Несколько кораблей не могли наделать столько шума, поэтому христиане посчитали, что атака на берег прошла успешно. Но двигаться дальше к городу французы не решились. Нужно было дождаться вестей от короля.

На суше все обстояло совсем иначе. Едва крестоносцы высадились на сушу, они поставили шатры, где помогли разместиться раненым. Убитых среди рыцарей было мало, а среди неверных около пяти сотен. Сарацины отступили к городу, дав христианам время прийти в себя и организовать отряды. По берегу и в воде валялись трупы лошадей и людей. В хаотичном

бою, когда все прыгали в воду с обнаженными мечами, все забыли, кто и с кем был в лодках и на кораблях, поэтому подсчет погибших шел с таким трудом.

Едва только христиане поставили палатки и построились в боевом порядке, как вернулись саракины. С воинственным кличем, размахивая кривыми саблями, на которых висели разноцветные ленты, всадники и пешие воины мусульман продвигались по песчаной косе. Христианская армия под предводительством короля смело выступила вперед.

– Да не прогнут сердца наши! – воскликнул король, – ибо с нами Господь! Пусть будет твердой рука, держащая меч, ведь с нами святой Дионисий! Мон жуа Сен-Дени!

И с воинственным кличем, вырвавшимся одновременно из сотен глоток, христиане побежали навстречу коннице, на ходу вонзили щиты в песок, и ряды их вмиг ощетинились острыми копьями. Мусульманские воины слишком поздно поняли маневр христиан, и многие из них не смогли остановить бег своих резвых коней и напоролись на копья. Несколько раз атаки были отбиты таким образом, битва была жаркой, одежда, намокшая в море, высохла уже через сорок минут после высадки и от соленой воды превратилась в корку. Бороды и волосы христиан слиплись от пота, крови и соли, но они были настолько захвачены битвой, что не замечали ничего. Многие эмиры в белых одеждах, предводительствовавшие отрядами, были убиты, между отдельными отрядами неверных и христиан уже завязались рукопашные бои. Саракины начали беспорядочное отступление к Дамьетте, король и его рыцари сели на лошадей и с разевающейся хоругвью доскаакали до лагеря сарацин, но тех уже там не было – они все ушли в Дамьетту. Их бегство можно было наблюдать с холма, открывавшего вид на восточный берег Нила и город. В свете садящегося солнца (только сейчас рыцари осознали, что бой продлился весь день) христиане наблюдали, как саракины уходят на тот берег по мосту, сделанному из лодок. Французы стали полноправными обладателями морского побережья и северо-западного берега Нила.

Глава 2

– То, что ты сделал сегодня, это слишком, – корила Катя Вадика вот уже второй час подряд. – Ты не должен был участвовать в сражении! Неужели не понятно, что ты рискуешь собой? Если ты погибнешь из-за своей навязчивой идеи рыцарствования, то мы с Ольгой останемся здесь навсегда, ты хоть понимаешь это или нет?

– Да если бы не я, разве могли бы они так быстро прогнать сарацин? – защищался Вадик. – По-моему, это была очень даже неплохая идея – построить щит из бочек.

– Хватит спорить, – заявила я, – лучше пойдем спросим, как дела на берегу. Ночь наступила так быстро, что уже ничего не видно, а мы еще ничего не слышали о герцоге и графе де ла Марше.

– И де Базене, – добавила Катя.

– Дался тебе этот де Базен, – пробормотал Вадик, – ничего в нем особенного.

– В твоей графике Артуасской тоже нет совершенно ничего особенного, – возразила я. – Однако ж тебе нравится унижать себя перед ней.

Наши корабли стояли очень неудобно, лагеря рыцарей видно не было. Но мы знали, что они наверняка пошлют кого-нибудь, чтобы известить о результате сражения. Выходя вслед за друзьями на палубу, я вдруг подумала, что мы совсем привыкли к этому времени, даже больше того, к людям, с которыми нас свела судьба. Мы беспокоились за наших знакомых, за исход сражения, за судьбу похода. Сейчас совершенно невозможно было представить, что где-то есть телевизоры, сотовые, микроволновые печи, электричество. Все изыски цивилизации казались неясным сном, который все реже терзал нашу память. Человек привыкает ко всему, теперь я была окончательно в этом уверена. Он подстраивается под любые обстоятельства и ситуации, способен общаться с любыми людьми и стать им равным, если его цель – выживание. Если бы мы терзали себя каждый день воспоминаниями о нашем мире, о родных, тосковали и мучились, мы бы сошли с ума. Смирившись и приняв правила игры, мы облегчили себе жизнь. Спокойствие значит очень много, и я все меньше боялась, что мне не поверят или раскроют. Я – донна Анна, и я добьюсь всего, чего хочу.

На следующий день дозорные лагеря передали королю, что над Дамьеттой поднимаются столбы дыма. Было воскресенье, 6 июня, наши корабли под управлением крестоносцев с берега подошли к небольшой и очень неудобной бухте, в которой было много подводных рифов. Пассажиры пересели на лодки, но даже мелкие суденышки то и дело натыкались на подводные камни, экипажу приходилось отталкиваться от камней веслами или руками. Две лодки перевернулись, но женщин и детей, находившихся на них, удалось спасти. Наша лодка двигалась, неуверенно покачиваясь, я и Николетта, судорожно вцепившись друг в друга, молились, закрыв глаза от страха. Вовсе не хотелось оказаться по уши в воде, поэтому когда Вадик, спрыгнув вместе с оруженосцами в воду, вытащил лодку на берег, было очень приятно сойти с нее, даже не замочив ног.

Вслед за пассажирами начали переправлять на берег разобранные орудия для осады города, которые собирали тут же на берегу. Взять Дамьетту, самое укрепленное место в Египте, означало бы сделать половину дела. Город был защищен двумя толстыми стенами со стороны Нила, тремя – со стороны суши, это были укрепленные военные сооружения с огромным числом боевых башен.

В 1218 году король Иерусалимский смог овладеть им только после шестимесячной осады, уморив гарнизон голодом. Но на сей раз среди сарацин распространился слух о смерти султана – его предупредили трижды через почтовых голубей о высадке французского короля, но ответа не получили. Султан был болен и находился в Каире, поэтому паника так быстро охватила

войско мусульман. Сарацины покинули ночью Дамьетту, перебив рабов и узников и устроив несколько пожаров; однако в спешке они позабыли уничтожить лодочный мост, ведущий в город. Некоторые из узников и рабов сбежали, утром гарнизон короля предупредил о том, что к лагерю приближается пестрая процессия оборванцев, многие из которых несли перевязанные в виде крестов палки, надеясь таким образом дать понять французам, что они тоже христиане.

Среди беспорядочно бегающих по берегу рыцарей я искала глазами герцога Бургундского, но не могла найти, и беспокойство росло в сердце. Что если этот храбрец погиб, ринувшись вперед всех на мусульман? Безумец! Я уже ругала его всеми словами, потому что прошел час, а я до сих пор не знала, где он и де ла Марш. Процессия бывших узников нахлынула на лагерь крестоносцев, и я в суматохе потеряла даже Вадика и Катю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.